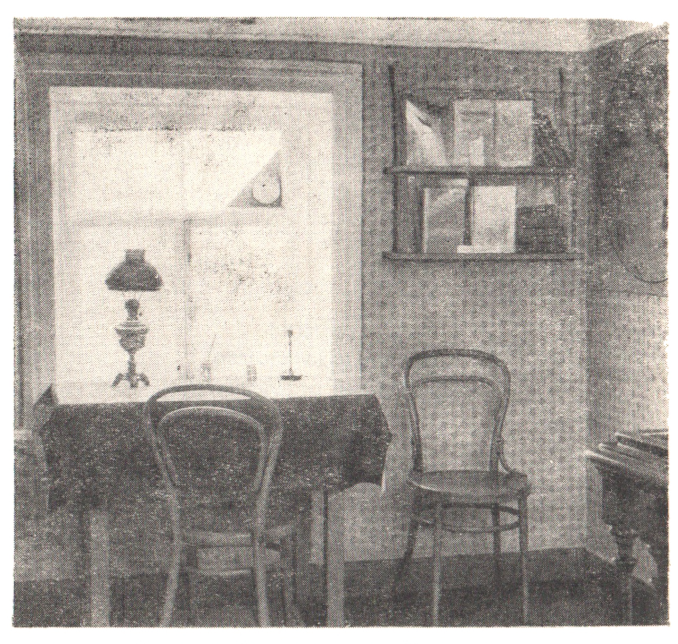
ЖОРЕС ТРОФИМОВ

ГИМНАЗИСТ ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Приволжское
книжное издательство
Пензенское отделение
1976

Комната Володи в доме Ульяновых
на Московской улице.

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

ГИМНАЗИСТ ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

(Документальные очерки)

3К26.3
Т76

Трофимов Ж.
Т76 Гимназист Владимир Ульянов. (Документ. очерки). Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1976.
200 с.

Автор этой книги кандидат исторических наук Ж. А. Трофимов, основываясь на воспоминаниях родных и современников, а также на документах и материалах, почерпнутых в архивах, музеях и библиотеках Ульяновска, Казани, Москвы, Ленинграда и ряда других городов, в форме документальных очерков рассказывает о гимназических годах Владимира Ульянова.

Новая книга Ж. А. Трофимова рассчитана на массового читателя.

10103
2-76 **3К26.3**

ОТ АВТОРА

В угрюмом застенке «классической»
школы
Я помню вас всех, как сейчас,
Бездушных, как все вы,— наук
протоколы
Насильно внедрявшие в нас...
. . . .
. . . .
От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы...
О, как глубоко ненавидели все мы,
О, как презирали вас мы...

Эти строки о Симбирской классической гимназии 70—80-х годов XIX века принадлежат известному в свое время поэту и публицисту Аполлону Коринфскому, сидевшему в младших классах за одной партой с Владимиром Ульяновым.

Нелестным было мнение об этом среднем учебном заведении и родных Ильича. «Для Саши гимназия была бурсой, — вспоминала А. И. Ульянова про детские годы Александра Ильича, — с грустью и возмущением рассказывал он мне о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатском грубом и часто несправедливом отношении учителей». За все «время прохождения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на необходимый мост в университет» [1].

Резко критикуя на III съезде комсомола буржуазную школу, заставлявшую людей «усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников», В. И. Ленин

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., ГИЗ, 1927, стр. 47, 49.

вместе с тем предостерегал строителей коммунистического общества от нигилистического отношения к тому, что уже «накоплено человеческим знанием» [1].

Подчеркивая автобиографический характер этих высказываний, Н. К. Крупская писала: «Сам ученик классической гимназии, типичной старой средней школы, он ненавидел эту старую школу с ее зубрежкой и муштрой, с ее отрывом от новой жизни. Он видел и знал, как в этой старой школе ум учащихся обременялся массой знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных» [2].

И все же какой была Симбирская гимназия, что именно в ней изучалось, кто преподавал в 70—80-х годах, каковы были условия учебы и быта, в какой среде находился Владимир Ульянов? Почему и как, несмотря на все трудности, он не только глубоко и творчески овладел программой школьного курса, но и обогатил свою память знанием значительной части «тех богатств, которые выработало человечество»?

Какие события происходили весной 1887 года, когда Ульяновы пережили арест, суд, а затем трагическую гибель Александра Ильича? Как сдавал выпускные экзамены Владимир Ильич и почему в его аттестате зрелости имеется одна четверка — по логике? Что определило раннее формирование общественно-политических взглядов и выбор им правильного революционного пути?

Эти и многие другие вопросы интересуют миллионы людей всех возрастов и профессий, стремящихся строить свою жизнь по Ильичу. Именно поэтому его школьные годы давно привлекают внимание советских ученых, художников слова, кисти и резца. Так, уже в 1919 году В. Д. Бонч-Бруевич попросил ответственных работников Симбирска отыскать архив гимназии и взять на особый учет дела, относящиеся к учебе Владимира Ульянова. Познакомившись с ними, он в 1921 году опубликовал «Некоторые сведения о юношеских годах В. И. Ленина по официальным документам» [3].

Бесценный вклад в освещение детских и школьных лет Владимира Ильича внесли его родные — Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы, а также Надежда Константиновна Крупская. Их воспоминания неоднократно издавались большими тиражами и пользуются постоянной любовью не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

К сожалению, в этих драгоценных мемуарах о детских и школь-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 303—305.
[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 367.
[3] «Пролетарская революция», 1921, № 2, стр. 41—44.

ных годах В. И. Ленина рассказывается не так подробно, как бы нам хотелось. Мариэтта Сергеевна Шагинян отмечала в связи с этим: «Старшая сестра Ильича, главный биограф его детства, рассказала о маленьком Володе очень подробно, а гимназиста Володю она в своих воспоминаниях почти не дала: потому что в решающие годы его развития она, учительницей, а потом курсисткой, жила большею частью вне дома и внимание ее в эти годы было направлено скорее на старшего брата, нежели на среднего.

Что до самых младших членов семьи, то они начали помнить и понимать старшего брата, когда основной юношеский перелом в нем уже совершился, и рассказы их относятся, главным образом, к периоду казанского студенчества, первой ссылке и юридической практике Ильича в Самаре. Та, кто могла бы полнее и ярче всех знать о нем, близкая ему по возрасту сестра Ольга, умерла молодой девушкой» [1].

Немногое почерпнула М. Шагинян во время двухлетнего пребывания в Ульяновске в 30-х годах от «главного спутника школьных лет Ильича Михаила Федоровича Кузнецова». Он, как и другие знакомые Ульяновых по Симбирску, не мог «похвастаться интимностью с Ильичем» и поведал лишь о некоторых деталях гимназической учебы и общения с ним [2].

Думается, что утверждение уважаемой писательницы и неутомимого исследователя, чей многолетний труд о семье Ульяновых увенчан Ленинской премией, нуждается в уточнении относительно воспоминаний Анны Ильиничны. Она еще в 20-х годах пояснила, что не написала более подробных впечатлений о событиях 1887 года потому, что была потрясена гибелью Александра Ильича. Немаловажным было и то, что по свежим следам «нельзя было записывать искренне свои воспоминания о брате, ибо противно было подумать, что в них станут копаться люди купленные, сыщики всех рангов...» А последующие десятилетия, с сожалением констатировала она, насыщенные огромной массой впечатлений, унесли многое из памяти [3].

Анна Ильинична отмечала также, что Александр Ильич в последние месяцы тщательно скрывал от нее свои революционные взгляды и практическую деятельность, что она ничего не знала о готовящемся покушении на царя.

Несомненно, эти пояснения имеют прямое отношение и к ее воспоминаниям о юности среднего брата. Ведь Анна Ильинична, будучи

---

[1] Мариэтта Шагинян. Билет по истории. Эскиз романа. М., «Молодая гвардия», 1969, стр. 16.

[2] Там же, стр. 17.

[3] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, стр. 28—29.

студенткой, ежегодно дважды приезжала домой. Находилась она в Симбирске с 22 мая по 20 июня 1887 года, не раз беседовала с Владимиром и рассказала бы об этом важном периоде в жизни ее родных подробнее, если бы не указанные выше обстоятельства.

Но и имеющиеся воспоминания родных содержат немало важных сведений об истоках формирования общественно-политических взглядов старших детей Ульяновых: влиянии демократической обстановки семьи, революционно-демократической литературы и соприкосновения с жизнью народа. Опираясь на них, исследователи штрих за штрихом воссоздают страницы документальной биографии молодого Ленина [1].

Автору этих строк довелось на протяжении двадцати лет работать в архивах, музеях и библиотеках Ульяновска, Казани, Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Горького и Пензы. По результатам поисков в поволжской и центральной печати было опубликовано несколько десятков статей и очерков о семье Ульяновых и учебе Владимира Ильича в Симбирской гимназии. Некоторые из них — переработанные и дополненные — вошли в эту книгу.

Не все пока удалось раскрыть в том объеме, как этого хотелось. Поэтому в тексте встречаются слова: «возможно», «не исключено». И все же можно надеяться, что книга поможет читателям полнее представить ученические годы Ильича.

---

[1] См.: В. Алексеев и А. Швер. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). М.—Л., 1925; Н. О. Рыжков. Симбирская гимназия в годы учения А. И. и В. И. Ульяновых (1874—1887). Ульяновск, 1931; Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., 1956; А. Л. Карамышев. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958; Ю. Махина, Г. Хаит. Мальчик из Симбирска. М., 1966 и другие.

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ВОЛОДИ

Илья Николаевич и Мария Александровна Ульяновы были сторонниками раннего обучения детей. Грамоту и чтение они преподавали по звуковому методу В. А. Золотова, усовершенствованному Ильей Николаевичем еще в Пензе, когда он обучал детей ремесленников в воскресной школе. Вот как он объяснял свой прием педагогам Нижнего Новгорода в 1865 году: «Нескольким детям, положим, 5, дается азбука из вырезанных из картона букв, и называется букв пять. Затем ученики сами спрашивают друг друга, какая это буква, и достигают, при соревновании друг с другом, полного знакомства с этими буквами. После этого им прибавляется еще пять букв и т. д. до конца всей азбуки» [1]. Потом под наблюдением учителя дети составляют простейшие слова, часто встречающиеся в обыденной жизни.

По методу мужа обучала своих детей и Мария Александровна. «Меня мать начала, — писала Анна Ильинична, — играя, учить с 5 лет, — помню наклеенные на картон буквы, из которых я составляла слова; брат (Александр. — *Ж. Т.*) выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он — четырехлетний — раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней» [2].

Прошли годы, подросла вторая пара детей, и Мария Александровна начинает, опять-таки очень непринужденно, заниматься с ними. «Читать Володя, — рассказывала Анна Ильинична, — выучился у матери лет пяти. И он,

---

[1] «Циркуляр по Казанскому учебному округу», 1865, № 21, стр. 181.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 37.

и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи» [1].

Под руководством матери дети с увлечением рассказывали русские народные сказки, читали стихи, с ее помощью овладевали началами немецкого и французского языков, игрой на рояле и пением. Аккуратность во всем и умение разумно чередовать труд с отдыхом, взаимный такт в отношении с окружающими — эти и другие благородные черты привычек и характера Марии Александровны охотно воспринимались членами семьи.

Немало интересного и необходимого познавали дети от отца. Он рассказывал о смене дня и ночи, временах года, атмосферных явлениях, знакомил с мерами веса, единицами измерения времени и пространства, приемами умственного исчисления и с географическими картами.

Неудивительно, что благодаря родителям Володя к семи-восьми годам далеко опережал своих сверстников по запасу знаний и, главное, приобрел неуемную жажду к их пополнению. Возник вопрос о его учебе в гимназии.

Обычно мальчики поступали в приготовительный класс, и гимназические преподаватели готовили их в течение года или двух к вступительным экзаменам в первый класс. Такую одногодичную подготовку прошел Александр.

Познав на себе «прелести» полуказарменной обстановки, царившей в Симбирской гимназии, он решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в приготовительный класс, а надо подготовить его к первому». Родители, по словам Анны Ильиничны, прислушались к голосу Саши, и Володю готовили две зимы домашние учителя [2].

Вначале им был Василий Андреевич Калашников. Илья Николаевич знал его чуть ли не с первых дней своей жизни в Симбирске как одного из лучших воспитанников педагогических курсов. Ему нравился трудолюбивый, скромный и любознательный юноша из бедной

---

[1] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. М., 1974, стр. 5.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 56.

семьи. И. Н. Ульянов, будучи еще инспектором народных училищ, оставил после выпуска Калашникова в городе и много потрудился, пока тот овладел новейшей методикой преподавания.

В семье Ульяновых в качестве домашнего учителя Василий Андреевич появился в 1873 году. Он успешно подготовил для поступления в гимназии Анну и Александра.

Потом, захваченный волной знаменитого «хождения в народ», учитель переводится в сельскую школу. Там по свежим впечатлениям пишет поэму «Больные», в которой гневно клеймит местные власти и духовенство.

Вернувшись в Симбирск, Калашников служит под руководством Ильи Николаевича в народных школах. Когда подрос второй сын Ульяновых, он снова появился в их доме.

«Занятия с Володей, — рассказывал Калашников много лет спустя, — были приятными: он быстро все схватывал и верно понимал». Очень живо описаны эти уроки в школьном сочинении Ольги Ульяновой «Как я училась грамоте»: «Мне было 4 года, когда моего старшего брата начали учить грамоте. Я была тогда очень дружна с братом и не хотела от него отставать; мои родители не учили меня, думая, что я еще мала и мне будет трудно, но у меня была большая охота учиться, и я выучилась сама с помощью старшей сестры и брата... Учитель мой (Калашников. — *Ж. Т.*) был очень добр, и я с удовольствием шла к нему заниматься...»

Но занятия эти продолжались лишь около двух месяцев. В. А. Калашников был очень занят по службе, и его заменил Иван Николаевич Николаев. В отчете за 1875 год И. Н. Ульянов отзывался о нем как об одном «из лучших учителей начальных училищ Симбирской губернии во всех отношениях. Он весьма хорошо знает свое дело, внимательно следит за всеми улучшениями в области преподавания в начальных школах, отличается хорошими нравственными качествами, с любовью относится к своему делу, обладает хорошим педагогическим тактом. Ученики привязаны к нему, относятся с полным доверием» [1].

---

[1] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 99, оп. 1, д. 1030, л. 14.

В первом приходском мужском училище, где преподавал Иван Николаевич и куда приходил Володя, имелись хорошая библиотека и наглядные пособия. Свой рассказ энтузиаст-учитель сопровождал показом красочных картин различных животных и птиц, моделей пароходов, локомотива, ветряных мельниц, земледельческих орудий, ткацкого станка. Такие уроки были интересными, и, понятно, мальчик ждал их и усердно выполнял все задания.

Завершала подготовку Володи к гимназии Вера Павловна Прушакевич. Учительница эта, по словам Анны Ильиничны, «считалась очень хорошей преподавательницей. К ней Володя бегал на часок, редко на два в день или до уроков, с восьми до девяти часов, или в свободные для учительницы часы, обыкновенно от девяти до десяти, когда в школе происходили уроки рукоделия или рисования. Чрезвычайно проворный с детства, он так и летел на урок. Помню, раз мать в холодное осеннее утро хотела одеть его в пальто, но не успела оглянуться, а его уже нет. Выглянула, чтобы позвать его обратно, а он уже за угол заворачивал» [1].

Видно, сумела учительница завоевать симпатии Володи, коль он «так и летел на урок». А что известно об этом педагоге? В литературе о молодом Ленине никаких сведений не оказалось.

Вначале не дал никаких результатов и архивный поиск, ибо личные дела на женщин-учительниц вести не полагалось. Но отчеты Ильи Николаевича, некоторые другие документы и рассказы здравствовавшего до 1972 года племянника учительницы Валентина Владимировича Ивановского помогли восстановить основные вехи ее биографии.

«Второй класс Симбирского женского двухклассного училища, — говорилось в отчете за 1882 год, — ведет учительница Вера Павловна Прушакевич, урожденная Ушакова, 26 лет, окончившая курс в Симбирской гимназии в 1874 году и работающая в этом училище с 15 сентября 1875 года» [2].

Далее выяснилось, что Вера Павловна окончила гимназию с золотой медалью и после этого преподавала в

---

[1] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, стр. 9.
[2] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1037, л. 30.

сельской школе. Директор народных училищ внимательно следил за нею и пришел к выводу, что она «по справедливости может быть названа одной из лучших учительниц» [1].

После переезда в Симбирск, состоявшегося при участии Ильи Николаевича, В. П. Ушакова работала и жила в том самом училище, куда приходил заниматься Володя.

В неопубликованном варианте воспоминаний Анны Ильиничны «Детские и школьные годы Ильича» указывалось, что первая школа Володи и Оли Ульяновых (она окончила ее в 1883 году) находилась «совсем близко от нашего дома, на Панской улице».

По документам Симбирской городской управы удалось установить местонахождение этого учебного заведения, а затем найти деревянный дом, в котором оно размещалось со дня открытия Ильей Николаевичем, то есть с 5 апреля 1871 года. В ходе поиска обнаружилось, что одно время попечительницей женского начального училища состояла М. А. Ульянова. Наконец, здесь же преподавала ее племянница Екатерина Ивановна Веретенникова.

Недавно на доме № 4 по улице Энгельса, где часто бывали Ульяновы, установлена мемориальная доска и он взят под охрану государством. Со временем в нем будет воссоздана обстановка, характерная для начального народного училища 70—80-х годов прошлого века.

В семейном альбоме В. В. Ивановского нашлось несколько фотографий В. П. Ушаковой, в том числе хорошо сохранившийся портрет 1878 года. Именно в такое прекрасное, одухотворенное лицо смотрели пытливые глаза Володи.

Важнейшая роль в его первоначальном обучении безусловно принадлежит Марии Александровне и Илье Николаевичу. Но в подготовке к гимназии есть и заслуга скромных народных учителей, особенно Веры Павловны Ушаковой (Прушакевич).

К лету 1879 года будущий первоклассник готов был

[1] И. Н. Ульянов работал инспектором народных училищ Симбирской губернии с 6 сентября 1869 года по 11 июля 1874 года, затем — в должности директора.

показать знание важнейших событий «священной истории ветхого и нового завета» и умение читать по церковнославянски. Не страшил Володю экзамен по русскому языку, включавший в себя «диктовку без искажения слов», анализ простого предложения, чтение басен и баллад. Все ясно было ему и по арифметике, где требовалось «умение считать и знание 4-х действий. Умственное решение практических задач».

В начале августа Илья Николаевич представил директору гимназии официальное прошение с просьбой допустить сына к вступительным экзаменам, приложив при этом требуемые уставом документы: метрическое свидетельство о рождении, медицинскую справку о наличии прививки против оспы и копию с формулярного о своей службе списка по ведомству министерства народного просвещения. Дети чиновников этого министерства освобождались от платы за обучение.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ

В четверг 16(28) августа 1879 года решением педагогического совета Симбирской классической гимназии [1] Володя Ульянов, успешно выдержавший вступительные экзамены, был принят в первый класс.

В этот же день он впервые надел форменную одежду: однобортный полукафтан из темно-синего сукна, застегивавшийся на девять посеребренных гладких выпуклых пуговиц, суконные темно-серые шаровары и суконное темно-синее кепи, над козырьком которого был укреплен жестяной посеребренный знак (кокарда), состоявший из двух лавровых листьев, перекрещивавшихся стеблями, между коими помещались прописные первые заглавные буквы названия города и гимназии — «СГ». В ранце установленного образца находились аккуратно уложенные учебники, тетради, дневник и письменные принадлежности.

[1] В литературе часто неправильно называется учебное заведение, в котором учились братья Ульяновы. Так, в сборнике «Ленин и Симбирск» (Саратов, 1970, стр. 44) оно именуется «Симбирской 1-й мужской классической гимназией». Е. Драбкина пишет, что эта гимназия носила имя Н. М. Карамзина («Юность», 1972, № 10, стр. 82).

С волнением подошел к девяти часам утра самый юный гимназист[1] к Карамзинскому садику, посреди которого возвышался массивный бронзовый памятник автору знаменитой «Истории Государства Российского».

Направо от него стояло белокаменное двухэтажное здание гимназии, куда направился брат Саша, ученик пятого класса. Приготовительный же класс и оба первых (нормальный и параллельный) из-за нехватки помещений в главном корпусе размещались в то время в нижнем этаже Дома городского общества[2], расположенного на противоположной стороне садика.

Сложные и противоречивые чувства испытывали родители, проводив сына в это единственное на всю губернию светское среднее учебное заведение.

Радовало, что Володя, несмотря на юный для первоклассника возраст[3], успешно выдержал вступительные экзамены. В случае надобности домашние могли помочь ему в приготовлении уроков. Можно было надеяться и на доброжелательное отношение большинства гимназических учителей к сыну уважаемого директора народных училищ губернии.

И все же Илья Николаевич и Мария Александровна волновались. Сумеет ли Володя, с таким живым и непосредственным характером, большой любознательностью и обостренным чувством честности и справедливости, сохранить самобытность своей натуры в полуказарменной обстановке гимназии?

Толстовско-деляновские (по фамилии министров народного просвещения графа Д. А. Толстого и И. Д. Делянова) гимназии 70—80-х годов гневно заклеймили в литературе В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин и другие прогрессивные писатели. Но наиболее емкую характеристику ей дал А. П. Чехов. В рассказе «Человек в футляре» он указывал, что это «не храм науки, а управа благочиния, где кислятиной воняет, как в полицейской будке».

Подобный отзыв полностью относился и к Симбирской гимназии. Вспоминая годы учения, С. М. Сахаров — соученик Владимира Ульянова — писал, что сейчас не-

---

[1] Все первоклассники были старше Володи на год и более.

[2] Сейчас здесь находится музыкальное училище.

[3] По уставу в первый класс принимались мальчики не моложе 10 лет. Володе было 9 лет и 4 месяца.

возможно даже представить, «каким гнетом на учащихся ложилась вся тогдашняя обстановка преподавания и надзора, когда начальство стремилось проникнуть в самые тайники души ученика и уловить самые сокровенные его мысли» [1].

Регламентация во всем была очень строгая. Посещение занятий допускалось только в установленной и очень неудобной форменной одежде. Учебники и все необходимое для учения носилось в ранце на спине. При встрече на улице с губернатором, архиереем и другими сановниками гимназист обязан был снять кепи (с 1881 года — фуражку) и вежливо раскланяться. Обращаясь письменно к гимназическому начальству, надо было в зависимости от чина титуловать его «благородием» или «высокоблагородием».

Расстегнутый воротник полукафтана (мундира), опоздания на уроки, неряшливо выполненные домашние задания, шалости на переменах, «неуместные вопросы к преподавателям», разговоры во время богослужения — все это и многое другое фиксировалось в «Книге учета учеников, оставляемых после 5-го урока» и строго, вплоть до карцера на хлебе и воде, наказывалось.

Помимо общегимназического учета, каждый классный наставник вел «Квартирный и кондуитный список», в котором регистрировал данные об учебе и поведении вверенных ему воспитанников.

Прилагались все меры, чтобы, по словам будущего крупного ученого С. А. Бутурлина, учившегося в те годы в Симбирской гимназии, «разъединить, распылить ученическую массу. Нас преследовали, — вспоминал он, — даже и тогда, когда мы по два, по три человека ходили друг к другу готовить уроки» [2]. В гимназических правилах особо выделялось требование, чтобы по окончании занятий ученики шли «каждый в свою сторону не гурьбой и не группами».

Тщательный надзор осуществлялся за учащимися во внеучебное время. Классные наставники, инспектор и директор систематически посещали ученические квартиры, расспрашивали родителей или квартирных хозяев

---

[1] «Воспоминания о гимназических годах В. И. Ленина его товарища по гимназии С. М. Сахарова». Рукопись. Фонды музея Ульяновской ордена Ленина средней школы № 1 имени В. И. Ленина.

[2] «Красная газета» (Ленинград), 1928, 22 апреля.

об образе жизни воспитанников и проверяли имевшуюся у них литературу.

Самовольные посещения театра, вечерние прогулки в городском саду хотя бы и старшеклассников расценивались как серьезные нарушения. Уезжая на каникулы, воспитанники получали в канцелярии гимназии отпускной билет. Возвращаясь, они сдавали этот документ с отметкой полиции о поведении и справку священника о выполнении религиозных обрядов.

И все-таки не строгости тревожили детей и их родителей. Страшилищем классической школы было засилье древних языков, с помощью которых правительство хотело отвлечь молодежь от политической жизни страны.

Пагубность схоластического содержания классицизма с самого начала была подмечена передовой общественностью 60-х годов. Недаром А. И. Герцен в письме к Н. П. Огареву писал: «Министр Толстой сказал одному из своих приятелей: «Еще шесть лет латыни — и вы увидите, как угомонится ваша молодежь» [1].

И действительно, древние языки с их грамматическими и синтаксическими тонкостями, бесконечными исключениями из правил и ненавистными письменными переводами (экстемпоралиями) были, по словам П. Н. Лепешинского, «кретинизирующим молодежь средством» [2].

Экстемпоралии представляли собой зачастую грамматическую казуистику, осилить которую безошибочно не могли иногда преподаватели-классики. Именно из-за латыни и греческого многие юноши оставались по нескольку лет в одном классе, а другие продвигались вперед с помощью репетиторов или бросали учебу.

Начало учебы Володи Ульянова совпало с назначением в Симбирскую гимназию нового директора — Ф. М. Керенского [3], сменившего ханжу и казнокрада И. В. Вишневского.

Вот как отзывался много лет спустя Керенский о новом месте своей службы: «В округе гимназия по малоуспешности учеников была на самом плохом счету. Малоуспешность зависела главным образом от того, что

---

[1] См.: Ш. И. Ганелин. Очерки по истории средней школы в России. М., 1950, стр. 40.

[2] П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 8.

[3] Отца будущего премьера-министра Временного правительства.

директор В-ский[1] и инспектор Хр-в[2], не имея надлежащей подготовки, преподавали древние языки в старших классах. Преподавание словесности было также в слабых руках... В первый же учебный год по вступлении моем в должность директора, уроки древних языков в старших классах были переданы отлично знающим свое дело и энергичным преподавателям, а преподавание словесности и логики взял я на себя. Через три-четыре года Симбирская гимназия снискала лучшую репутацию среди других гимназий округа[3].

Необходимо отметить, что Ф. М. Керенский, большой любитель саморекламы, на сей раз объективно обрисовал состояние гимназии конца 70-х годов. В самом деле, уже к 1882 году начальство Казанского учебного округа хвалило выпускников-симбирян за успехи в изучении древних языков и русской словесности. Но новый директор «подтягивал» учебное заведение суровыми, подчас безжалостными методами.

Об этом говорит, в частности, высокий уровень второгодничества и отсева. Так, в первом классе остались на второй год семеро соучеников Володи. В пятом классе, где учился Александр Ульянов, за неуспеваемость по древним языкам не перешли в следующий класс восемнадцать мальчиков. Даже в восьмом классе в том же 1880 году из 23 выпускников не были допущены к устным испытаниям 10 человек[4].

Так наводил «порядок» директор в конце первого года работы в Симбирске. А всего за первое пятилетие при Керенском из гимназии отсеялось около 250 воспитанников, то есть значительно больше, чем поступило в нее за это же время[5].

Строгость требований к знаниям учащихся в Симбирской гимназии отмечалась в одном из донесений доцента Казанского университета в учебный округ: «...наибольшая из всех гимназий. Несмотря на эту строгость оценки ответов преподавателями, директор гимназии ста-

---

[1] Н. В. Вишневский.

[2] И. Я. Христофоров.

[3] ЦГА Узбекской ССР, ф. 47, оп. 1, д. 25, л. 218.

[4] Симбирская гимназия (1809—1909). Историческая записка. Составил препод. А. С. Агринский. Симбирск, 1909, стр. 86.

[5] А. Л. Карамышев. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958, стр. 86. (В дальнейшем — А. Л. Карамышев.)

вил в большинстве случаев отметку ниже отметки преподавателя».

Об обстановке, царившей при Керенском, красноречиво свидетельствует дисциплинарная практика. Только в 1885 году на учеников было наложено 915 взысканий при общей численности гимназистов 422 человека [1].

Трудности учебы приводили в отчаяние неуспевающих учеников, особенно из малообеспеченных семей. «10 сего июня, — докладывал в 1885 году симбирский полицмейстер губернатору, — в 8 часов вечера воспитанник Симбирской классической гимназии крестьянский сын, Карсунского уезда, Дмитрий Васильевич Потапов, 15 лет, с целью лишить себя жизни, выстрелил из револьвера себе в правый висок, где пуля и засела. Потапов отправлен в земскую больницу. Причина покушения на самоубийство, по всей вероятности, — невыдержание экзамена в 5-й класс» [2].

Словом, безотрадную картину представляла собой Симбирская классическая гимназия и при Ф. М. Керенском. Учиться здесь, как и в большинстве учебных заведений подобного типа, было трудно и тягостно.

В МЛАДШИХ КЛАССАХ

В первую же неделю первоклассники явственно почувствовали, что находятся в классической гимназии. За это время им было дано восемь уроков латыни — ровно в два раза больше, чем по родному языку или арифметике. В этом классе в неделю отводилось по три часа на чистописание, рисование, пение, а также по два часа на закон божий и географию.

Во втором классе начиналось обязательное изучение одного из новых языков — немецкого или французского. Володя Ульянов вместе с небольшой группой соучеников изъявил желание заниматься обоими языками.

На третьем году обучения ученики начинали познавать алгебру, древнюю историю и самый трудный предмет курса — греческий язык.

Наиболее ответственным из младших классов был

---

[1] А. Л. Карамышев, стр. 87.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 519, л. 116.

четвертый. В нем добавлялись геометрия и грамматика славянского языка, но зато вводились устные экзамены, на которых проверялись знания и за предыдущие годы учебы. Это означало, что нагрузка на учеников неимоверно возрастала. Например, только по русской словесности надо было знать наизусть более ста различных стихотворений и басен. Не менее объемный материал был и по всем другим предметам.

Каждый учебный день проходил напряженно. Вот какой распорядок предусматривал гимназический устав для учеников, начиная с третьего класса.

Подъем в шесть часов утра, затем полуторачасовое приготовление домашних заданий. Занятия начинались в 9 утра и заканчивались обычно «в 2 часа 30 минут пополудни». Пятидесятиминутные уроки отделялись друг от друга 5—10-минутными перерывами. Между третьим и четвертым имелась получасовая перемена, но большая ее часть заполнялась гимнастикой, проводившейся под руководством отставных военных.

По окончании занятий около часу отводилось на возвращение из гимназии домой и отдых на воздухе. После этого рекомендовалось полтора часа готовить уроки, начиная с письменных работ, «которые не требуют умственного напряжения». На обед и забавы можно было затратить два часа, а затем столько же времени снова употребить на приготовление уроков. Теоретически считалось, что к 9 часам вечера ученик должен закончить свой рабочий день. На деле же хорошо успевающий гимназист часто не успевал выполнить задания к определенному уставом времени отхода ко сну — к 22 часам.

Большинство мальчиков вообще не справлялись с домашними заданиями и приходили в гимназию неподготовленными, надеясь списать упражнения или задачи у отличников. Но, увы, учитель во время опроса выявлял подобные хитрости. Он выставлял таким ученикам неудовлетворительные отметки и многих оставлял в гимназии без обеда.

Состоятельные родители помогали детям тем, что нанимали для дополнительных занятий толковых старшеклассников или студентов, приезжавших на побывку домой. Однако репетиторы не всегда могли вытянуть, как тогда говорили, неуспевающего гимназиста, и он оставался второгодником.

Нелегко было и Володе, но он с первого класса завоевал репутацию первого ученика, которого уважали преподаватели и товарищи. О его постоянных и выдающихся успехах свидетельствуют документы, сохранившиеся в архивах.

Если в первом и втором классах похвальные листы и дарственные книги кроме Володи Ульянова вручались Александру Писареву и Михаилу Кузнецову, то в третьем и четвертом классах он один оказывался достойным таких поощрений. Причем анализ табелей учащихся показывает, что у Володи Ульянова по всем предметам годовые отметки были отличные, тогда как у его товарищей, получивших, как и он, первые награды, имелось по одной-две четверки.

Учеба в гимназии была, по выражению Н. К. Крупской, скучной, мертвой, а требования непомерно жесткими[1]. В чем же секрет успехов первого ученика?

Несомненно, что дети Ульяновых испытали на себе громадное влияние родителей. Они знали, как трудно было Илье Николаевичу, сыну бывшего крепостного, а впоследствии бедного портного, получить образование. По чужим учебникам обычно готовил он уроки, урывал часы, чтобы за гроши репетировать сынков из зажиточных семей, и все же при выпуске был удостоен серебряной медали. До него за всю 44-летнюю историю Астраханской гимназии никто еще не получал такой высокой награды.

Блестяще, со степенью кандидата математических наук Илья Николаевич закончил Казанский университет. И этого успеха он добился, преодолевая нужду и лишения. Ведь выходцам из «податных сословий» стипендия не полагалась, и ему пришлось учиться и подрабатывать уроками, чтобы оплатить «угол» в частной комнатушке, как-то питаться и одеваться.

Возглавляя народное образование Симбирской губернии, отец часто и подолгу бывал в разъездах. Но когда выдавалось свободное время, он помогал детям в учебе и самообразовании, любовно и терпеливо разъяснял им трудные вопросы. Такой «драгоценный для педагога дар» неоднократно отмечался в его служебных аттестациях на протяжении 14 лет учительской работы.

---

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1971, стр. 29.

Отличный знаток физики, математики, астрономии, метеорологии, геодезии, географии и естествознания — предметов, которые с успехом преподавал в учебных заведениях Пензы и Нижнего Новгорода, Илья Николаевич объяснял своим детям наиболее сложные разделы учебников, указывал на дополнительную литературу, демонстрировал новейшие модели и приборы, которые постоянно выписывал из магазинов Петербурга, Москвы и Казани, водил на экскурсии в физические кабинеты учебных заведений Симбирска.

В необходимых случаях отец помогал и по другим предметам. Анне Ильиничне запомнилось, как он растолковывал ей «написанную варварским языком» грамматику Говорова и имел терпение просматривать в планах или в готовом виде «все ее сочинения». А одним летом он сам начал изучать с Александром основы греческого языка, который в его время не был еще введен в гимназиях.

Но не только занятия в самом тесном смысле слова оказывали существенное влияние на развитие детей. Анна Ильинична, говоря об отце, указывала: «И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добра в людях, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано научились признавать необходимость и важность знания» [1].

Эта характеристика в полной мере относится и к Марии Александровне. Детство и юность ее прошли на хуторке Кокушкино, где не имелось даже начальной школы. Однако жизнь в захолустье не помешала Марии Александровне стать образованной девушкой своего времени. Под руководством отца Александра Дмитриевича, врача по профессии, и тетушки Екатерины Ивановны, заменившей давно скончавшуюся мать, она овладела немецким, французским и английским языками, хорошо знала русскую литературу, историю и математику, увлекалась игрой на фортепиано и пением, освоила искусство кройки и шитья, вязания, основы садоводства и огородничества, могла оказывать в необходимых случаях первую медицинскую помощь.

---

[1] А. Ульянова. К статье г. В. Назарьева «Из весенних воспоминаний...»— «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября.

За месяц до замужества, в июле 1863 года, Мария Александровна сдала в Самарской мужской гимназии экстерном экзамены на звание учительницы и получила право на преподавание русского, немецкого и французского языков, а также арифметики. В школе ей работать не пришлось, но дома ее педагогическое дарование раскрылось во всем многообразии.

Добрый посев дал обильные всходы: ребята питали жажду к знаниям. Всем им было присуще глубочайшее чувство нравственного долга перед родными за выполнение своих обязанностей.

Первой повторила успех отца Анна Ильинична. В 1880 году, когда ей не было еще шестнадцати лет, она, единственная из выпуска Симбирской мариинской женской гимназии, получила большую серебряную медаль. А ведь самая юная выпускница занималась в этом своеобразном и сравнительно редком учебном заведении, «состоявшем в ведомстве императрицы Марии», всего лишь пять лет. Это не случайно. В гимназиях такого типа даже дети чиновников министерства народного просвещения не освобождались от платы за обучение. Поэтому родители, с трудом сводившие концы с концами, предпочли готовить дочь за младшие классы дома. И Аня сразу поступила в пятый класс, минуя седьмой и шестой («в мариинских» гимназиях начальным был седьмой класс).

И по уровню гражданской зрелости девочка превосходила одноклассниц. Вместе с Александром прочла в школьные годы многих русских и иностранных классиков. Под влиянием Д. И. Писарева она всерьез штудировала естественнонаучную литературу, пробовала свои силы в поэзии. Увлеченная примером отца, Анна мечтала о месте народной учительницы, но юный возраст был этому помехой. Только через год после окончания гимназии она получила место помощницы учительницы в одной из начальных школ Симбирска.

Старшему сыну Ульяновых, самому юному из выпускников 1883 года, по окончании гимназии тоже вручили золотую медаль. Награда была заслуженной: Александр умело сочетал гимназический курс с систематическим самообразованием.

Будучи студентом Петербургского университета, он на первых же курсах обратил на себя внимание Д. И.

Менделеева, И. М. Сеченова, А. М. Бутлерова и других ученых с мировым именем.

Александр активно участвовал в деятельности студенческого землячества, много занимался научно-исследовательской работой. На третьем курсе ему, как победителю научного конкурса среди студентов-естественников, вручили золотую медаль.

О своем новом успехе Александр лаконично написал домой. Анне Ильиничне запомнилось, как «горько плакала мать, что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию» [1].

Летом 1886 года, когда Александр приезжал на вакации, Владимир мог рассмотреть вторую награду брата. На лицевой стороне медали гравер изобразил крылатого Гения с лавровыми венками в руке и атрибутами науки у его ног: глобусом, свитком, книгами и зрительной трубой. На обратной стороне обрамленная лавровым венком многозначительная надпись: «ПРЕУСПЕВШЕМУ».

Словом, Александр Ильич, как указывала впоследствии Анна Ильинична, «являлся живым примером того, как надо было учиться. А так как младшие всегда подражают старшим, — а Володя, кроме того, горячо любил брата и старался следовать его примеру во всем, то у него с детства стала вырабатываться привычка серьезно выполнять все заданное, прорабатывать все изучаемое основательно до конца» [2].

Например, каждый из членов семьи Ульяновых видел, как тщательно готовил сочинения Владимир. Он никогда не писал их накануне подачи. «Наоборот, — вспоминал Дмитрий Ильич, — как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, стр. 32.

[2] А. И. Елизарова. Как учился Владимир Ильич.— «Пионер», 1928, № 2, стр. 2.

он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу» [1].

После тщательной подготовки В. Ульянов писал карандашом все сочинение начерно, и только потом, после дополнительных уточнений, уже чернилами переписывал его набело. Поэтому не удивительно, что каждая такая работа гимназиста поражала и удивляла учителей «обилием мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения».

Очень помогало ему в учебе то, что он обычно внимательно слушал объяснения учителей в классе, и дома зачастую достаточно было повторить заданное, чтобы усвоить новый материал.

Бывали и трудные дни, ибо приходилось, как указывала Н. К. Крупская, заучивать «всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение возьмется. Держал себя в руках» [2].

И конечно, далеко не последнюю роль в успешной учебе играла природная одаренность, стремительно развивавшаяся в благоприятной домашней обстановке. Вот почему обычной была та картина, которая дается в воспоминаниях Анны Ильиничны: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — пять» [3].

---

[1] Д. И. Ульянов. О Владимире Ильиче. М., 1964, стр. 15—16.
[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 29.
[3] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, стр. 16.

Начало учебы Володи Ульянова в гимназии совпало по времени с революционной ситуацией, сложившейся в России на рубеже 70—80-х годов. Кульминационным моментом героической схватки народовольцев с самодержавием стало 1 марта 1881 года, когда им после ряда неудачных покушений удалось привести в исполнение смертный приговор царю.

Такое событие, вспоминала Н. К. Крупская, как «убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры» [1].

О чем же говорили и писали в Симбирске в тот памятный год, что из всего этого могло оказаться в поле зрения Володи и его родных?

Во-первых, о наиболее драматических эпизодах борьбы революционеров с правительством население Симбирска узнавало обычно из фальсифицированных официальных газетных сообщений. Во-вторых, духовенство и представители администрации комментировали подобные сведения на молебнах, сходах крестьян и горожан. Но был и третий источник — рукописные и гектографированные прокламации, распространявшиеся членами местного подполья.

Например, в 1880 году невдалеке от здания мужской гимназии, в которой учились Александр и Владимир Ульяновы, местные власти обнаружили одну из таких прокламаций. Она была обращена к народным массам и призывала построить «новый мир — мир труда».

И. Н. Ульянову иногда приходилось читать нелегальные издания в служебной или даже домашней обстановке. В частности, 18 января 1880 года смотритель сызранского училища К. Добролюбский получил по почте прокламацию Исполнительного комитета «Народной воли», в которой рассказывалось о попытке революционеров взорвать царский поезд 19 ноября 1879 года на линии Московско-Курской железной дороги.

Ознакомившись с прокламацией, смотритель отослал

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1971, стр. 30.

ее И. Н. Ульянову, которому был подчинен по службе.

Сызранские жандармы, с опозданием узнавшие об этом, сообщили о случившемся начальнику Симбирского губернского жандармского управления генералу фон Брадке.

«...Вы имели полное право, — выговаривал Брадке после этого своему помощнику в Сызрани, — потребовать, чтобы он (смотритель. — *Ж. Т.*) вам представил прокламацию... Подобные возмутительные воззвания не должны быть известны никому, кроме как жандармскому ведомству» [1].

О том, что прокламация «Народной воли» попала к И. Н. Ульянову, Брадке тотчас же доложил своему шефу в Петербург.

Из дальнейшей переписки видно, что Брадке брал у И. Н. Ульянова прокламацию для снятия с нее копии и попросил директора народных училищ в дальнейшем не подшивать в свой архив подлинники прокламаций, а передавать их ему. Подобные «просьбы», равнозначные по тем временам приказу, свидетельствовали о том, что жандармы не доверяли директору народных училищ и не желали, чтобы революционные издания проходили через его руки и оставались в делах его канцелярии.

Однако никакие предупреждения охранителей самодержавных порядков не могли отстранить И. Н. Ульянова от происходивших событий. Из секретных циркуляров, получаемых от вышестоящих инстанций, он знал о распространении запрещенной литературы среди простого люда и особенно учащейся молодежи.

...Правительственное сообщение об убийстве Александра II поступило в Симбирск по телеграфу через несколько часов после этого небывалого для России события. Вскоре все жители узнали о нем из печатных объявлений, расклеенных по городу и продававшихся в газетных киосках.

Эта весть, писал близкий знакомый Ульяновых писатель В. Н. Назарьев мемуаристу и критику П. В. Анненкову в Баден-Баден (Германия), пришла «в Симбирск во время ярмарки, при огромном стечении народа... Все портреты покойного государя были распроданы в один час. Лубочные литографии продавались по 1 руб. и бо-

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1395, лл. 6—8.

лее. Мужики всячески старались добыть первое роковое объявление, платили бог знает какие деньги и увозили домой»[1].

«На гостином дворе, во многих местах базарной площади и на некоторых частных домах, — сообщалось в «Симбирских губернских ведомостях», — развевались печальные флаги из белой и черной материи на древках, увенчанных крестом».

Любопытным документом, характеризующим обстановку в Симбирске в те дни, является донесение фон Брадке, представленное им в департамент полиции. Весть об убийстве императора, писал он, «как громом поразила все население», все недоумевали, «как могло случиться такое ужасное происшествие в столице, среди белого дня...

Население (так Брадке именовал симбирское «общество». — *Ж. Т.*) впало в уныние, пошли различные толки, боялись за будущее, говорили, что будет, если и ныне благополучно царствующего государя ожидает такая же участь. Все эти предположения рождались потому, что население еще ничего не знало, что предпринято в Петербурге. Все ждали газеты, чтобы знать подробности случая, наконец, какие приняты меры на будущее»[2].

О том, как отнесся И. Н. Ульянов к покушению на императора, пишет в своих воспоминаниях Анна Ильинична: «Помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора, где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, он был против террора. Он указывал потом с мрачным видом на более суровую реакцию при Александре III — реакцию, сказавшуюся и на его деле.

...Думаю, что отец, говоривший на эту тему со мной, не мог не говорить с братом (Александром Ильичем. — *Ж. Т.*), с которым он вообще больше беседовал по общественным вопросам»[3].

Правительство, зная о напряженном ожидании насе-

---

[1] Пушкинский дом (ИРЛИ), ф.72, д. 7, лл. 10—11.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 102, 3 делопроизводство (д-во), д. 11, л. 19.

[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 55.

лением страны подробностей убийства Александра II, почти каждый день циркулярно рассылало телеграфные сообщения о ходе расследования обстоятельств дела. Так, 4 марта 1881 года «для сведения жителей города Симбирска» было вывешено правительственное «Объявление» с сообщением о том, что уже арестован «главный распорядитель злодейского преступления 1-го марта» (А. И. Желябов. — *Ж. Т.*), что первый снаряд в царя бросил «неизвестный человек, смертельно раненный на месте взрыва», а второй — мещанин Н. И. Рысаков. Через день симбиряне узнали из нового «Объявления» об аресте в Петербурге активного участника подготовки покушения крестьянина Т. М. Михайлова.

Не ограничившись «объявлениями», правительство предложило руководителям всех ведомств организовать ряд устных пропагандистских выступлений с разъяснением события 1 марта 1881 года всем слоям населения, в том числе и учащимся. Так, 4 марта попечитель Казанского учебного округа в предписании директору Симбирской гимназии определил следующий порядок поминания Александра II: «В десятый, двадцатый, сороковой, полугодичный и годичный дни» со дня кончины императора в «полном присутствии всех гг. служащих и учащихся и вашем, в училищном храме должны быть отслужены отцом законоучителем и исполнены хором заведения панихиды... по покойном государе» [1].

О чем говорили духовные наставники в эти дни своим питомцам, может дать представление «Слово», сказанное законоучителем женской гимназии в день погребения Александра II и опубликованное в «Симбирских губернских ведомостях».

Предав проклятию революционеров, убивших царя, проповедник нарисовал картину печальных явлений за последние десятилетия, к которым отнес «развитие религиозного неверия в некоторых членах общества, во многих холодность к вере... и напротив излишнее пристрастие к разнообразным светским развлечениям и удовольствиям, так что иногда храмы божии мы находим почти пустыми и во время воскресных богослужений, а театры, клубы и прочие места светских развлечений полными посетителей и даже и по будням...»

---

[1] ГАУО, ф. 101. оп. 1, д. 340, л. 3.

У многих, продолжал священник, наблюдается апатия к чтению библии, евангелия «и вообще книг религиозно-нравственного содержания», вместе с тем у них замечается увлечение чтением «романов, светских журналов и книг, к изучению и усвоению всевозможных, попадающихся в этих книгах модных теорий» [1].

Интересно, что и в это время в Симбирск и в губернию проникали нелегальные издания. Так, в апреле 1881 года известное «Письмо исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III» получили из Петербурга алатырский предводитель дворянства А. Пазухин, командир расквартированного в Симбирске 5-го Калужского полка полковник Обер, крестьянин С. Кузнецов, жена чиновника А. Дрыгалова. Когда последнюю начальник губернского жандармского управления спросил, кто, по ее мнению, мог прислать прокламацию, она высказала предположение, что это, возможно, сделал студент Петербургского университета А. Полубояринов, который, «когда был в гимназии, давал уроки ее детям...» [2].

В большинстве случаев обыватели, получившие революционные прокламации, боясь репрессий, сдавали их в полицейское и жандармское управления. Но имели место случаи, когда подобные воззвания сохранялись.

Например, в октябре 1883 года жандармам удалось обнаружить у воспитанника симбирской чувашской центральной школы А. Григорьева «три прокламации Исполнительного комитета по поводу события 1 марта 1881 г.» [3]. Следствие установило, что эти прокламации А. Григорьев получил от работавшего в той же школе кузнеца К. Фадеева. В результате обыска у него были найдены биографии известной русской революционерки С. Л. Перовской, «три воззвания по поводу казни участников событий 1-го марта 1881 г. и три экземпляра прокламаций, тождественных с найденными у Григорьева» [4].

---

[1] «Симбирские губернские ведомости», 1881, 28 марта.

[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 41, л. 3 об. В 1879 году А. Полубояринов и Д. Белокрысенко (сын близкого знакомого Ульяновых А. Ф. Белокрысенко) были уличены в хранении запрещенной литературы.

[3] ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, д. 23621, л. 21.

[4] ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, д. 23621, л. 21. Небезынтересно, что А. Григорьев избежал репрессий благодаря заступничеству Н. Охотникова — будущего ученика гимназиста Владимира Ульянова.

По-разному реагировали дети на многочисленные разговоры взрослых о покушении на Александра II. В частности, вспоминая о детских забавах, в которых нередко принимал участие Володя Ульянов, сын инспектора народных училищ Симбирской губернии М. В. Фармаковский приводил позже такой пример. Как-то, играя с товарищами, он, показывая на свой рисунок, воскликнул: «А вот убивают царя, вот летит нога, рука!..» Старушка няня остановила его словами: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат...» [1].

Второго апреля 1881 года Андрей Желябов, Софья Перовская и их ближайшие соратники были казнены. Генерал Брадке, информируя о реакции на это известие, отметил, что общество все еще не пришло «в нормальное состояние спокойствия, оно ждет новых открытий, так как предполагает, что многие из участников преступления 1-го марта еще не разысканы...

Общество задается вопросом, кто же главный руководитель настоящего политического движения; должно быть лицо сильное, имеющее громадные денежные средства, чтобы дать возможность политическим деятелям потратить такие деньги, которые они расходуют на их предприятия» [2].

В отчете за май Брадке вновь заявил, что симбирское общество «еще не успокоилось». Оно встревожено известиями о еврейских погромах на юге России, боясь, что под их влиянием «потом будут грабить и русских» помещиков. Но особенно волнуют общество газетные сообщения о майских событиях в Петербурге, где арестовано несколько флотских офицеров и найдены мины и подкопы в различных частях города.

«Все газетные сообщения, — заключал Брадке, — не могут не повлиять на все слои общества, которые видят, что социально-революционная партия, как ни преследует ее правительство, все-таки еще сильна и пользуется всякими удобными случаями, чтобы принести вред правительству» [3].

Большинство крестьян пригородных селений, узнав

---

[1] М. В. Фармаковский. С маленьким Ульяновым. Фонды Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске. См. также: «Молодой Ленин». М., 1964, стр. 166.

[2] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 11, лл. 15—15 об.

[3] Там же, л. 19.

о гибели Александра II, считало, что его убили помещики за то, что он якобы хотел дать мужикам настоящую волю. «Убеждение это, — писал неизвестный революционер в плехановский «Черный передел», — так сильно и так взволновало население, что во многих селах крестьяне намерены убить ближайших помещиков, как своих заклятых врагов» [1].

Однако в одном из сел, невдалеке от Симбирска, крестьяне совершенно правильно объяснили себе события 1 марта. Когда весть о смерти царя дошла до волостного старшины, он послал сотника оповестить по домам и собрать народ на панихиду. Но большинство крестьян на нее не явилось, а наиболее смелые заявили при этом: «Зачем мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли... Мы уж лучше будем молиться о студентах, которые хотят для нас настоящей воли» [2].

Как свидетельствуют журналы Симбирской городской думы за 1881 год, под влиянием мартовских событий серьезные волнения возникли среди жителей близлежащих слобод. Они усилили самовольные порубки в городской лесной даче, отказывались платить подати, избивали сторожей. Представители Симбирской городской думы в сопровождении полицейских пытались навести «порядок», но угрожающая активность слобожан заставила их убраться восвояси и под воздействием народных масс отсрочить взимание налогов.

Напуганные симбирские жандармы проявляли верноподданическое рвение в «искоренении крамолы». В апреле 1881 года они произвели обыск у воспитанника Симбирской гимназии А. П. Жаркова и уличили его в ведении переписки политического характера с крестьянином Я. А. Лапшиным [3]. 26 июня 1881 года полиция задержала в Симбирске 18-летнего воспитанника Самарского городского училища К. А. Глевовер-Беклевского, расклеивавшего в городе революционные прокламации, написанные его рукой [4].

---

[1] Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.—П., 1923, стр. 349—350.

[2] Там же, стр. 350.

[3] ГАУО. ф. 885, оп. 1, д. 54, л. 125 об.

[4] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1882, оп. 77, д. 101, л. 2.

Вместе с тем официальные круги симбирского общества клялись в преданности трону, метали гром и молнии в адрес революционеров и любого свободомыслящего человека. Об этом убедительно свидетельствует «грозная» статья, опубликованная в 1881 году «Симбирской земской газетой». Авторы ее прославились в Поволжье тем, что предложили свои средства для выдачи ста рублей в награду каждому, кто «задержит злоумышленника», распространяющего «слухи о переделах и даровых наделах крестьянам земли» [1].

Конечно, не все из того, о чем выше шла речь, было известно гимназисту Володе Ульянову. Но несомненно, что некоторые из этих общеизвестных для симбирян событий дали пищу и его уму, способствуя раннему пробуждению интереса к общественно-политическим вопросам.

В ЧАСЫ ДОСУГА

В известной статье «Как и что рассказывать школьникам о Ленине» Н. К. Крупская призывала агитаторов не изображать перед детьми Володю Ульянова «каким-то пай-мальчиком», только и знавшего, что «усердно учить уроки» [2]. Веселый и общительный, подвижной и любознательный, он любил часы отдыха, которые оставались после приготовления уроков, и был непременным участником игр в прятки, лошадки, бабки, «индейцев», лапту и многие другие.

Увлекался Владимир и спортом. Упражнения на трапеции, катание на «гигантских шагах», установленных во дворе их дома, санках и коньках, купание, рыбалка или лодочная прогулка по Свияге — все это доставляло ему удовольствие и радость.

Заботясь о гармоничном развитии своих детей, Илья Николаевич и Мария Александровна с раннего возраста приучали их к посильному труду. В нем они видели лучшее средство развития естественных сил и способностей каждого ребенка, формирования у него твердого характера и воспитания высокой нравственности.

---

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 437, лл. 1—3.

[2] Н. К. Крупская. Соч., т. 3. М., АПН РСФСР, 1959, стр. 707.

«Сама всегда занятая, — вспоминала Мария Ильинична, — мать не любила, когда дети слонялись без дела, и умела приучать их к труду, проявляя иной раз немало изобретательности, чтобы труд этот на первых порах не был принудительным, заинтересовывал и завлекал детей»[1]. Постепенно она добивалась, что дети сами себя обслуживали, старшие заботились о младших. Наличие обязанностей у каждого члена семьи укрепляло мысль об обязательности труда для всех.

Под наблюдением матери ребята мастерили елочные игрушки, украшения. Девочки, кроме того, овладевали искусством вязания, вышивки, шитья и кулинарии.

Илья Николаевич, давно увлекавшийся работами по дереву, учил сыновей выпиливанию, вырезыванию и выжиганию, изготовлению книжных полок и простейшему ремонту мебели. С удовлетворением наблюдал он потом, как Александр быстро и умело оборудовал в летней кухоньке химическую лабораторию.

Научился работать рубанком, пилой и топором Владимир. Он тоже сам делал полки для книг, санки, ходули, лук и стрелы, вырезал из мягкой осокоревой коры лодочки для младших. Каждую зиму братья устраивали во дворе ледяную горку для катания на санках с длинным раскатом-дорожкой. Когда Илья Николаевич приобрел крокет, Володя произвел разметку площадки, установил дужки,«мышеловку».

Веселой и дружной была работа в своем саду, особенно когда в ней участвовали родители. «Помню, — рассказывала Анна Ильинична, — летние вечера после сухих, жарких дней и всех нас с лейками, ведрами, с кувшинами — со всякой посудой, в которую можно было набрать воды, накачивающими воду из колодца и путешествующими в сад к грядкам и обратно. Помню, как быстро мчался оттуда с пустой лейкой Володя».

Илья Николаевич в молодости много путешествовал. Особенно он любил поездки по Волге. Волжанами по рождению и привязанности к великой русской реке были и его дети. «В летние вакации, — вспоминала Анна Ильинична, — отец каждый год брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом далеких планов и разговоров»[2].

---

[1] «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4, стр. 42.

[2] «Симбирские губернские ведомости», 1894, 15 октября.

Ольга, делясь впечатлениями об одной из таких поездок с родными, писала в классном сочинении: «Я почти все время стояла на палубе и любовалась волжскими берегами... Мне так понравилась Волга, медленно катившая свои светлые воды, ее красивые берега, быстрое движение пароходов, что жаль было расставаться с этим...» [1].

Очень живописна река в Симбирске, расположенном на гористом правом берегу. С Венца, находившегося невдалеке от Карамзинской общественной библиотеки и мужской гимназии, особенно хорошо просматривалась ее широкая гладь и заволжские дали. Отсюда, рассказывала Мария Ильинична, дети любили наблюдать ледоход и оживленное движение пароходов. На пристанях весной закипала жизнь, возобновлялась бойкая торговля.

Навсегда сохранил горячую любовь к красавице и труженице Волге, родной реке, Владимир Ильич. «Хорошо бы летом на Волгу!» [2] — писал он матери в 1902 году из Лондона. Узнав, что Мария Александровна, болевшая зимой 1910 года, поправилась, он советовал пораньше выбраться «из Москвы куда-нибудь на Волгу....» [3]. С болью Владимир Ильич признавался в следующем году М. Т. Елизарову: «Соскучился я по Волге!» [4].

И несомненно, что он имел в виду своих земляков-тружеников, когда на Капри, глядя, как распутывают сети рыбаки, с гордостью заметил: «Наши работают бойчее» [5].

Почти ежегодно выезжали Ульяновы из Симбирска на отдых в Кокушкино, где жили родные Марии Александровны и прошла ее юность. После стен нелюбимых нами казенных гимназий, вспоминала Анна Ильинична, после «майской маяты с экзаменами, лето в Кокушкине казалось чем-то несравненно красочным и счастливым».

Окрестности Кокушкино славились своей живописностью. Здесь было где побегать вволю, пособирать цветы, грибы и лесные ягоды, покупаться и позагорать. Осо-

---

[1] Ю. Махина, Г. Хаит. Мальчик из Симбирска. М., 1969, стр. 42.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 223.

[3] Там же, стр. 308.

[4] Там же, стр. 317.

[5] М. Горький. В. И. Ленин. М., Политиздат, 1971, стр. 53.

бенно интересными становились прогулки, когда в них принимали участие Мария Александровна и приезжавший на несколько дней Илья Николаевич.

Мать лучше всех знала каждую тропку и полянку, безошибочно выводила детей к наиболее урожайным грибным и ягодным местам, помогала распознавать растения и деревья, разъясняла происхождение названий рощиц, водоемов и угодий, рассказывала о былях и легендах края.

Илья Николаевич давно слыл любимцем всего кокушкинского общества, но особые симпатии питали к нему дети. Он часто рассказывал смешные и забавные истории, распевал шутливые песенки, принимал оживленное участие в играх.

Пребывание в деревне позволяло Владимиру в деталях познакомиться с жизнью и бытом крестьян. Многому учило отношение родителей к сельским труженикам. Он видел, как охотно оказывала мать медицинскую помощь всем нуждающимся, как отец дружески и непринужденно беседовал с крестьянами.

В субботние вечера дети Ульяновых обычно не готовили уроков, и вся семья собиралась в гостиной. Иногда решали или составляли ребусы, шарады и литературные викторины, рисовали, слушали прекрасно игравшую на рояле Марию Александровну или пели под ее аккомпанемент. Музыку ценили и любили все с ранних лет.

У Володи, тоже учившегося на рояле, по словам матери, «был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки» [1]. В одном из младших классов он оставил занятия на рояле, но любовь к музыке сохранил на всю жизнь и тонко понимал ее.

С особым интересом ожидалось всеми Ульяновыми чтение очередного номера рукописного журнала «Субботник», выпускавшегося под руководством Александра. «Каждый из нас, — вспоминала Анна Ильинична, — должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавляя что-нибудь от себя. И вот

---

[1] Д. И. Ульянов. Воспоминания о Владимире Ильиче, стр. 48.

номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживление, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!» [1].

Илья Николаевич не любил пустого времяпрепровождения. Если выпадали свободные часы, то предпочитал отдать шахматам. Мария Ильинична вспоминала: «Часто играл Илья Николаевич со своим близким знакомым Арсением Федоровичем Белокрысенко — управляющим удельной конторой. Белокрысенко принимал участие и в деле народного просвещения в качестве члена училищного совета, и общая работа создавала, вероятно, у отца с ним особенную близость» [2].

Играть умели все. Каждый ребенок испытал не раз «радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял шахматы, — писала Анна Ильинична. — Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде...» [3]. Одно время Илья Николаевич и трое старших детей очень увлекались четверными шахматами, когда за одной доской «сражались» две пары партнеров.

Очень сильно играл Александр. Будучи студентом, он мог заматовать короля соперника, не глядя при этом на фигуры. Владимир, научившийся от отца мудрой игре в возрасте восьми-девяти лет, в пятнадцать стал побеждать своего учителя.

«Помню, — писал Дмитрий Ильич, — как Илья Николаевич (зимой 1885—1886 гг.), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 51, 53.

[2] М. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886). М. — Л., Соцэкгиз, 1931, стр. 67 (в дальнейшем — М. Ульянова).

[3] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, стр. 12.

некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске...)» [1].

Отец знал, к кому посылал сына. Ведь братья Н. Д. и П. Д. Ильины учились вместе с гениальным М. И. Чигориным в Гатчинском сиротском институте у одного шахматного учителя. Всем шахматистам Симбирска было известно, что братья Ильины являются знатоками теории и сотрудничают в чигоринском «Шахматном листке».

Иногда Илья Николаевич демонстрировал новейшие физические приборы и наглядные пособия. Беседы отца, например, о строении вселенной и астрономические опыты были настолько занимательными, что Владимир с ранней юности «очень хорошо знал все созвездия».

Торжественно и радостно отмечали именины членов семьи, а также такой праздник, как Новый год. Дети задолго до этих дней готовили самодельные подарки, разучивали стихотворения и песни.

Вот какие впечатления остались у одноклассницы Ольги от посещения одного из новогодних праздников в доме Ульяновых: «Оля позвала почти всех наших девочек. Илья Николаевич сам зажигал елку, танцевал с нами, и мы с ним играли в разные игры: жмурки и в кошки-мышки. Мария Александровна играла нам танцы» [2].

Учась в старших классах, Владимир посещал вечера художественной самодеятельности, устраивавшиеся учащимися мужской и женской гимназий, бывал с родными на спектаклях в театре Булычева. В Симбирске ему довелось видеть выступления А. А. Рассказова, В. Н. Андреева-Бурлака (двоюродного брата своего школьного товарища) и других знаменитых актеров России. Немало толков слышал он дома о пьесе близкого знакомого отца В. Н. Назарьева «Золотые сердца».

С годами игры и развлечения отошли на второй план. Равняясь на Александра, Владимир каждый свободный час старался использовать для внешкольного чтения, которое стало его любимейшим занятием.

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1968, стр. 105.

[2] А. Карамышев, А. Томуль. Воспитание в семье Ульяновых. Саратов, 1966, стр. 36.

Подытоживая свои наблюдения за Владимиром Ульяновым, Ф. М. Керенский отметил в выпускной характеристике, что не мог не заметить в этом ученике «излишней замкнутости и чуждаемости от общения с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимости» [1].

Анна Ильинична, комментируя это мнение директора гимназии, указала, что здесь имеет место искажение истины. Она заявила, что больших приятелей у брата «в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать» [2]. Более того, говоря о взаимоотношениях с товарищами по учебе, старшая сестра Ильича подчеркнула: он хорош был со всеми. Об этом свидетельствовали и современники.

Так, О. П. Петрова (Арнольд) 28 декабря 1885 года, записывая в своем дневнике впечатления о пребывании на елке в доме Ульяновых, отметила, что там были одноклассницы Ольги и «мальчики, товарищи Володи. Так было весело, не хотелось уходить домой».

Среди знакомых, посещавших Ульяновых, выделялась своей демократичностью семья одного из помощников Ильи Николаевича В. И. Фармаковского. Владимир Игнатьевич считался высокообразованным и передовым человеком. Работая в Вятке сначала преподавателем истории и русской словесности, а затем мировым судьей, он активно участвовал в общественной жизни этого города. О принципиальности В. И. Фармаковского можно судить по следующему отрывку из рапорта вятского губернатора министру внутренних дел: «Фармаковский отобрал у монахинь Вятского монастыря кружку для сбора пожертвований, разрешенную им местным епископом, оштрафовал игуменью монастыря и, кроме того, в камеру мирового судьи два раза вызывал Вятского вице-губернатора, управлявшего в то время губернией, и заставил его, как свидетеля по делу, давать показания, стоя перед мировым судьей».

Обвинения властей в принадлежности к кружку, де-

---

[1] «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 89.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1956, стр. 17.

виз которого: «Все, что от правительства или от дворянства, осуждать», и последовавшие гонения вынудили Владимира Игнатьевича оставить должность судьи. Он с радостью согласился занять открывшуюся вакансию — место инспектора народных училищ Симбирской губернии. Работая в 1877—1881 годах под руководством И. Н. Ульянова, В. И. Фармаковский глубоко изучил нужды народной школы и многое сделал для ее развития. В эти годы им были написаны его лучшие педагогические труды, получившие широкое распространение в стране.

В дружеских отношениях находились не только главы семейств, но их жены и дети. Не прерывались связи между ними и после отъезда Фармаковских в Оренбург. Так, 8 января 1882 года И. Н. и М. А. Ульяновы отправили письма В. И. и К. А. Фармаковским, а двенадцатилетний Володя своему сверстнику — Борису.

Письмо Володи необычное. «Письмо тотемами» — так автор озаглавил свое послание. Оно представляло собою кусочек коры березы, на котором Володя в шуточной форме с помощью рисунков рассказывал (или напоминал) об одном из эпизодов летних игр в Симбирске. Не исключено, что шифрованное послание являлось одним из серии писем-загадок, которыми обменивались друзья.

Продолжительное время, даже после опубликования «Письма тотемами» в журнале «Юность» и газете «Пионерская правда», его содержание оставалось неразгаданным, пока за его изучение не принялся знаток истории письменности. Вот его толкование: «Шесть центральных изображений (самовар, рак, аист и др.) являются подражанием тотемным знакам индейских племен (это подтверждается надписью «письмо тотемами» в правом верхнем углу письма); по-видимому, изображения эти воспроизводили шутливые клички ребят... Линии, соединяющие головы и сердца тотемных изображений, символизируют единство их мыслей и чувств. Линии эти направлены к некоему чернобородому человеку, купающемуся в пруду, и, вероятно, передают просьбу детей к этому человеку. О содержании просьбы рассказывают изображения в правой части письма. Проголодавшись в результате охотничьих игр (шесть фигурок с оружием и медведь справа от пруда), дети просят их взрослого родственника или знакомого прекратить затянувшееся

купание, вернуться домой (изображение дома) и накормить детей (изображение колбасы, кувшина, хлеба, склонившихся над ним шести детских лиц с разинутыми ртами и знак вопроса). Лежащая фигура в верхнем правом углу письма показывает, что могло бы случиться, если бы просьба детей не была выполнена» [1].

Несколько слов об адресате Володи Ульянова. Борис Фармаковский, как это видно из дел Симбирской гимназии, по возрасту был на три месяца старше своего товарища [2], но учился классом ниже. Симпатичный и очень развитой мальчик, увлекавшийся историей, рисованием и музыкой, был интересным собеседником и хорошим товарищем по играм. Именно поэтому Володя дружил с Борисом и поддерживал с ним переписку после отъезда его семьи в Оренбург.

В Оренбурге Фармаковские жили до 1885 года, а затем переехали в Одессу. Здесь Борис окончил Ришельевскую гимназию, затем историко-филологический факультет Новороссийского университета [3].

Очень теплые воспоминания о Фармаковских остались у народной артистки СССР Антонины Васильевны Неждановой, жившей в те годы в Одессе. «Самой близкой для меня была в высшей степени культурная, образованная семья директора народных училищ Владимира Игнатьевича Фармаковского.

...Эти прекрасные люди в моей жизни играли большую роль, прививая мне глубокие, серьезные взгляды на жизнь, на отношения к людям. Я им обязана многим. Вся жизнь Фармаковских была служением высоким идеям и народу» [4].

Далее А. В. Нежданова рассказывала о том, что в квартире Фармаковских она впервые услышала о социализме, глубже познакомилась с передовой культурой. Борис Владимирович очень хорошо играл на рояле и был ее первым аккомпаниатором.

---

[1] В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 80.

[2] Б. В. Фармаковский родился 28 января 1870 года.

[3] Биографические сведения о Б. В. Фармаковском получены от его вдовы — Татьяны Ивановны Фармаковской, которая живет теперь в Ленинграде.

[4] А. В. Нежданова. Материалы и исследования. М., 1967, стр. 32.

Впоследствии Б. В. Фармаковский стал выдающимся ученым-археологом, профессором, руководителем советского института истории материальной культуры [1]. В числе наиболее бережно хранимых им реликвий сохранилось и «Письмо тотемами» Володи Ульянова.

Среди гимназических товарищей Владимира Ульянова особый интерес вызывает личность Аполлона Коринфского, с которым он вместе учился пять лет. Встречи между ними нередко проходили в квартире Коринфского, у которого была большая библиотека. «Она,— вспоминал Д. М. Андреев, — занимала целую комнату и была составлена им самим. Коринфский много покупал книг, любил их и знал им цену. Когда к Коринфскому заходил Ульянов, его нельзя было оторвать от шкафов с книгами. Он взбирался на высокую табуретку, перелистывал книги и так зачитывался, что забывал все на свете» [2].

Цитируя эти любопытные строчки, некоторые современные исследователи ограничиваются лишь таким лаконичным комментарием: «Коринфский Аполлон Аполлонович — поэт-лирик, выходец из дворянства. С 1896 по 1899 годы редактировал журнал «Север», в 1899—1904 годах сотрудничал в «Правительственном вестнике». Для лирики Коринфского характерны воспевание старины, «любование красотой природы» [3].

Здесь, как, впрочем, и в других справочных изданиях, ничего не говорится о Коринфском как о человеке, не сообщаются даже даты его рождения и смерти, опускается десятилетний период (1886—1896) общественной и литературной деятельности, наиболее близкий к гимназическому.

У каждого, кто знакомится с вышеприведенными данными о Коринфском, невольно складывается о нем неблагоприятное впечатление: дворянин, сотрудник официоза и аполитичный поэт. Но в действительности Владимир Ульянов знал о Коринфском нечто другое.

Прежде всего, многие симбиряне располагали сведениями о том, что дед Аполлона — Михаил Петрович был академиком архитектуры, автором проектов мно-

---

[1] Б. В. Фармаковский умер в 1927 году в Ленинграде.

[2] Д. М. Андреев. В гимназические годы.— «Звезда», 1941, № 6, стр. 7.

[3] См.: А. Иванский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 169.

гих замечательных зданий в Поволжье и в Симбирске.

Знал, наверное, Владимир Ульянов, что знаменитый зодчий являлся сыном арзамасского крестьянина-мордвина и стал широко известен лишь в результате большого труда.

Мать Аполлона умерла в день его рождения, а пяти лет он остался круглым сиротой, которого взяли на воспитание родственники отца. Внешне очень симпатичный, не по годам начитанный и одаренный тонким пониманием природы, Аполлон учился в гимназии блестяще. По итогам первого класса только Владимир Ульянов, он и еще двое учеников получили похвальные листы.

С годами Коринфский, все более увлекавшийся литературой, стал не успевать по математике. «Излишнее пристрастие к внепрограммному чтению,— вспоминал он,— на которое неодобрительно смотрело гимназическое начальство, было причиной выхода... (в 1885 году. — *Ж. Т.*) из гимназии».

В декабре 1886 года в самарских и казанских газетах появились первые его корреспонденции, библиографические заметки и фельетоны.

В многочисленных статьях и очерках Коринфского, печатавшихся в то время в газетах Поволжья, имеется немало теплых слов о В. Г. Белинском, Н. А. Добролюбове, Н. А. Некрасове, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Д. Д. Минаеве, С. Я. Надсоне. Увлечение демократической литературой предопределило и состав домашней библиотеки Коринфского, частичный список которой недавно удалось обнаружить.

В его библиотеке, которой пользовался Владимир Ульянов, наряду с обширным собранием классиков мировой и русской культур имелись комплекты лучших русских журналов, изъятых из общественных библиотек, произведения революционных демократов: В. Г. Белинского, Т. Г. Шевченко, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Д. Д. Минаева. Но особенно полно в ней были представлены новейшие писатели-народники: Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский, Ф. М. Решетников, И. В. Омулевский, Г. А. Мачтет и другие.

Всего в библиотеке Коринфского в 1888 году насчитывалось 1325 томов, стоивших в те годы свыше двух ты-

сяч рублей. Кроме этих легальных книг у него имелись произведения П. А. Кропоткина, С. М. Степняка-Кравчинского и других авторов, изданные за границей.

Став профессиональным литератором, А. Коринфский выступал более чем в семидесяти журналах и газетах, в которых печатал публицистические статьи, стихи, народные сказания. Он был одним из первых переводчиков на русский язык Янки Купалы, Яна Райниса, в его переводах выходили в свет творения Гейне, Мицкевича, Беранже.

Как первую революцию, так и свержение царизма поэт встретил восторженно. В многомиллионном хоре проклятий «прогнивше-испохабившемуся монархическому деспотизму,— вспоминал Коринфский,— были и мои, рифмованные строки, печатавшиеся в газетах 1917—1918 годов».

В советские годы Коринфский вел переписку с многими литераторами, писал патриотические стихи, оставил воспоминания о В. И. Ленине.

Советские литераторы и ученые ценят творческое наследие Коринфского, особенно его мемуары и эпистолярий. Об этом свидетельствует, в частности, письмо, с которым обратился к нему в 1934 году бывший управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич: «Многоуважаемый Аполлон Аполлонович, особенно благодарю Вас за внимание, оказанное Вами нашему музею (В. Д. Бонч-Бруевич возглавлял в то время Литературный музей.— *Ж. Т.*). Очень жалею, что Вы не имеете возможности в ближайшее время пересмотреть свой архив — в нем, наверное, сохранилось немало интересного...» [1].

В последние годы жизни А. А. Коринфский, сраженный параличом, тяжело болел. Умер он в Твери 12 января 1937 года [2].

...Судя по имеющимся документам, Владимир Ульянов поддерживал дружеские отношения с Владимиром Кармазинским — сыном врача, многие годы помогавшего Илье Николаевичу в развитии народного образова-

---

[1] Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. 369, картон 165, д. 25, л. 1.

[2] По словам Бориса Полевого, работавшего в то время в Твери, А. А. Коринфский пользовался уважением журналистов города.

ния. В школьные годы В. Кармазинский увлекался демократической литературой, участвовал в нелегальном гимназическом кружке. В 1888—1889 годах, когда Ульяновы жили в Казани, он был уличен жандармами в связях с революционерами Петербурга. В. В. Кармазинский написал для Института марксизма-ленинизма свои воспоминания о годах учения в Симбирской гимназии.

В советские годы с рассказами о школьных годах Владимира Ульянова выступали также сын официанта Михаил Федорович Кузнецов и некоторые другие его соученики. Спустя несколько десятилетий после описываемых событий, им искренне казалось, что именно с ними особенно близок был всемирно известный земляк. Сравнение различных источников позволяет исследователям отделить достоверное от надуманного. Но несомненным является то, что почти все более или менее близкие товарищи детства Володи Ульянова были детьми мелких или средних служащих (К. Сердюков, К. Глядков) или, как, например, М. Кузнецов, А. Писарев, выходцами из «податных» сословий. Их социальным происхождением, сравнительно свободолюбивым образом мыслей в те годы и определялся круг товарищей сына директора народных училищ.

ПЕДАГОГИ

Более 20 преподавателей видел за кафедрой Владимир Ульянов за годы учебы в Симбирске. Большинство из них пришли в гимназию почти в одно время с ним и по своей общеобразовательной и профессиональной подготовке выгодно отличались от предшественников.

Еще Александр Ильич, учившийся во времена директорства невежды И. В. Вишневского, вынужден был сидеть на уроках психически ненормального учителя русского языка А. Сердобова, произносившего у доски одну и ту же фразу: «Это юс большой, а это юс маленький», а затем погружавшегося за кафедрой в бессознательное состояние.

Старший брат Ильича застал уроки латиниста М. И. Чугунова, «чистого и мягкого» старика, совершенно ушедшего от жизни в науку. Гимназисты, по словам

Анны Ильиничны, пользовались его глухотой и на вопрос учителя: «Какой падеж стоит?», выкрикивали лишь конец: «и-и-ительный», а тот добродушно подтверждал: «Да, да, «творительный» или «винительный»...»

Владимиру не пришлось учиться также у латиниста А. И. Пятницкого, карьериста и рьяного поборника розги. Дело дошло до того, что гимназисты, в том числе и Александр Ульянов, открыто выступили против этого «педагога». В результате начальство вынуждено было перевести его в другой город.

На смену этим и некоторым другим преподавателям пришли выпускники Казанского университета, толково знавшие свой предмет и методику преподавания. Однако все они по положению были чиновниками, дорожили службой, являвшейся единственным источником сравнительно сносного существования, и в надежде на чины, звания, ордена и денежные премии, как правило, неукоснительно выполняли министерские указания и требования Ф. М. Керенского.

Многие члены педагогического совета Симбирской гимназии уделяли основное внимание не развитию детей, а подавлению их личности. «Оригинальность мальчика,— вспоминал один из выпускников,— считалась чем-то предосудительным, сильная любознательность — неуважением к старшему. Учителя, сами люди бесправные, были орудием проведения в школе принципа, что высшая добродетель — послушание» [1].

Выполняя директивные предписания, даже прогрессивно настроенные учителя вынуждены были заставлять своих воспитанников заучивать наизусть многочисленные правила и исключения из них, непомерно перегружать их домашними заданиями, оставлять «без обеда» в гимназии за малейшие шалости, совершать внезапные обыски в квартирах с целью обнаружения «обличительной литературы».

Добиваясь внешнего благонравия и дисциплинированности, такие педагоги, внутренне протестовавшие против классицизма и насаждавшихся казарменных порядков, старались как-то смягчить существующую обстановку и гуманно относились к ученикам.

---

[1] Из воспоминаний И. А. Благовидова.— «Симбирские губернские ведомости», 1905, 21 декабря.

Именно о таких учителях вспоминали с симпатией родные Ильича и их современники. Среди тех, с кем поддерживал самые дружеские отношения Илья Николаевич, в первую очередь следует назвать Якова Михайловича Штейнгауэра. У него обучались немецкому языку все дети Ульяновых [1]. Внешне суровый и, в действительности, очень требовательный, он вместе с тем был добрым человеком. Об этом свидетельствовал не один его воспитанник.

«Собирай свой чемоданчик и в форточку,— бывало, говаривал он нам, малышам, когда рассердится на что-нибудь. Но детская душа не видела в этом угрозы, она знала, что «старый немец» сегодня посердится, а завтра уже по головке погладит и все позабудет» [2].

«...Единицу за перевод, единицу за грамматику, единицу за диктовку» и все это в один урок, а в четверти выведет не «двойку», а «тройку» [3].

В то же время пятерку у Штейнгауэра редко кто получал, и только познания таких прилежных и одаренных учеников, как Владимир Ульянов, он оценивал высшим баллом.

«...Ильич,— пишет Н. К. Крупская,— улыбаясь, рассказывал, как его нахваливал в младших классах учитель-немец» [4].

Без гимназии Я. М. Штейнгауэр не мог жить и, по словам Анны Ильиничны, «даже во время летних каникул скучал дома и приходил в пустую гимназию пройтись по классам, побеседовать со сторожами» [5].

В период учебы братьев Ульяновых он заведовал фундаментальной библиотекой гимназии, был одно время их классным наставником. В доме учителя-немца постоянно жили иногородние гимназисты. Детям некоторых бедняков он помогал одеждой и деньгами.

---

[1] Я. М. Штейнгауэр (1829—1906) — обрусевший самарский колонист, был знаком с И. Н. Ульяновым еще в 50-х годах в Пензе. О его опытности говорит тот факт, что во многих гимназиях пользовались учебниками немецкого языка, составленными им еще в 60-х годах.

[2] А. Коринфский. За полувековой далью.— «Тверская правда», 1930, 21 января.

[3] «Симбирские вести», 1906, 20 сентября.

[4] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 33.

[5] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1968, стр. 91.

Илья Николаевич уважал Штейнгауэра за преданность школе и встречался с ним в домашней обстановке, иногда за шахматной доской. О непринужденности взаимоотношений между ними говорит и та шутливая реплика, которую он неизменно бросал учителю по дороге в купальню: «Немец идет к немцу (в купальню Коха. — *Ж. Т.*), а русский к Рузскому (тоже владельцу частной купальни. — *Ж. Т.*)» [1].

Особые чувства питали Ульяновы к преподавателю математики Николаю Михайловичу Степанову, у которого еще в Астраханской гимназии учился Илья Николаевич [2].

Как и Я. М. Штейнгауэр, Н. М. Степанов давно уже жил в Симбирске, и у него учились Александр, Владимир и Дмитрий Ульяновы. Знающий педагог и опытный методист, имевший звание заслуженного преподавателя, он пользовался уважением окружающих.

Выразительную характеристику этому учителю дал один из его питомцев. «Н. М. Степанов с виду был человек очень суровый; эту внешнюю суровость почему-то старался проявить на письменных экзаменах. Но в то же время был крайне отзывчивый человек. В классах обращал внимание на малоуспешных учеников; более способных вызывал очень редко. Но особенно дорого в нем это то, что он принимал сердечное участие в материальном положении беднейших учеников то денежным взносом за квартиру, то покупкой платья, то подыскиванием уроков. Исключительно только благодаря его участию многим ученикам удалось получить гимназическое образование».

К этому следует только добавить, что Николай Михайлович вышел в отставку лишь за несколько месяцев до кончины. После смерти мужа одинокая жена даже не имела средств на его погребение.

Из других педагогов гимназии, обучавших Владимира и бывавших у них дома в качестве гостей родителей, Анна Ильинична назвала Теселкина, Ежова, Моржова и Нехотяева.

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 45.

[2] Н. М. Степанов (1821—1880) был выходцем из мещан, высшее образование получил в Казанском университете при Н. И. Лобачевском.

Сергея Николаевича Теселкина назначили в Симбирскую гимназию в 1876 году — сразу после окончания Казанского университета. Демократически настроенный этот, по словам современника, «живой, гуманный человек и талантливый преподаватель»[1] прилагал все усилия, чтобы на уроках истории и географии не только изложить биографии царей и патриархов, но и привить любовь к родине и ее многострадальному народу.

Заведуя по совместительству гимназической библиотекой, он снабжал наиболее развитых учеников новинками литературы, и те знакомились с историей не только по учебнику Иловайского. Некоторым гимназистам С. Н. Теселкин выдавал изъятые из общественного пользования произведения Д. И. Писарева, В. Г. Белинского и даже запрещенные книги П. А. Кропоткина и С. М. Степняка-Кравчинского.

Хотя эта сторона в деятельности учителя осталась неизвестной для начальства, руководство Казанского учебного округа, по ходатайству Ф. М. Керенского, перевело его в Саратов. Но и там политическая благонадежность С. Н. Теселкина была поставлена под сомнение, и он вынужден был оставить педагогическую работу.

Сменивший в 1884 году С. Н. Теселкина историк Александр Васильевич Кролюницкий считался очень опытным преподавателем. Однако его былая близость к политическим поднадзорным не внушала доверия, и не без «помощи» симбирской жандармерии он в 1886 году переехал в другой город[2].

Третьим преподавателем истории, у которого учился Владимир Ульянов в выпускном классе, стал Николай Сергеевич Яснитский. Подвижной и экспансивный, этот педагог, несмотря на свою молодость, считался одним из лучших в гимназии. Очень требовательный, но справедливый, он успевал сообщать на уроках истории и географии обширные сведения, почерпнутые из новейших источников. К сожалению, слишком быстрый говор его, по мнению инспектирующих лиц, не всегда был «удобопонятен для учеников».

---

[1] Б-й. Млекопитатели.— «Волжские вести», 1910, 1 апреля.

[2] Сын А. В. Кролюницкого — Юрий в годы первой русской революции входил в руководящее ядро симбирской большевистской организации.

Латынь и греческий в годы учения Владимира Ульянова преподавали И. А. Ежов, Н. П. Моржов, Н. М. Нехотяев и А. И. Веретенников. Все они зарекомендовали себя знающими педагогами и умели возбудить у гимназистов некоторый интерес к нелюбимым мертвым языкам.

Иван Алексеевич Ежов, преподававший Владимиру греческий в пятом — восьмом классах, был опытным учителем, но нередко вел уроки в каком-то подавленном настроении. Страдая болезненной раздражительностью, при опросе и проверке письменных работ предъявлял очень строгие требования. Даже директор указывал в отчетах, что при таких условиях «трудно ожидать от учеников любви к предмету и охоты с любовью заниматься» [1].

Учащиеся более высоко ценили латиниста Николая Петровича Моржова. Талантливый преподаватель, превосходно знавший также историю, он гуманно относился к ученикам и был любим ими. Являясь в класс, он иногда осмеливался заменять латинский язык итальянским, читая в подлиннике и построчно переводя «Божественную комедию» Данте [2].

Пренебрежительное отношение к дисциплине и халатное исполнение фискальных обязанностей классного наставника — все это не раз вызывало неудовольствие Керенского, и в 1890 году Н. П. Моржов был переведен из Симбирска.

Николай Михайлович Нехотяев наряду с латынью вел русский язык. В 1879—1881 годах он был классным наставником Владимира Ульянова. По мнению Керенского, Н. М. Нехотяев знал «все известные приемы преподавания». Резкий по характеру, он не боялся высказывать суждений, расходящихся со взглядами директора. Так, выступая на педагогическом совете, Н. М. Нехотяев протестовал против арестов учеников только за то, что «после звонка помощник классных наставников находит их не на своем месте» [3].

После ухода С. Н. Теселкина из гимназии Н. М. Нехотяев заведовал ученической библиотекой, и не исключено,

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 483, л. 18.

[2] Б-й. Млекопитатели.— «Волжские вести», 1910, 1 апреля.

[3] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 282, л. 62.

что он оказывал какое-то влияние на подбор литературы Владимиром Ульяновым.

Племянник М. А. Ульяновой Александр Иванович Веретенников работал преподавателем древних языков в Симбирской гимназии в 1880—1883 годах. В третьем классе латыни и греческому у него учился Володя Ульянов. Уроки эти ему нравились. Из-за болезни А. И. Веретенников покинул Симбирск, но у Владимира Ильича надолго сохранились хорошие впечатления об этом учителе [1].

В первых классах гимназии за особую плату в качестве необязательного предмета преподавалось рисование. Вел уроки по нему бывший крестьянин Александр Иванович Козлов, имевший диплом Академии художеств. А. И. Козлов обучал Володю Ульянова и чистописанию. У мягкого по характеру педагога ученики нередко вели себя вольно на уроках, за что тот получал замечания от директора.

Из педагогов, в разное время преподававших в классах, где учился Владимир Ульянов, можно выделить такую небольшую группу, о которой современники почти не вспоминали, а сохранившиеся архивные документы не позволяют воссоздать характерные особенности этой «золотой середины», к которой принадлежали математик В. В. Толузаков, латинист П. В. Федоровский и словесник П. В. Тихановский.

Первый из них не ужился в Симбирске с директором и уехал в 1881 году. У П. В. Тихановского было настолько слабое зрение, что он не мог поддерживать классную дисциплину. П. В. Федоровский, преподававший в седьмом, восьмом классах, считался одним из опытных педагогов учебного округа. Вместе с тем Ф. М. Керенский критиковал его за увлечение «этимологическими и синтаксическими подробностями» и чрезмерную строгость в оценке письменных работ учащихся. К тому же П. В. Федоровский страдал расстройством нервной системы, и по этой причине его уволили со службы.

Одиозной фигурой среди членов педагогического совета был преподаватель французского языка А. И. Пор.

---

[1] Находясь в Шушенском, В. И. Ленин получил в начале 1898 года письмо от А. И. Веретенникова из Казани и собирался ему ответить. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 85.

Родился он в Вильно, лицей окончил в Льеже. В 1870 году побывал в плену у пруссаков. По приезде в Россию скитался по самым различным районам, часто меняя профессии: был строителем, директором консервного завода и преподавателем в уездном городишке, а в 1881 году попал по протекции в Симбирскую гимназию.

Этот ограниченный человек, пролезший в общество благодаря женитьбе на дочери симбирского помещика, постоянно терся около директора, и педагоги относились к нему с пренебрежением [1].

Бывал он мишенью для острот и Владимира, большого, по словам Анны Ильиничны, насмешника. А. И. Пор, в свою очередь, мстил как умел. Так, в третьей четверти, когда Владимир учился в четвертом классе, он выставил ему четверку за «внимание» в классе.

В первых двух четвертях следующего 1883/84 учебного года в табеле В. Ульянова снова появилась четверка за «внимание». И хотя успеваемость, прилежание и переводные экзамены были оценены высшим баллом, разобиженный учитель-француз вывел ему годовую отметку лишь 4 [2].

Внушения Ильи Николаевича оказали определенное воздействие, и в старших классах Владимир имел по французскому языку только пятерки.

Большое внимание развитию гимназистов уделял Александр Федорович Федотченко. Он происходил из семьи крепостного крестьянина и пользовался большим авторитетом как среди педагогов, так и учащихся. Одни ценили его за опытность, другие за простоту отношений, и все восхищались его искусством фигурного катания на коньках.

Под руководством А. Ф. Федотченко Владимир в разных классах изучал математику, физику и математическую географию. Справедливый по характеру и очень скупой на отличные отметки, Александр Федорович неизменно высоко оценивал познания первого ученика своего класса.

Его объективность особенно ярко проявилась после

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1968, стр. 26.

[2] В то время по каждому предмету выставлялось три оценки: за «внимание», «прилежание», «успехи» — и на основе их выводилась итоговая оценка за четверть и весь учебный год.

ареста и казни Александра Ульянова, которого он тоже обучал в свое время. А. Ф. Федотченко, как классный наставник, по-прежнему подчеркивал в кондуитном журнале выдающиеся успехи и дисциплинированность Владимира Ильича и сыграл немаловажную роль в том, что он получил положительную аттестацию и был награжден золотой медалью.

Примечательной личностью, вызывающей противоречивые мнения исследователей и современников, остается инспектор гимназии Иван Яковлевич Христофоров. Н. О. Рыжков характеризует его как человека, лишенного всякой самостоятельности, не пользовавшегося «никаким авторитетом и уважением у гимназистов» [1]. А. Л. Карамышев считает, что И. Я. Христофоров был знающим и толковым учителем истории, но как инспектор он не оказывал влияния на жизнь гимназии и «постоянно был согласен с мнением директора» [2].

Один из воспитанников И. Я. Христофорова помнит насмешливые стихи, сложенные его товарищами об инспекторе [3], другой полагает, что Христофоров держался «проще и ближе к ученикам» [4].

Изучение и сопоставление документов показывает, что И. Я. Христофоров, несмотря на некоторые странности и слабохарактерность, оказывал положительное влияние на жизнь гимназии, смягчая своей гуманностью строгость установленных в ней порядков. По его учебнику «Этнографические и биографические очерки из всеобщей и русской истории», изданному в 1873 году в Петербурге, занимался Александр Ульянов. В книге И. Я. Христофорова имелись рассказы о Галилее, Спартаке, Александре Невском, Степане Разине и других выдающихся ученых и исторических деятелях.

И. Я. Христофоров принимал активное участие в общественной жизни города и губернии. Вместе с И. Н. Ульяновым он помогал становлению чувашской школы И. Я. Яковлева, помещал на страницах редактируемых им одно время «Симбирских губернских ведо-

---

[1] Н. О. Рыжков. Симбирская гимназия в годы учения А. И. и В. И. Ульяновых (1874—1887). Ульяновск, 1931, стр. 9.

[2] А. Л. Карамышев, стр. 54, 55, 84.

[3] Б-й. Млекопитатели.— «Волжские вести», 1910, 1 апреля.

[4] Воспоминания М. Ф. Кузнецова.— Фонды Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина. Папка № 12, л. 5.

мостей» статьи в поддержку народной школы. Исторические и этнографические исследования Ивана Яковлевича, посвященные местному краю, не потеряли ценности и в наши дни.

Как инспектор, он отвечал за воспитательную работу среди учащихся и в целом проводил ее в соответствии с указаниями начальства. Однако, несмотря на добродушность своего характера, И. Я. Христофоров несколько раз вступал в открытый конфликт с директором Симбирской гимназии.

Об этом свидетельствует докладная записка преемника Ф. М. Керенского «Бывший директор Симбирской гимназии действительный статский советник Керенский,— писал Свешников,— в бытность мою окружным инспектором, при ревизии пансиона указывал мне на многие факты весьма неблаговидного поведения пансионеров вследствие не только полного равнодушия Христофорова к своим инспекторским обязанностям, но *даже явного противодействия его воспитательным мерам...»*

Мои личные наблюдения, продолжал Свешников, подтвердили, что И. Я. Христофоров «решительно неспособен быть помощником директора в упрочении доброго порядка», так как он упрямо не желает «познакомиться даже с главнейшими требованиями устава и правил гимназии», на все смотрит сквозь пальцы и «все добродушно допускает не по разуму и долгу присяги».

Узнав о столь неблагоприятном о себе отзыве Свешникова, И. Я. Христофоров подробно изложил ему причины столкновений с прежними директорами. С Вишневским, заявил он, «я жил не в ладах потому, что он беззастенчиво эксплуатировал гимназическими и пансионскими суммами, а с Керенским потому, что он фальшивил в педагогических вопросах...» [1]

Весь преподавательский коллектив в годы учения Владимира Ульянова в гимназии возглавлялся Федором Михайловичем Керенским (1842—1912). Как преподаватель русского языка и словесности, он, по мнению современников, был опытным и требовательным. Вместе с тем он грешил большим формализмом, для него чистая тетрадь и знание стилистики были дороже, чем рассуждения ученика в сочинении.

[1] Центральный государственный архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР), ф. 92, оп. 1, д. 18661, лл. 1, 2, 8.

Искренне верноподданный чиновник, Ф. М. Керенский пунктуально и безжалостно внедрял классицизм и безусловно явился главным виновником того, что в Симбирской гимназии учеба была мертвой и скучной, что в ней юноши тратили массу времени на зубрежку ненужных и искаженных знаний. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Известно, например, что министерство народного просвещения требовало избегать на занятиях «объяснительного чтения» и анализа творчества писателей. Керенский в отчете за 1886 год с удовлетворением констатировал: «При изучении образцовых произведений, так называемой критической оценки... совсем не допускалось» [1].

Например, как слепо выполнял подобные указания словесник П. В. Тихановский, видно из докладной записки окружного инспектора, которую он представил вышестоящему начальству в 1887 году. Преподаватель, по его словам, при изучении с восьмиклассниками биографии А. С. Пушкина больше читал по книге, чем рассказывал. «Такую методу преподавания (без всяких объяснений), — отмечал инспектор, — едва ли можно признать правильной, так как ученики и сами, вне класса, могли бы прочитать избранную учителем биографическую статью о Пушкине» [2].

Изучение русских классиков в Симбирской гимназии завершалось произведениями Н. В. Гоголя. Выйти за рамки программы Керенский не смел, и его нельзя винить за то, что выпускникам ни слова не говорилось о И. С. Тургеневе, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Л. Н. Толстом, не говоря уже о Н. Г. Чернышевском и других революционных демократах.

Сопоставление тематики гимназических сочинений, составленной Керенским, с другими, выработанными в соседних гимназиях, показывает, что он был консервативнее своих коллег. Так, в 1886/87 учебном году из десяти тем, предложенных классу Владимира Ульянова, только две, собственно, относились к словесности — «Сентиментальное направление в русской литературе» и «Характеристические черты поэзии Пушкина». Были

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 13.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17112, л. 80.

в списке и вольные темы — «В чем выражается истинная любовь к отечеству?», «О необходимости труда» и «В чем выражается любовь детей к их родителям?». Понятно, что в условиях реакции 80-х годов учащиеся не могли в таких сочинениях искренне изложить свои гражданские чувства и идеалы.

Остальные темы посвящались Куликовской битве, Табелю о рангах Петра I, влиянию книгопечатания на успехи просвещения, заслугам духовенства в смутное время XVII века, происхождению и причинам распространения раскола в русской церкви.

В Самарской гимназии в том же учебном году тоже преобладала историческая тематика. Однако здесь по сравнению с Симбирской гимназией ученики писали сочинения на темы, которые в большей мере были связаны с русской словесностью,— «Школа и жизнь», «Плюшкин», «Жизнь старосветских помещиков по повести Гоголя», «Природа Кавказа по произведениям Лермонтова», «Пушкин в Лицее» [1].

Ф. М. Керенский несомненно был сторонником зубрежки. Малейшие искажения формулировок определений по логике служили для него достаточным основанием выставления ученику неудовлетворительной оценки. Выполняя требования директора, и другие преподаватели заставляли воспитанников заучивать сложнейшие хронологические таблицы и сановные родословные, добивались от гимназистов умения по памяти вычерчивать на классной доске контурные карты частей света или отдельных районов России.

А сколько времени потратил Владимир Ульянов и его соученики на скрупулезное изучение закона божия и «священной истории»! Ведь по собственному признанию Ф. М. Керенского, он обращал «прежде и больше всего» внимания на развитие у гимназистов религиозного чувства.

Директор гимназии, как и другие руководители учебных заведений, регулярно получал секретную информацию об участии студенческой и учащейся молодежи страны в «беспорядках» и недозволенных законами нелегальных обществах. Но Керенский искренне считал,

---

[1] Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 165, д. 527, л. 41.

что во вверенном ему учебном заведении, слава богу, все спокойно... Так думало о Симбирской классической гимназии и вышестоящее начальство, но лишь до 1885 года, когда грянул первый гром.

«БЫЛО ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ У ОТЦА»

Вся система обучения и воспитания в симбирских гимназиях, как мужской, так и женской, была направлена на то, чтобы всячески воспрепятствовать формированию у молодого поколения научного мировоззрения и прогрессивных общественных идеалов. Учитывая эти изъяны школьного образования, Илья Николаевич уделял пристальное внимание расширению кругозора своих детей, развитию у них высокого гражданского достоинства.

Эти благородные нравственные качества были характерны для самого Ильи Николаевича. И не случайно Н. К. Крупская указывала: «Ильичу было чему поучиться у отца» [1].

Неутомимую и поистине подвижническую деятельность И. Н. Ульянова высоко оценили его современники. Народнический писатель В. Н. Назарьев еще в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1876 год опубликовал свои очерки «Современная глушь», в которых назвал Илью Николаевича единственным «просветителем края».

В этом же году он переплел вырезки «Современной глуши» из журнала и преподнес их с теплой дарственной надписью И. Н. Ульянову: «В память общих трудов, забот, горестей и радости по устройству сельских школ».

Сброшюрованные очерки как драгоценную реликвию Ульяновы бережно хранили и не раз перечитывали. Позже они находились в личной кремлевской библиотеке В. И. Ленина.

Все члены семьи Ильи Николаевича постоянно видели, как он, не считаясь ни с какими трудностями и невзгодами, занят большим и важным делом. И это горение отца на работе, как указывала Анна Ильинична,

---

[1] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 2. М., 1958, стр. 695.

действовало на детей сильнее любых слов и «было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети» [1].

Подчеркивая физическое сходство Ильи Николаевича и Владимира Ильича, М. И. Ульянова находила вместе с тем много общего «в их чертах характера и в привычках». Им были присущи такие прекрасные качества, как «сила воли, способность целиком и безраздельно отдаться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям...»[2].

Навсегда остались в памяти детей Ильи Николаевича его рассказы о нищете, бесправии и темноте крестьянства. Под впечатлением таких бесед, подчеркивала Н. К. Крупская, Володя стал «с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни...» [3].

Запомнились и многолетние усилия отца по подъему образования чуваш, мордвы, татар. Это внимательное отношение к угнетаемым царизмом народностям «не могло не повлиять на Ильича», который, говоря словами Надежды Константиновны, «шел по стопам отца». Уже в старших классах гимназии он помогал чувашу Н. М. Охотникову подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

Илья Николаевич тяжело переживал гонения на тех народных учителей, которые за свою просветительскую деятельность подвергались травле и репрессиям. Анне Ильиничне памятен случай, как отец после рассказа племянницы матери об аресте «идеальной учительницы» сидел молчаливый, сосредоточенный, с опущенной головой. И дети чувствовали, что он осуждает подобные действия властей.

По примеру отца, старших сестры и брата Владимир в юности зачитывался произведениями революционных демократов, воспитавшими в нем то «презрение к обывательщине, к власти вещей, к бюрократизму и подхалимству, которые были характерны для передовой интеллигенции 70-х годов» [4].

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 33.
[2] М. Ульянова, стр. 63, 66.
[3] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 26.
[4] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 83.

Гордость у родных вызывало гражданское мужество отца, особенно ярко проявившееся в годы реакции 80-х годов. Вот некоторые эпизоды его многолетней борьбы за народную школу.

«Розовый» период в жизни народной школы, начавшийся в конце 60-х годов, длился недолго. Уже в середине следующего десятилетия началось «попятное движение»: упал интерес к ней образованного общества, запрещалось проведение учительских съездов, всячески притеснялись последователи К. Д. Ушинского.

Илья Николаевич, по выражению современника, «насквозь пропитанный лучшими идеями своего времени», по-прежнему подвижнически боролся за ликвидацию неграмотности народных масс Симбирской губернии. За нежелание «перестроиться» в свете новых веяний он стал чаще подвергаться нападкам со стороны крепостников и духовенства.

Одним не нравилось, что директор народных училищ вскрывает в своих отчетах официальную ложь и показывает, что многие училища «существуют только на бумаге». Другие, в частности «батюшки и матушки (числившиеся учителями и учительницами)», были недовольны тем, что их уличали в получении денег с крестьян, хотя они «вовсе не бывали в школах». Уездные и сельские представители власти обижались, что Илья Николаевич брал под защиту народных учителей.

Подытоживая невзгоды, которые претерпевал И. Н. Ульянов, писатель В. Н. Назарьев в письме к редактору «Вестника Европы» в 1876 году доверительно сообщал: «...ввиду весьма печальных соображений я не решился сказать, что он далеко не пользуется вниманием министерства и далеко не благоденствует» [1].

Особенно трудным стало положение Ильи Николаевича в период революционной ситуации 1879—1881 годов, когда симбирские реакционеры одними из первых в стране начали поход против народной школы.

Характерной в этом отношении была статья «Земское дело», появившаяся 2 декабря 1879 года в «Симбирской земской газете». Призвав земцев активнее включиться в борьбу с революционерами-пропагандистами, аноним-

---

[1] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III, СПб., 1912, стр. 697.

ный автор посоветовал чаще беседовать с крестьянами о «великих реформах Александра II» и выразил сожаление, что в симбирских народных училищах почти ничего не говорится «о деяниях царя».

Другой благонамеренный земец этой тревожной поры подчеркивал в газетной заметке, что до недавнего времени народное образование «шло рука об руку с религией», ныне этот союз ослабел.

Одним из первых стал публично чернить земскую школу и питомцев руководимой И. Н. Ульяновым Порецкой учительской семинарии протоиерей А. И. Баратынский. В «Докладной записке о положении дела народного образования в Буинском уезде», появившейся в «Симбирской земской газете» 6 августа 1879 года, он обвинил учителей-поречан в шаткости их «религиозно-нравственного направления».

Достойную отповедь священнику дал через две недели в той же газете преподаватель Порецкой семинарии А. И. Анастасиев. Не стесняясь в выражениях, он убедительно показал, что А. И. Баратынский отстаивает в вопросах народного образования «узкие сословные интересы».

Илье Николаевичу наверняка приятно было читать слова подчиненного ему педагога о том, что выпускники духовных семинарий недолго служат в сельских училищах и часто пользуются учебным временем для посторонних делу личных целей, например на «разъезды по окрестным местам, смотренье невест и обычные при этом попойки». Разделял он и мнение А. И. Анастасиева, что выпад протоиерея против учителей-поречан при «нынешнем возбужденном умонастроении» имеет «в общественном мнении значение доноса».

Но А. И. Баратынский был не одинок. Предводитель дворянства Алатырского уезда А. Д. Пазухин сообщил попечителю Казанского учебного округа о том, что из Порецкой семинарии выходят «нигилисты, атеисты и вообще ненадежные в политическом отношении люди, что он — как председатель уездного училищного совета — и на порог школы не допустит учителей, вышедших из этой семинарии» [1].

Вот в такой обстановке 11 ноября 1880 года исполни-

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 14721, л. 33.

лось 25-летие службы И. Н. Ульянова в ведомстве народного просвещения. Учителя народных школ Симбирска отметили юбилей любимого наставника теплым приветственным адресом и скромным подарком — мраморным письменным прибором. В этот же день Илья Николаевич в соответствии с правилами написал попечителю учебного округа прошение о своем желании остаться на службе еще на пять лет.

В этой просьбе не было ничего необычного. Директор Симбирской гимназии И. В. Вишневский служил после 25 лет еще три пятилетия. Учитель той же гимназии Н. М. Степанов, преподававший Илье Николаевичу математику в Астраханской гимназии, а потом обучавший Александра и Владимира Ульяновых, прослужил 45 лет.

Попечитель округа П. Д. Шестаков, принимая во внимание «отлично-усердную» службу директора народных училищ, вошел с ходатайством перед министром народного просвещения об удовлетворении просьбы И. Н. Ульянова.

Однако министр народного просвещения Сабуров, знавший о серьезных претензиях симбирских дворян и духовенства к руководителю народного образования в их крае, отклонил представление П. Д. Шестакова, уведомив, что согласен «на оставление директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова на службе только на один год...» [1].

Анна Ильинична, комментируя это жестокое решение, писала: «Деятельность Ильи Николаевича стала подпадать под подозрение... Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни, тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка. И лишь вследствие того, что сам Сабуров был удален через год, Илья Николаевич был оставлен на пятилетие» [2].

Думается, что это высказывание нуждается в уточнении. Оставление на службе 49-летнего энергичного служащего «только на один год» — это «не косвенное», а открытое, понятное для всех, в том числе и для Ильи

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 14314, л. 3.

[2] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925). Пенза, 1925, стр. 9.

Николаевича, выражение неодобрения его деятельности высшим начальством. И второе. Продолжать службу И. Н. Ульянов смог не только потому, что за год произошла смена министров. В 1881 году, в период «кризиса верхов», наступившего после убийства народовольцами Александра II, правительство боялось предпринимать решительные действия в отношении популярных общественных деятелей.

Видимо, этим объясняется и то, что Илья Николаевич не пострадал в этом году из-за новых выпадов симбирского духовенства.

В частности, все тот же протоиерей А. И. Баратынский обратил внимание властей на пристрастие дирекции народных училищ губернии к «отвлеченным педагогическим приемам», в результате которых возобладал «слишком формальный, школьный характер» изучения закона божия. «Например, какую пользу принесет детям перевод церковных песнопений на русский язык, — сетовал протоиерей, — когда глубокий смысл их в славянском тексте, в большинстве случаев, не разъяснимом для детей никакими школьными приемами и толкованиями» [1].

Далее воинствующий священник негодующе отметил, что происходивший в конце 1881 года в Симбирске под руководством И. Н. Ульянова инспекторский съезд значительно сократил число часов по закону божьему и «без всяких мотивов и в таком урезанном виде рекомендовал программу эту законоучителям к руководству».

В 1882 году всесильный обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев запросил у симбирского епископа сведения о церковноприходских школах епархии. Тот ответил, что еще в 1879 году таковые прекратили свое существование. Удивленный Победоносцев потребовал подробных объяснений.

Симбирская духовная консистория в связи с этим обратилась с запросом к директору народных училищ. И. Н. Ульянов с иронией пояснил, что «церковноприходскими школами называются такие школы, которые учреждены духовным ведомством и содержатся на его счет или на счет церквей, и таковых школ в Симбирской губернии нет. Если и есть в губернии школы, учрежденные

[1] «Симбирская земская газета», 1882, 28 марта.

по инициативе священников, то из этого еще не следует, чтоб такие школы были церковноприходскими»[1]. Вместе с тем Илья Николаевич уточнил, что существовавшие в губернии до 1879 года церковноприходские школы преобразованы в земские на основании циркуляра попечителя Казанского учебного округа от 15 июля 1870 года.

Симбирский епископ, понимая, что допустил оплошность, принял все меры, чтобы исправить положение. Сельские священники при поддержке властей стали усиленно уговаривать крестьян, чтобы те составляли приговоры сходов о желании иметь церковноприходские школы. Наиболее оголтелая часть дворянства и земства на страницах местных газет писала о том, что за последние годы из народных школ «как метлой вымело все часословы и псалтыри».

Губернская земская управа на сессии 1882 года фарисейски, но твердо заявила губернскому собранию: «Пора увлечений миновала, и есть основание полагать, что преподавание в школах будет поставлено в более правильное отношение к потребностям русского народа».

Исходя из потребностей — но не народа, а собственных, — реакционеры требовали пересмотра школьных программ, изъятия «Родного слова» К. Д. Ушинского, сведения обучения крестьянских детей к изучению закона божия, молитв, а также чтению, письму и счету.

По этому поводу инспектор народных училищ К. М. Аммосов в письме от 17 марта 1882 года из Симбирска сообщил переехавшему в Оренбург В. И. Фармаковскому: «Начальное народное образование чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно».

«Об Илье Николаевиче, — писал он 8 апреля того же года тому же адресату, — не знаю, что сказать. Циркуляр Сабуровский презирается им, что выходит иногда дико»[2].

К. М. Аммосов имел при этом в виду попытки И. Н. Ульянова игнорировать требования циркуляра министра народного просвещения о недопущении лиц, добивающихся учительских мест, к работе «без предварительного сношения с местными губернаторами», то есть

---

[1] ГАУО, ф. 134, оп. 3, д. 21, лл. 25, 27.
[2] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 14, л. 30.

до получения положительного отзыва об их политической благонадежности.

В связи с этим представляют интерес следующие факты 1883 года. Бывший воспитанник Порецкой учительской семинарии И. Агафонов после шестимесячного тюремного заключения за революционную пропаганду стал добиваться разрешения на сдачу экстерном испытаний на звание учителя. Один из чиновников сообщил Агафонову действительную причину недопущения его к экзаменам — секретное предписание симбирского губернатора, запрещающее занятие учительских мест политическими поднадзорными. Узнав об этом, губернатор резко отчитал чиновника, расценив его действия как «дешевый либерализм». Кроме того, он сообщил попечителю Казанского учебного округа: «Считаю нелишним присовокупить, что в начале текущего года был уже подобный случай с директором народных училищ действительным статским советником Ульяновым, но тогда я лично выяснил г. Ульянову всю неуместность его поступка».

Когда губернатор узнал, что И. Н. Ульянов намерен выдать А. Кульчихину, привлекавшемуся вместе с И. Агафоновым по одному и тому же политическому делу, свидетельство на звание учителя, он вновь вмешался и в одном из отношений указал Илье Николаевичу, что вряд ли «хоть в какой-нибудь степени полезны для начальных школ подобные учителя».

Опираясь на своих единомышленников в земстве и проявляя гражданское мужество, Илья Николаевич продолжал отстаивать дело своей жизни — народную школу. Одним из подтверждающих документов этого трудного времени может служить его «Записка об учительских семинариях и училищных советах», написанная в 1883 году. Отвечая в ней врагам земской школы, добивавшимся закрытия Порецкой учительской семинарии, И. Н. Ульянов решительно заявлял, что «начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности», не может развиваться без прошедших специальную подготовку педагогов. Утверждать обратное, с иронией замечал он, это все равно, что доказывать о ненужности врачу «изучать медицину, садовнику — садоводство...» [1].

---

[1] «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 200—204.

Семья Ульяновых. Слева направо: стоят — Ольга, Александр, Анна; сидят — Мария Александровна с Марией (на коленях), Дмитрий, Илья Николаевич, Владимир. 1879 г. Симбирск.

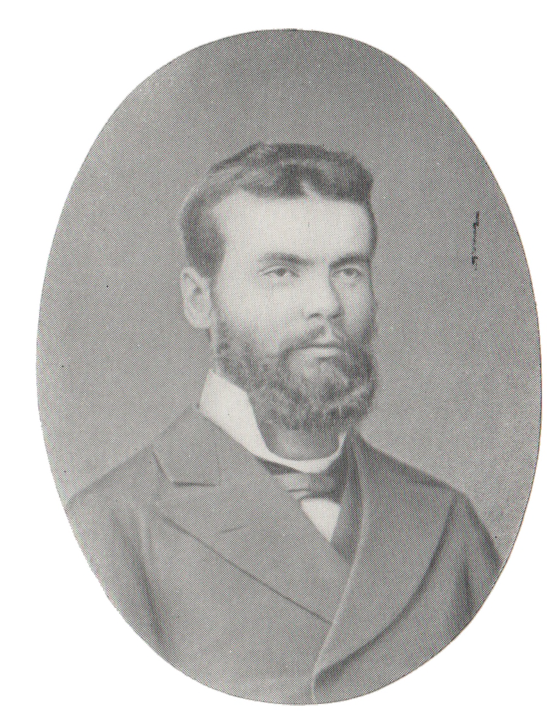

М. А. Ульянова. 1887 г. Симбирск.

И. Н. Ульянов. 1882—1883 гг. Симбирск.

В. П. Прушакевич (Ушакова). 1878 г. Симбирск.

Один из лучших народных учителей Симбирска И. П. Малеев. 70-е гг.

Здание Симбирской классической гимназии. 60-е гг.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе
...альное поведеніе воспитанника II класса Ульянова Владиміра наградилъ
... дня 1881 года.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе
и похвальное поведеніе воспитанника III-го класса Ульянова Владиміра наградилъ
его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Iюня 10 дня 1882 года.

Директоръ Симбирской Гимназіи Керенскій

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе
и похвальное поведеніе воспитанника V-го класса Владиміра Ульянова наградилъ
его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Iюня 11 дня 1884 года.

Директоръ Симбирской Гимназіи Ф. Керенскій

Инспекторъ

Преподаватели

Похвальные листы В. Ульянова.

И. Н. Ульянов среди инспекторов народных училищ Симбирской губернии. Сидят (слева направо): В. М. Стржалковский, И. Н. Ульянов, И. В. Ишерский; стоят — А. А. Красев, В. И. Фармаковский, К. М. Аммосов. 1880—1881 гг. Симбирск.

ученикъ „ 2-го „ класса Ульяновъ Владиміръ.

ПРЕДМЕТЫ УЧЕНІЯ.	Съ 15-го Августа по 15-е Октября: Успѣхи.	Вниманіе.	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Съ 15-го Октября по 20-е Декабря: Успѣхи.	Вниманіе.	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Съ 7-го Января по 15-е Марта: Успѣхи.	Вниманіе.	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Съ 15-го Марта по 15-е Іюня: Успѣхи.	Вниманіе.	Прилежаніе.	Число проп. уроковъ.	Отмѣтка годовая.	Отмѣтка по экзамену.	
Законъ Божій. Священная Исторія.	5	5	5	1	5	5	5	—	5	5	5	2	5	5	5	1	5		
Ученіе о Богослуженіи																			
Катихизисъ.																			
Церковная исторія.																			
Русскій съ Славянскимъ языкомъ и словесность.	5	5	5	3	5	5	5	1	5	5	5	1	5	5	5	2	5	5	
Логика.																			
Латинскій языкъ.	5	5	5	5	5	5	5	2	5	5	5	3	5	5	5	3	5	5	
Греческій языкъ.																			
Математика. Ариѳметика.	5	5	5	3	5	5	5	1	5	5	5	2	5	5	5	2	5	5	3
Алгебра.																			
Геометрія.																			
Тригонометрія.																			
Физика.																			
Математическая географія.																			
Исторія.																			
Географія.	5	5	5	—	5	5	5	—	5	5	5	2	5	5	5	—	5		
Нѣмецкій языкъ.	5	5	5	3	5	5	5	—	5	5	5	—	5	5	5	—	5	5	3
Французскій языкъ.	5	5	5	2	5	5	5	1	5	5	5	2	5	5	5	1	5	5	5
Чистописаніе.	5	5	5	2	5	5	5	—	5	5	5	—	5	5	5	1			
Средній выводъ.	5	5	5	19	5	5	5	5	5	5	5	12	5	5	5	11	5		
Поведеніе.	5				5				5				5				5		
Исправность тетрадей.	пять				пять				пять				пять				проп. урок. 46		

Примѣчаніе: Переведенъ с удостоеніемъ въ 3-ій классъ [handwriting partly uncertain]

Табель успеваемости В. Ульянова за 2-й класс.

Б. Фармаковский, школьный товарищ В. Ульянова. 1884 г.

«Письмо тотемами» В. Ульянова Б. Фармаковскому. 1882 г.

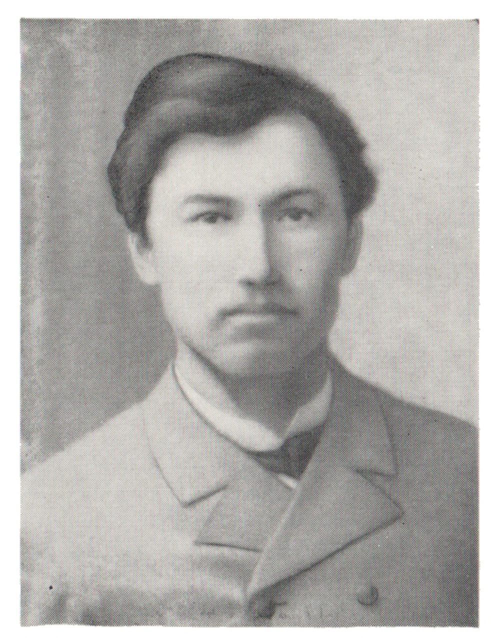
Мария и Дмитрий Ульяновы. 1882 г.
Симбирск.

Что требуется для того, чтобы быть полезнымъ обществу и государству.

Для полезной дѣятельности человѣку нужны 1, честность, 2) любовь къ труду, 3) твердость характера, 4) умъ и 5) знанiе.

Чтобы быть полезнымъ обществу, человѣкъ долженъ быть честенъ и прiученъ къ настойчивому труду, а чтобы трудъ

Гимназическое сочинение Александра Ульянова.

Учитель чувашской школы Н. М. Охотников. 80-е гг. Симбирск.

Доктор А. А. Кадьян. 80-е гг.

А. И. Ульянов. 1886 г. Казань.

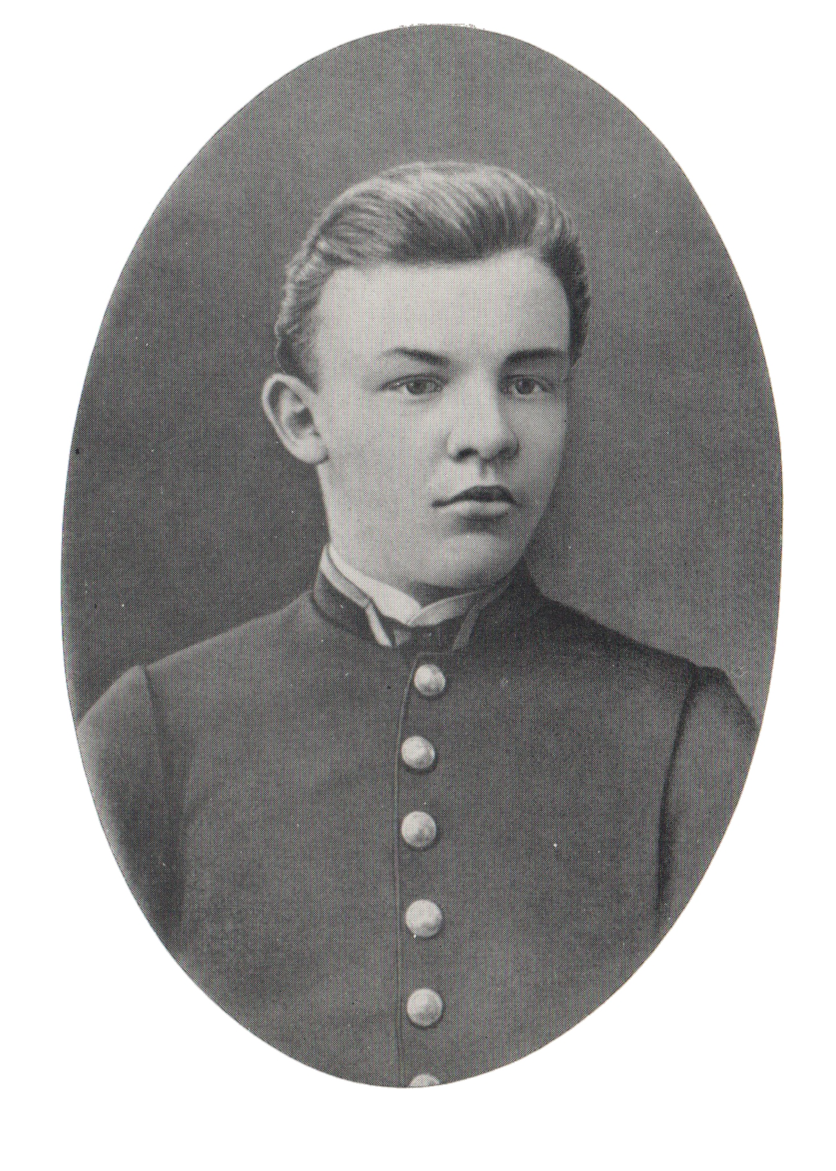
Дом Ульяновых, в котором они жили в 1878—1887 гг.

О. И. Ульянова. 1887 г. Симбирск.

А. И. Ульянова.
1883—1887 гг. Петербург.

В. И. Ульянов. 1887 г. Симбирск.

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей *Владиміру Ульянову*, православнаго вѣроисповѣданія, сыну чиновника, родившемуся въ г. Симбирскѣ, 1870 года Апрѣля 10 числа, обучавшемуся восемь лѣтъ въ Симбирской гимназіи, въ томъ,

Во первыхъ, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Симбирской гимназіи, поведеніе его вообще было **отличное**, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ **отличная**, прилежаніе **отличное** и любознательность ко всѣмъ предметамъ **большая**, особенно къ древнимъ языкамъ, и, *во вторыхъ*, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

	[illegible]	[illegible]
Въ Законѣ Божіемъ	5	5
„ Русскомъ языкѣ и Словесности	5	5
„ Логикѣ	4	—
„ Латинскомъ языкѣ	5	5
„ Греческомъ	5	5
„ Математикѣ	5	5
„ Исторіи	5	5
„ Географіи	5	5
„ Физикѣ и Математической географіи	5	—
„ Нѣмецкомъ языкѣ	5	—
„ Французскомъ языкѣ	5	—

Во вниманіе къ отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, въ особенности въ древнихъ языкахъ, Педагогическій Совѣтъ постановилъ наградить его, *Ульянова*, ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестатъ, предоставляющій всѣ права, обозначенныя въ §§ 129—132 Высочайше утвержденнаго 30 Іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій, а при отбываніи воинской повинности онъ, *Ульяновъ*, на основаніи 2-й и 9-й стат. Высочайше утвержденнаго 10 Февраля 1886 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, пользуется льготами, предоставленными окончившимъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда. Симбирскъ, Іюня *10* дня 1887 года. *Подлинный подписали*

Директоръ Симбирской Гимназіи
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ф. Керенскій

Инспекторъ И. Христофоровъ

Законоучитель Протоіерей Юстиновъ

Преподаватели: А. Федотченко, [illegible], Н. Янишевскій, А. Поръ, Н. Надеждинъ, Козловъ, Я. Штейнгауэръ, [illegible], Федоровскій, Н. Мохотяевъ, А. Кабан[illegible], П. Тихоновскій

Съ подлиннымъ вѣрно
Директоръ Керенскій

Секретарь Педагогическаго Совѣта И. Ежовъ

Примѣчаніе: Цифра 5 означаетъ познанія и успѣхи отличные, 4 — хорошіе, 3 — [illegible]

Аттестат зрелости В. И. Ульянова.

С большим трудом Илье Николаевичу удалось отстоять Порецкую семинарию. И она, хотя ослабленная материально, продолжала готовить учителей народной школы. Но в целом обстановка летом 1884 года, после выхода «Правил о церковноприходских школах», сложилась в пользу реакции. Участились столкновения между клерикалами и дирекцией народных училищ.

В 1884 году инспектор симбирских народных училищ А. А. Красев писал В. И. Фармаковскому: «Местное духовенство, особенно же известный его деятель протоиерей П. П. Никольский (член губернского училищного совета), обнаруживает необыкновенное раздражение к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время»[1].

Наш инспектор И. В. Ишерский, сообщал Красев, недавно представил отчет, в котором нелестно отозвался о некоторых законоучителях народных школ. Протоиерею Никольскому и некоторым другим членам совета эта критика пришлась не по вкусу, и они, забраковав отчет, обвинили составителя чуть ли не в нигилизме. Илья Николаевич, по словам Красева, насколько мог защищал отчет И. В. Ишерского, но безуспешно: мнение священника Никольского разделило большинство.

Отношения И. Н. Ульянова со сторонниками толстовско-деляновского курса «народного затемнения» приобрели настолько напряженный характер, что в городе вновь возникли слухи о скором удалении его со службы.

«Мать А. Н. Хохловой, — писала в мае 1884 года своему мужу К. А. Фармаковская, — приехавшая из Симбирска, сообщает, будто бы Илья Николаевич выходит в отставку. Почему — неизвестно, но слышала, дескать, от Кашкадамовых, а те от Стржалковских»[2].

Перечисляя новости года, К. М. Аммосов в очередном письме к В. И. Фармаковскому отметил, что «барины здешние ужас как поднялись и задрали головы и носы.

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 150, л. 12.

[2] Хохловы и Кашкадамовы — симбирские знакомые Ульяновых. В. М. Стржалковский — друг И. Н. Ульянова, инспектор народных училищ.

3 Заказ 1570

Интересно знать... процветают ли у вас (в Оренбургской губернии. — *Ж. Т.*) церковноприходские школы?»

В Симбирской же губернии по почину и призыву А. И. Баратынского они начали «процветать». Если в конце 1884 года их было 22, то через год стало 59.

«Барины» все чаще и наглее требовали смены состава дирекции народных училищ Симбирской губернии. Развернутое теоретическое обоснование необходимости скорейшей и коренной перестройки народной школы дал крупный помещик Д. И. Войеков. В заявлении, с которым Илья Николаевич ознакомился по «Симбирской земской газете» от 16 декабря 1884 года, он с тревогой отметил, что «под флагом просвещения провозится неприятельский груз».

Из дальнейших рассуждений Войекова следовало, что в народных школах Симбирской дирекции «не все так благополучно, как рисуют нам в отчетах». Это видно, по мнению помещика, хотя бы из того, что «церковному пению в этом отчете не нашлось места, а о церковнославянском чтении упоминается лишь для того, чтобы сказать, что обучение ему решено отложить на год, то есть начинать на втором году обучения».

Наша народная школа, продолжал он, сообщая крестьянским мальчикам массу разнородных знаний, дает им «ложное понятие» о необходимости стремиться к дальнейшему образованию. А так как для этого большинство не имеет материальных средств, то они могут дать «обильный приток свежих сил в... вредную среду».

Из политических процессов видно, заключал Войеков, что «все обвиняемые крестьяне прошли сельскую школу и окончательно были испорчены дальнейшим образованием». Спасение от возможного «неисчислимого вреда» только в росте церковноприходских школ и таком переустройстве земских, чтобы их питомцы не мечтали вырваться «из прежней среды» и были довольны своей судьбой.

Насколько опасным для И. Н. Ульянова было выступление Войекова, будет яснее, если учесть, что последний в 1885 году станет советником министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, а пост правителя канцелярии этого министерства займет его симбирский единомышленник А. Д. Пазухин — доверенное лицо Александра III.

Приближенные царя, в частности один из столпов реакции М. Н. Катков, получали информацию о деятельности симбирской дирекции народных училищ от всероссийски известного протоиерея А. И. Баратынского. Он, например, прислал редактору «Московских ведомостей» свою статью, в которой рассказывалось о «печальной истории несостоявшегося открытия церковноприходской школы» в одной из деревень из-за «антагонизма симбирского училищного совета».

Из этого факта, жаловался мракобес в рясе Каткову, ярко видно, как «невыразимо трудно для духовенства при настоящем настроении земства и инспекции, заправляющей Симбирским училищным советом, проведение в жизнь высочайше утвержденных правил о церковноприходских школах» [1].

Этот донос не остался без внимания. В «Московских ведомостях» Катков несколько раз опирался на симбирские факты в борьбе против либералов.

«Возможно ли, — возмущался он в одной из передовых статей, — не говорю процветание, но и простое прозябание церковноприходской школы при учителе, который на отношение управы (Буинского земства Симбирской губернии. — *Ж. Т.*), приславшей в его школу «часословы и псалтыри», написал: «Так как высланные *учебные пособия* не нужны для моего училища, то я и отсылаю их обратно...» [2]

И. Н. Ульянов знал, что, по мнению очень влиятельных лиц, он является нежелательным работником, но все-таки решил продолжать борьбу за народную школу.

Тридцатого октября 1885 года, накануне 30-летия своей службы по учебному ведомству, он написал краткое, сугубо официальное прошение попечителю Казанского учебного округа о своем желании остаться на «следующее пятилетие».

Попечитель П. Н. Масленников был осведомлен об отношении министерства и губернских руководителей к директору народных училищ и рекомендовал министру И. Д. Делянову оставить И. Н. Ульянова на службе лишь «до 1-го июля 1887 года».

---

[1] Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Фонд М. Н. Каткова.

[2] «Московские ведомости», 1886, 5 апреля.

Илья Николаевич около двух месяцев не знал, как решается его вопрос, и очень волновался. Вот как об этом рассказывала Анна Ильинична: «В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе (Высших женских курсов в Петербурге. — *Ж. Т.*), я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехалась с отцом, возвращающимся с очередной поездки по губернии, и сделала с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью...

Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку» [1].

О том, что у Ильи Николаевича были основания для такого подавленного состояния, говорят материалы декабрьской сессии этого года Сызранского земского собрания. Как видно из доклада училищной комиссии, с которым он познакомился за несколько дней до встречи с Анной Ильиничной, здешние земцы решительно высказались за усиление «духовно-нравственного элемента» в народных школах и насаждение церковноприходских. В протоколе они вновь отметили, что «еще недавно псалтырь и часослов были пропущены в списке книг, допущенных к употреблению в школах», и высказали сомнение на улучшение школьного дела в желаемом для них духе при нынешней «дирекции народных училищ Симбирской губернии, которая делает лишь некоторые, но не все улучшения».

Активная поддержка сызранским земством правительственной политики в области народной школы пришлась по душе столичному «Церковному вестнику», который широко пропагандировал их решения» [2].

Последний печатный выпад в свой адрес Илья Николаевич прочел в «Симбирских губернских ведомостях» 5 января 1886 года, за неделю до своей кончины. И в этот раз протоиерей А. И. Баратынский твердил, что новейшие педагоги — последователи Ушинского, от-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 84.

[2] «Церковный вестник», 1886, 26 июля.

водя «мало времени обучению религии», ослабили «влияние церкви на школу». С такими учителями, заявил в заключение священник, которые не только «не подготовлены к толковому чтению часослова и псалтыря», но и считают их «ненужными для училищ», нельзя внести в школьное дело «дух церковности и православия».

Так посчитали и в столице, подписывая приказ о скорой отставке симбирского руководителя народной школы. Это известие и стало непосредственной причиной преждевременной кончины Ильи Николаевича. Об этом прямо заявлено в письме от 24 апреля 1886 года министру народного просвещения одним из чиновников: «...С директором народных училищ Ульяновым сделался удар при известии, что он оставлен на один год, — удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы».

Поволжская печать и столичный журнал «Новь» откликнулись на кончину Ильи Николаевича сочувственными некрологами. «Он очень много потрудился на пользу народного образования, — отмечалось в «Нови», — поставив его как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы начального образования» [1].

Выражая мнение передовой общественности Симбирска, председатель училищной комиссии А. И. Алатырцев 24 января 1886 года выступил на заседании городской управы со следующим заявлением: «Педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России, а тем более городу Симбирску». Ввиду такой заслуги А. И. Алатырцев предложил обсудить меры по увековечению памяти выдающегося деятеля. Было внесено предложение учредить в лучшем народном училище Симбирска «три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигнованно единовременно 400 рублей».

Почти полтора месяца в думе шел спор по этому вопросу. Реакционное большинство гласных решило ограничиться «письменным вдове покойного соболезнованием».

[1] «Новь», 1886, том VIII, № 8, стр. 393.

Думская дискуссия, не говоря уже о печатных нападках, которым подвергался в последние годы Илья Николаевич, конечно, причиняли боль и страдания его родным. Но не только это. На примере борьбы отца за народную школу Владимир, наверное, впервые понял, что царизм — злейший враг просвещения.

ОНИ БЫВАЛИ В ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ

Многогранная и подвижническая деятельность Ильи Николаевича на ниве народного просвещения, по свидетельству В. Н. Назарьева, вызвала симпатию у лучших людей Симбирской губернии, тоже искренне желавших «добра и блага темному люду». Некоторые из них на протяжении многих лет были желанными гостями в семье Ульяновых.

Одними из первых уже в осенние дни 1869 года навестили их старые друзья по Пензе и Нижнему Новгороду — Наталья Ивановна Ауновская и ее сын Владимир Александрович. Наталья Ивановна 16 апреля 1870 года присутствовала в качестве восприемницы в Никольской церкви при выписке Ульяновыми метрического свидетельства о рождении у них сына Владимира. Владимир Александрович в ноябре 1871 года станет крестным отцом Ольги.

Но не только семейное знакомство связывало Ульяновых с Ауновскими. Сближение Ильи Николаевича с Владимиром Александровичем произошло во второй половине 50-х годов в Пензе, куда молодые учителя прибыли после окончания высших учебных заведений. Люди почти одного возраста, связанные общей работой, они были очень близки идейно, и оба считали служение делу народного образования своим высшим долгом.

В Пензе И. Н. Ульянов, В. И. Захаров, В. А. Ауновский и другие демократически настроенные преподаватели оказали глубокое влияние на формирование общественно-политических взглядов передовой молодежи. Десятки их воспитанников стали активными участниками борьбы с самодержавием. Влияние В. И. Захарова на учащихся было особенно заметным, и он был вынужден в 1862 году перевестись в Нижний Новгород, куда вскоре переехали Ауновский и Ульянов. Здесь они,

продолжая поддерживать дружеские связи, близко сходятся с революционно настроенными учителями: Б. И. Сциборским — другом Н. А. Добролюбова, Н. В. Копиченко и М. Н. Попковым — активными членами нижегородского отделения «Земли и воли».

В 1864 году В. И. Захаров, окончательно лишенный права заниматься педагогической деятельностью, покидает Нижний Новгород и устраивается в Симбирской губернии управляющим частного имения. Через два года переводится в Симбирск на должность инспектора мужской гимназии В. А. Ауновский, а в сентябре 1869 года сюда же приезжает с семьей Илья Николаевич.

В. А. Ауновский, возглавлявший работу губернского статистического комитета и редактировавший все его издания, в своих печатных и устных выступлениях оказывал всяческую поддержку начинаниям И. Н. Ульянова. С 1872 года он целиком отдает себя делу народной школы: оставляет работу в гимназии и по рекомендации Ильи Николаевича назначается директором Порецкой учительской семинарии. К несчастью, смерть рано — в 1875 году — оборвала жизнь этого незаурядного педагога, ученого и общественного деятеля.

Владимир Иванович Захаров, проживавший в селе Каменке на положении политического ссыльного, в Симбирске бывал редко. Но он внимательно следил за борьбой Ильи Николаевича с неграмотностью народных масс и не раз выступал с заявлениями в поддержку народной школы.

Будучи инспектором, а затем директором народных училищ губернии, И. Н. Ульянов неоднократно приезжал в Каменку, отмечая в своих отчетах успешную деятельность местной школы и ее попечителей — В. И. Захарова и О. С. Левашеву.

Последняя встреча друзей произошла незадолго до кончины Ильи Николаевича. 15 июля 1885 года он побывал в Каменке и подарил Захарову свою фотографию с теплой надписью: «Дорогому Владимиру Ивановичу от преданного ему И. Ульянова».

Почти еженедельно приходил управляющий губернской удельной конторой А. Ф. Белокрысенко, крестный отец Володи. Это был видный представитель местной интеллигенции. Хорошо зная и любя свой край, он стра-

стно занимался его историей и собрал 224 летописи, на материалах которых напечатал несколько трудов, не потерявших научного значения и в наши дни.

Арсений Федорович постоянно ратовал в губернском земстве за развитие промышленности, постройку железных дорог, разработку полезных ископаемых, поощрение народных промыслов. В 1885 году руководимой им конторе «за рациональные лесные культуры на Московской выставке лесоводства и древоразведения присуждена высшая награда — золотая медаль».

Не чужды были ему и либеральные веяния. В эпоху падения крепостного права, по наблюдениям симбирских жандармов, он «держал сторону крестьянского сословия». Пятнадцать лет Белокрысенко состоял членом Литературного фонда России. Терпимо относился к пострадавшим за политическую деятельность или столкновения с властями. Так, с начала 80-х годов он принял на службу Н. А. Гернета (отца известного советского ученого-юриста), отбывавшего вологодскую ссылку вместе с идеологом революционного народничества Н. Л. Лавровым.

Арсений Федорович, как и Илья Николаевич, сотрудничал в местной печати, вместе с ним заседал в комитете Карамзинской библиотеки, других общественных органах. Особенную близость между ними, подчеркивала Мария Ильинична, создавала общая работа: «Белокрысенко принимал участие и в деле народного просвещения в качестве члена училищного совета».

Как влиятельный гласный губернского земства, Арсений Федорович помогал И. Н. Ульянову в открытии Порецкой учительской семинарии, а позже он защищал ее, как и в целом народную школу, от нападок реакции.

А. Ф. Белокрысенко умер 24 ноября 1885 года в возрасте 67 лет. Мария Ильинична, для которой он был также крестным отцом, запомнила, как Илья Николаевич сказал однажды с грустью: «Вот и суббота, а поиграть в шахматы не с кем». Сыграть ему, как мы знаем, было с кем. Арсений Федорович был дорог Илье Николаевичу не только как давний и, по выражению Анны Ильиничны, «главный партнер», но и как человек, с которым было связано немало общих дел, интересов [1].

---

[1] См. подробнее: Ж. Трофимов. Партнер И. Н. Ульянова. — «Шахматы в СССР», 1968, № 5, стр. 3.

Анна Ильинична и Мария Ильинична, как видно из их высказываний, с большой симпатией относились к другу своего отца. Уважал Арсения Федоровича и Александр. Когда тот приезжал в Петербург, то считал долгом навестить его. «На днях, — писал Александр Ильич своим родным 21 марта 1885 года, — я был у Арсения Федоровича, он хотел ехать отсюда в Симбирск...» [1]. Наверное, не раз бывал в симбирской квартире А. Ф. Белокрысенко вместе с отцом Владимир Ульянов.

Деятельным помощником Ильи Николаевича по делу народного образования и близким знакомым, с которым одно время жил в одном доме в Симбирске, был Валериан Никанорович Назарьев. Дворянин по происхождению, юрист по образованию (он учился в Казанском университете на одном факультете с Л. Н. Толстым), Назарьев с конца 50-х годов считался известным публицистом и писателем, к которому с симпатией относились Н. А. Некрасов, И. Н. Панаев и Н. А. Добролюбов. Болезнь и расстройство дел в имении вынудили его оставить Петербург и вернуться на родину. Здесь, в селе Новоникулино Симбирского уезда, он открыл народную школу.

Познакомившись с «идеальным инспектором», как впоследствии Назарьев назвал И. Н. Ульянова в своих очерках, он пришел к выводу, что «без хорошей, правильно поставленной школы» невозможно серьезное улучшение жизни крестьянства. Ради овладения новейшей педагогикой он несколько раз ездил в Петербург, где «то и дело бегал в учительскую семинарию», слушал выступления барона Н. А. Корфа, приобретал учебники и пособия. Возвращаясь домой, он делился с Ильей Николаевичем новостями и под его руководством вводил передовые методы обучения в новоникулинской и других школах симбирского уезда.

И. Н. Ульянов ценил бескорыстное увлечение Назарьевым народным образованием и в своих отчетах тепло отзывался о его полезной деятельности. Поддерживали дружеские отношения между собой и их семьи. Одно лето Ульяновы провели в новоникулинском доме Назарьева.

---

[1] Переписка семьи Ульяновых, стр. 25.

В. Н. Назарьев являлся первым биографом Ильи Николаевича. Благодаря опубликованным очеркам уже в 70—80-х годах его имя стало известным всей мыслящей России. Памяти и уважения писатель достоин и потому, что первым нарушил молчание об И. Н. Ульянове после казни Александра Ильича. В воспоминаниях, опубликованных в 1894 году в Симбирске и в 1898 году в «Вестнике Европы», он писал об Илье Николаевиче как «нашей гордости» и «чуде», заслужившем «право на почетную известность».

Глубокое уважение Ульяновы питали к Николаю Александровичу Языкову — племяннику известного поэта пушкинской плеяды. Со времени их знакомства, состоявшегося в первый год службы Ильи Николаевича в Симбирске, Н. А. Языков постоянно помогал инспектору народных училищ, и его слово на заседаниях губернского училищного совета было очень весомым.

Рисуя портрет этого привлекательного человека, В. Н. Назарьев подчеркивал его честность, «сочувствие развитию народного образования, ссудосберегательных товариществ, процветанию публичной Карамзинской библиотеки, водворению правды, искоренению сословных предрассудков и диких проявлений зарождающегося хищничества и отживающего крепостничества» [1].

Добродушный и скромный по характеру, высокообразованный и хорошо воспитанный, Николай Александрович был интересным собеседником. О доброжелательном отношении Ульяновых к нему говорит и то, что они пригласили его быть восприемником своего третьего сына — Дмитрия. Однако на основании этого факта нельзя утверждать, что дружеские отношения между ними «переросли в родственные» [2].

В 1881 году Н. А. Языков скончался, имея всего лишь 48 лет от роду. Это была большая потеря для дела народного образования. Скорбели о нем Ульяновы, как о чудесном человеке.

Начиная с 1874 года, когда Илья Николаевич занял должность директора народных училищ губернии, у не-

---

[1] «Симбирская земская газета», 1881, 1 марта.

[2] См.: Известен всей России. И. Н. Ульянов. Статьи, документы, материалы, воспоминания. Авт.-сост. А. И. Карамышев. Саратов, 1974, стр. 106.

го появились штатные помощники — инспектора народных училищ районов, объединявших по нескольку уездов. Первым из них стал Василий Григорьевич Зимницкий. Появился он в Симбирске по приглашению Ильи Николаевича, который знал его еще по Пензе как талантливого преподавателя русского языка, словесности и математики. Однако В. Г. Зимницкий работал инспектором лишь около года и по рекомендации своего начальника был назначен директором Вольской учительской семинарии, где служил тридцать лет. Общероссийскую известность он приобрел как автор учебников по методике обучения русскому языку.

С августа 1874 года в доме Ульяновых часто бывал Владимир Михайлович Стржалковский. С Ильей Николаевичем его связывала старая, еще со студенческой поры дружба. «Назначение Владимира Михайловича на должность инспектора, — писал современник, — состоялось после предварительного приглашения и ходатайства об этом только что определенного тогда директором И. Н. Ульянова». Последний нашел в лице В. М. Стржалковского «истинного и полезнейшего себе помощника, на которого не только с полною уверенностью можно положиться во всяком деле, но и всегда встретить разумный, просвещенный, честный и умудренный долговременным жизненным опытом совет. Будучи горячо предан интересам народного образования, чуждый внешней, так сказать, напускной представительности, он трудился до самопожертвования, почти все учебное время проводя в школах, вне семьи и вникая решительно во всякую мелочь» [1].

Советовался Илья Николаевич со своим преданным соратником и в последний день жизни: 12 января 1886 года они в домашнем кабинете работали над годичным отчетом о состоянии народного образования Симбирской губернии. Трудились до обеда, а около 17 часов сердце директора народных училищ перестало биться.

Владимир Михайлович почти два месяца продолжал дело своего руководителя и друга. При очередном объезде начальных училищ он заболел воспалением легких и скончался в возрасте 54 лет.

---

[1] «Циркуляр по Казанскому учебному округу», Казань, 1886, № 3, стр. 183—184.

Ульяновы и Стржалковские дружили семьями. Добрые отношения между ними сохранились и после кончины глав семейств.

С 1877 года штат инспекторов народных училищ Симбирской губернии увеличился до пяти человек. На широко известной фотографии 1881 года помимо Ильи Николаевича и В. М. Стржалковского запечатлены Александр Александрович Красев, Владимир Игнатьевич Фармаковский, Константин Михайлович Аммосов, Иван Владимирович Ишерский.

Все они имели высшее образование и опыт педагогической работы, любили народную школу, преклонялись перед Ильей Николаевичем как человеком и общественным деятелем, питали глубокое уважение к Марии Александровне. С такими людьми было о чем поговорить и посоветоваться. Вот почему директор народных училищ стремился использовать каждую возможность, чтобы созвать, как он писал, «небольшой педагогический совет, состоявший из лиц, ближайшим образом знакомых с народными школами и с направлением в них учебно-воспитательного дела».

В годы реакции инспекторы помогали своему директору отстаивать народные школы Симбирской губернии. Все члены семьи Ульяновых были благодарны К. М. Аммосову за обширный и теплый некролог, посвященный «светлой, честной и благородной личности Ильи Николаевича и его исполненной неутомимых трудов жизни и деятельности» [1].

Владимир Ульянов на похоронах отца шел также рядом с А. А. Красевым и слушал его глубоко прочувствованное выступление. Несомненно, что он с интересом и признательностью читал в февральской за 1887 год книжке журнала «Русская мысль» обстоятельную статью А. А. Красева «Что дает крестьянину начальная народная школа?», написанную с прогрессивных позиций.

Документы свидетельствуют, что только И. В. Ишерский, которого некоторые историки причисляют к числу близких друзей и чуть ли не единомышленников Ильи Николаевича, получив пост директора народных училищ

---

[1] К. М. Аммосов. Илья Николаевич Ульянов (Некролог). — «Симбирские губернские ведомости», 1886, 25 января.

Симбирской губернии, стал послушным исполнителем воли дворянства и духовенства в области народного образования.

Уже в октябре 1886 года протоиерей А. И. Баратынский печатно благодарил И. В. Ишерского за содействие в открытии новых церковноприходских школ. В свою очередь, И. В. Ишерский, прекрасно осведомленный о выпадах протоиерея против И. Н. Ульянова, хвалил А. И. Баратынского за то, что его доклады «доходили до министра народного просвещения графа Д. А. Толстого» [1]. Ульяновы больно переживали, что И. В. Ишерский, узнав об аресте Александра Ильича, перестал кланяться Марии Александровне на улице [2].

Часто бывал в доме Ульяновых инспектор Центральной чувашской школы Иван Яковлевич Яковлев. Известный просветитель прошел суровую школу жизни. Крестьянский мальчик-сирота, он благодаря огромному упорству сумел, работая земельным мерщиком, подготовиться к поступлению в пятый класс Симбирской классической гимназии.

Еще гимназистом И. Я. Яковлев пригласил несколько молодых односельчан и организовал их обучение. Илья Николаевич принял живейшее участие в судьбе чувашских мальчиков, а после отъезда Ивана Яковлевича в 1870 году на учебу в Казанский университет, на протяжении пяти лет руководил становлением будущей кузницы чувашских педагогических кадров.

В 1875 году И. Я. Яковлев возвратился в Симбирск, но уже в роли инспектора чувашских школ Казанского учебного округа и одновременно руководителя местной, родной для него школы.

Дружеские отношения Ульяновых с семьей Яковлевых продолжались долгие годы. Владимир Ильич высоко ценил бескорыстную и неутомимую педагогическую деятельность И. Я. Яковлева и в телеграмме на имя председателя Симбирского Совдепа от 20 апреля 1918 года интересовался судьбой педагога-демократа, «50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма» [3].

---

[1] «Симбирские епархиальные ведомости», 1895, 15 октября.
[2] Семья Ульяновых. Саратов, 1966, стр. 96.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 61.

Но, пожалуй, больше всего Владимир Ульянов видел дома народных учителей — не только городских, но и сельских школ. Они откровенно делились с Ильей Николаевичем своими горестями и радостями, сокровенными планами на будущее. Об атмосфере, в какой происходили эти встречи, подробно рассказала Вера Васильевна Кашкадамова.

«Я так привыкла видеть в школе директора, — вспоминала учительница, — постоянно советоваться с ним, что, если, случалось, он не приходил несколько дней, я шла к нему за разрешением тех или иных недоразумений — побеседовать о прочитанных мною книгах, о встречающихся в них порой противоречиях. Илья Николаевич сердечно выслушивал меня, давал ответы, иной раз, и теперь скажу, мои вопросы и недоразумения были не важны, мелочные, и будь на его месте другой директор, сделал бы мне выговор, что я по пустякам беспокою начальство, но он терпеливо выслушивал меня без малейшего намека на неделикатность такого злоупотребления его временем, и я, широко пользуясь его снисходительностью, как-то незаметно познакомилась и с семейством Ильи Николаевича — его супругой Марией Александровной и детьми, у которых я встретила самый радушный прием» [1].

Общение с И. Н. Ульяновым определило всю дальнейшую жизнь Веры Васильевны. Она стала подвижницей народного образования и в советские годы была удостоена почетнейшего звания Героя Труда.

Среди знакомых Ильи Николаевича встречались люди, причастные к освободительному движению или сочувствовавшие ему. Так, он поддерживал хорошие отношения с Александром Александровичем Кадьяном. «Обычно лечащим врачом в нашей семье, — вспоминала Мария Ильинична, — в эти годы был А. А. Кадьян... Это был очень знающий и опытный врач, идейный работник и деликатный человек. В Симбирске он пользовался большой популярностью, бывал и в нашем доме. Отец и мать относились к нему очень хорошо, «весьма сочувственно», по свидетельству Н. С. Таганцева, относился

---

[1] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова. Пенза, 1925, стр. 37.

Кадьян к Илье Николаевичу и Марии Александровне. Во время последней болезни (отца.— *Ж. Т.*) Кадьян был в отлучке, и помню, как мать жалела об этом. Она высказала это и Кадьяну, когда он уже после смерти Ильи Николаевича посетил нас» [1].

А. А. Кадьян имел богатое революционное прошлое. Еще на студенческой скамье сын профессора фортификации Петербургской инженерной академии генерал-майора А. З. Кадьяна принимал активное участие в «беспорядках учащейся молодежи» столицы. Впервые ему пришлось побывать в тюрьме в 1870 году. За революционную пропаганду во время массового «хождения в народ» его привлекли в качестве одного из главных обвиняемых по «процессу 193-х». Отсидев более трех лет в тюрьме, врач участвует в освободительной войне славян против турецкого ига. В 1879 году, уже в Петербурге, А. А. Кадьян снова попадает в тюрьму за хранение «книг социалистического содержания». После выхода на волю он в сопровождении жандармов летом того же года отправляется под гласный надзор полиции в Симбирск.

А. А. Кадьян был выдающимся хирургом своего времени. Он, например, первым в России произвел в симбирской больнице операцию по удалению почки. В 1884 году ему за диссертацию «Материалы к изучению архитектуры стопы» ученый совет Петербургской военно-медицинской академии присвоил степень доктора медицины.

Принимал он активное участие в общественной жизни Симбирска, но нелегальную сторону своей деятельности тщательно скрывал. И все же только в 1881 году в квартире А. А. Кадьяна жандармы дважды производили обыски. В это же время подвергалась арестам его жена Анна Юльевна. Симбирский губернатор считал А. А. Кадьяна «весьма ловким и осторожным пропагандистом», и лишь благодаря этим конспиративным качествам он избежал суровых наказаний [2].

В 1888 году А. А. Кадьян вынужден был переехать в Петербург. И здесь в марте 1895 года он снова встре-

---

[1] М. Ульянова, стр. 69.

[2] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1887, д. 12, л. 20.

тился с Ульяновыми. Владимир Ильич заболел тяжелой формой воспаления легких. Как только Мария Александровна узнала об этом, она немедленно прибыла из Москвы, отстранила неизвестного ей лечащего врача и пригласила профессора А. А. Кадьяна [1]. Старый симбирский знакомый оправдал доверие, и в конце апреля Владимир Ильич выехал в Женеву для переговоров с группой «Освобождение труда».

Почти семнадцать лет домашним врачом Ульяновых был Иван Сидорович Покровский. Вот некоторые факты из его биографии, которые несомненно были известны Ульяновым. Матерью Ивана Сидоровича была крепостная крестьянка, а отцом Александр Дмитриевич Улыбышев. В исследованиях музыковедов, литературоведов, историков, философов и социологов часто встречается имя этого энциклопедически образованного человека, который считается видным представителем не только русской, но и европейской культуры первой половины XIX века.

Едва ли не первым в России А. Д. Улыбышев публично дал высокую оценку творчеству Михаила Ивановича Глинки. Он же еще в Нижнем Новгороде заметил выдающееся дарование М. А. Балакирева, взял на себя все заботы об его материальном обеспечении, серьезно помог в музыкальной подготовке, а затем сам повез будущего главу «Могучей кучки» к Глинке.

Живя некоторое время в Нижнем Новгороде в доме Добролюбовых, Александр Дмитриевич охотно беседовал с будущим революционным демократом и снабжал его светской литературой.

Специалисты считают, что трехтомная биография Моцарта, написанная А. Д. Улыбышевым на французском языке, до сих пор не потеряла научного значения.

По мнению историков, А. Д. Улыбышев, будучи одним из авторитетнейших участников литературно-театрального общества «Зеленая лампа», созданного на правах побочной управы декабристского Союза благоденствия, наиболее четко сформулировал в своих произведениях («Письма к другу в Германию» и «Сон») идеи, сплотившие членов этого знаменитого кружка.

---

[1] См.: Ж. Трофимов. Лечащий врач Ульяновых. — «Нева», 1971, № 1.

Еще немало событий в истории русской культуры связано с именами А. Д. Улыбышева и его родных. Так, брат Александра Дмитриевича профессор В. Д. Улыбышев состоял членом «комитета по устройству Исаакиевского собора». Елизавета Дмитриевна Улыбышева издала в Москве на французском языке несколько томиков своих стихов. Другая сестра, Екатерина, была корреспонденткой П. Я. Чаадаева, и именно ей адресованы его знаменитые «Философические письма».

Имя дочери А. Д. Улыбышева, Натальи, увековечено Мариэттой Шагинян на тех страницах ее книги «Семья Ульяновых», где рассказывается о беседах с нею, Натальей, Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых.

И. С. Покровский, как «незаконнорожденный», не получил никакого наследства после смерти отца, и ему пришлось самому добывать средства во время учебы в Казанском университете. Еще студентом он стал горячим поклонником Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и на долгие годы остался демократом до мозга костей.

Работая с 1869 года в Симбирске, Иван Сидорович оказывал всяческую поддержку народному образованию, всегда готов был безвозмездно лечить нуждающихся. Из уст в уста передавались в городе едкие эпиграммы доктора на местную знать, купечество и духовенство[1].

О круге друзей и знакомых Ульяновых в Симбирске будут написаны специальные книги. Но несомненно одно, что большинство людей, бывавших в доме директора народных училищ, являлись приверженцами народного образования, противниками остатков крепостничества. В общении именно с такими деятелями проявлялась идейность Ильи Николаевича и Марии Александровны, отрицавшими знакомства, основанные «на чинах и рангах». И в этом отношении детям, в том числе Владимиру, было чему поучиться у своих родителей.

---

[1] См. подробнее: Ж. Трофимов. Движимые чувством гуманности и прогресса...— «Нева», 1971, № 4, стр. 148—150.

Начиная с четвертого класса Владимир Ульянов стал изучать пять языков: церковнославянский, латинский, греческий, немецкий и французский.

Из последних двух, официально именовавшихся «новыми», обязательным являлся какой-нибудь один. Желающие могли заниматься обоими. Такие условия в Казанском учебном округе имелись только в Симбирской и Вятской гимназиях. Во всех других, как это видно из дел канцелярии округа, «и самое расписание уроков не приспособлено для занятия обоими языками» [1].

В младших классах такой возможностью вместе с Владимиром Ильичем воспользовалась почти половина его одноклассников. Однако с годами эта группа значительно поредела, а в восьмом классе из 27 выпускников два новых языка изучали только Ульянов и еще шесть гимназистов.

Главной причиной уменьшения числа желающих обучаться обоим новым языкам являлись трудности учебы, особенно по латыни и греческому. Изучение этих, давно превратившихся в «мертвые», языков отнимало много времени, и занятия по ним проходили подневольно и тяжело. «До сих пор я не находил, — откровенно признавался Ф. М. Керенский в одном из донесений попечителю учебного округа, — ученика, который занимался бы греческим языком с любовью» [2].

Тягостным было не столько чтение и разбор произведений великих греков и римлян, даже не заучивание бесчисленных исключений из грамматических правил, сколько постижение стилистики и диалектов, например ионического и дорического, при изучении греческих текстов. А контроль за выполнением письменных упражнений осуществлялся регулярно и строго. Старшеклассников обязывали еженедельно представлять тетради на проверку по каждому из языков.

Сложными были и устные задания. Во всех классах требовалось наизусть знать «избранные места из поэтов и прозаиков». Так, в пятом классе Владимиру пришлось

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, д. 17112, л. 85.
[2] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 341, л. 8.

переводить с латыни 52 главы из исторического труда Саллюстия «О Югортинской войне» и до 1000 стихов из «Метаморфоз» Овидия. По греческому языку он и в то время изучал «Анабазис» Ксенофонта и отрывки из «Одиссеи» Гомера.

В следующем учебном году более ста уроков отводилось на «Одиссею». Столько же времени ушло в седьмом классе на «Илиаду». Каждое из творений Гомера проходилось три раза: сперва учитель излагал содержание, затем вместе с учениками анализировал важнейшие сравнения, а потом (опять же сначала!) читалась с дословным переводом вся поэма. Дома гимназисты делали письменные переводы, заучивали пространные отрывки, писали даже такие сочинения, как «Собака по Гомеру».

Едва ли имелась необходимость в такой скрупулезной и изнурительной работе. Ведь познакомиться в деталях с героическим эпосом древних греков можно было по превосходным переводам, осуществленным Н. Н. Гнедичем («Илиады») и В. А. Жуковским («Одиссеи») еще в 1829 и 1849 годах. Сторонники классицизма, обосновывая необходимость дословного перевода таких произведений, говорили, что только так можно добиться твердых знаний по древним языкам. Возражения оппонентов, что «мертвые» языки не дают возможности глубоко изучить родной язык, не принимались в расчет. Глухи они оставались и к указаниям на то, что по новым языкам целиком не изучается ни одно крупное произведение Гёте, Шиллера, Гейне, Беранже, Бальзака или Гюго.

На уроках древних языков, как, впрочем, и по другим предметам, преобладали не разъяснение и проработка нового материала, а опрос и контрольные работы. Большинство учащихся не могло самостоятельно осмысленно выполнить задания и с трудом зарабатывало «балл душевного спокойствия (3)».

Проверка знаний первоисточников в классе обычно производилась в обстановке, почти исключающей подсказки и списывание. Преподаватель диктовал фразы из произведений, прочтенных гимназистами за последнюю неделю, а те «сейчас же письменно переводили фразы на греческий, не записывая по русски».

И вот при таких жестких требованиях и условиях Владимир, как правило, получал за свои письменные ра-

боты и устные ответы отличные отметки. Более того, он многим помогал по иностранным языкам.

Впервые выполнять роль репетитора ему, наверное, довелось уже зимой 1883—1884 года, будучи учеником пятого класса. Как известно, в то полугодие в доме Ульяновых жили дети хорошо знакомого Илье Николаевичу врача и прогрессивного земского деятеля Л. В. Персиянинова. Мальчики не успевали по многим предметам, но особенно плохо обстояло дело с языками. Владимиру пришлось приложить немало усилий, пока в классных журналах его подопечных появились удовлетворительные отметки по французскому и латыни. Но должного прилежания у легкомысленных братьев к учебе не было, и Илья Николаевич, по словам Анны Ильиничны, «под благовидным предлогом болезни жены попросил родителей взять их».

С теми же товарищами, которые нуждались и просили о помощи, Владимир щедро и бескорыстно делился своими знаниями. «...Дома было трудно, вспоминал одноклассник М. Ф. Кузнецов, — разобраться во всех заданиях, особенно в древних языках, так как не было в продаже никаких подстрочников к ним. Тут-то и помогал нам Ульянов. Придет, бывало, в класс за полчаса до начала уроков, подойдет к доске и объяснит решение задач по математике, физике или сядет за парту и переводит нам с древних языков заданный урок».

Граф В. П. Толстой, учившийся с Владимиром четыре года в одном классе, рассказывал впоследствии, что «в седьмом и восьмом классах даже вошло в обычай, что Ульянов приходил за полчаса ранее начала занятий и делал для собравшихся вокруг него товарищей переводы трудных греческих и латинских авторов, попутно объясняя непонятные для русского гимназиста обороты и формы этих мертвых языков» [1].

Другой соученик по второму — седьмому классам, С. М. Сахаров, не раз прибегавший к помощи Ульянова, удивлялся его редкой одаренности: «Он был, несомненно, превосходный филолог, легко превозмогавший трудности изучения древних языков. Обладая ясным и точным изложением мыслей в сочинениях по русской сло-

---

[1] «Москва», 1957, № 7, стр. 104.

весности, интересовался историей за пределами тогдашнего гимназического курса и в то же время он проявлял хорошие математические способности, нисколько не уступая в этом отношении тем немногочисленным нашим товарищам, которые считались способными математиками...»

Учась в старших классах, Владимир дважды успешно справился с ролью преподавателя древних языков. Вот как об этом рассказывала Анна Ильинична: «Мне надо было пройти латынь для курсов (высших женских, так называемых «Бестужевских». — *Ж. Т.*), и Володя, прекрасно знавший ее, взялся помогать мне. Помню, как хорошо он объяснял и какими живыми, интересными выходили у нас уроки. Он говорил тогда, что гимназический курс слишком длинен, что взрослому, сознательному человеку можно пройти учебу, растянутую на восемь лет, в два года. И он доказал это, подготовив Охотникова (учителя математики Симбирской чувашской школы. — *Ж. Т.)* к экзамену экстерном при гимназии»[1]. А способности к языкам у учителя-чуваша, по ее словам, были «очень посредственные».

Оценивая значение помощи младшего брата, Анна Ильинична подчеркнула также, что усвоение латыни облегчило ей изучение итальянского языка, знание которого дало «возможность иметь заработок и доставило много удовольствия»[2].

Итак, гимназисту Владимиру Ульянову пришлось много и с успехом заниматься иностранными языками. Отличному знанию новых языков он во многом обязан Марии Александровне, которая превосходно владела ими. Добиваясь того, чтобы и дети приобрели навыки разговорной речи, она установила такой порядок: один день они говорили дома по-русски, другой — по-французски, третий — по-немецки и так далее. Благодаря матери Владимир осваивал школьную программу без особых затруднений, хотя бывали дни, когда приходилось

---

[1] А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, стр. 23.

[2] С 1890 года Анна Ильинична регулярно публиковала в «Самарской газете» свои переводы художественных произведений прогрессивных итальянских писателей. См.: В. Арнольд. Переводы с итальянского. — «Волга», 1968, № 11, стр. 148—150.

по выражению Анны Ильиничны, «долбить» какую-нибудь скучнейшую немецкую басню.

Гораздо сложнее обстояло дело с древними языками, и думается, что ошибочно утверждение тех исследователей, которые считают, что эти языки давались ему «очень легко» [1]. Большие и зачастую непреодолимые трудности в их изучении испытывали все гимназисты России. Сыновья Ульяновых успешнее, чем их соученики, овладевали латынью благодаря помощи Ильи Николаевича. Но греческий язык в годы его учебы в гимназии не изучался. До 1883 года консультации по этому языку Владимир получал от Александра, но с отъездом старшего брата в Петербург пришлось полагаться только на свои силы и знания.

К счастью, Владимир к этому времени настолько твердо овладел теорией и накопил такой обширный словарный запас, что довольно уверенно выполнял переводы с русского на древние языки и обратно. Исходя из требований учебной программы, ему приходилось переводить прямо с латыни на греческий и наоборот.

Выработанной в школьные годы методике овладения языками, в частности практике письменных переводов с иностранного на русский, а затем с родного языка вновь на иностранный, Владимир Ильич придерживался и в позднейшее время. «Я вынес, — писал он 19 мая 1901 года Марии Ильиничне, — что это самый рациональный способ изучения языка» [2].

Воспоминания родных и современников свидетельствуют о прилежании и упорстве, с каким Владимир Ульянов занимался новыми языками. Он аккуратно выполнял все задания, составлял словарики, чертил таблицы склонений и спряжений. «Его таблицы неправильных французских глаголов, как подметила еще Мария Ильинична, так аккуратно разграфлены и написаны — точно напечатаны». Было в школьные годы и такое время, когда Владимир Ильич, по его словам, «очень увлекался латынью» [3]. Большая любознательность к древним языкам подчеркнута и педагогическим советом Симбир-

---

[1] А. Л. Карамышев, стр. 107.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 208.
[3] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 33

ской классической гимназии в аттестате зрелости Владимира Ульянова.

Чем же вызывалась такая любознательность? В. Д. Бонч-Бруевич объясняет это желанием одаренного юноши познакомиться в подлинниках с лучшими писателями древности, особенно «философией, логикой и общественными науками древних» [1].

Конечно, чтение басен Федра, од и сатир Горация, трагедий Эврипида и Софокла, поэм Гомера и Вергилия, мифологических сказаний Овидия, исторических трудов Тита Ливия, Саллюстия, Фукидида и Геродота, философских и риторических сочинений Цицерона и Юлия Цезаря, диалогов Ксенофонта и Платона, «Избранных биографий» Плутарха и других бессмертных творений классиков Греции и Рима во многих отношениях было интересно и поучительно.

Их приходилось брать в руки и при изучении некоторых других предметов гимназического курса. Например, при прохождении истории древнего мира, на которую в пятом классе отводились все уроки первого полугодия. По немецкому и французскому языкам для письменных переводов также давались статьи латинских и греческих авторов. Даже в выпускном классе Владимир Ульянов и его товарищи писали дома сочинение по русской словесности об Югортинской войне на основании одноименного труда Саллюстия [2].

Вполне вероятно, что увлечению латынью способствовало и то, что во время учебы Владимира в младших и средних классах в гимназии подобрались довольно толковые преподаватели этого языка и в числе их двоюродный брат — А. И. Веретенников.

Однако увлечение латынью все же прошло. Рассказывая об этом, Владимир Ильич пояснил: «Мешать стало другим занятиям, бросил» [3].

Подытоживая свои мнения о значении занятий Владимира Ильича иностранными языками в классической гимназии, Надежда Константиновна заявила: «Много убил времени зря на изучение латыни и греческого

---

[1] «Пионер», 1928, № 2, стр. 8.

[2] ГАУО, ф. 101 оп. 1, д. 553, л. 23.

[3] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 33.

языка. Но у него пробудился интерес к языкознанию»[1].

Резко критикуя засилье древних языков в Симбирской гимназии, Анна Ильинична также считала, что ее младший брат уже в годы учения был «молодым лингвистом, умевшим находить особенности и красоты языка»[2].

О лингвистических наклонностях Владимира Ульянова говорит и такой факт. Поступив в Казанский университет, он записывается на лекции по английскому языку. Впоследствии уже самостоятельно Владимир Ильич начнет изучать чешский, польский, итальянский и шведский языки.

ЧТЕНИЕ РАСШИРЯЛО ГОРИЗОНТ

Из своего опыта Илья Николаевич и Мария Александровна знали, как много значит хорошая книга для развития человека. И они сумели с ранних лет воспитать у своих детей потребность в серьезном чтении.

А читать было что. Анна Ильинична как-то на заседании реставрационной комиссии Дома-музея В. И. Ленина заметила, что «в доме не хватило бы места, если собрать все книги, прочитанные нами»[3].

Старшие как эстафету передавали младшим выписанные или купленные отцом журналы «Детское чтение», «Родник», «Детский отдых», сказки и поэмы А. С. Пушкина, стихи М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова и И. С. Никитина, басни И. А. Крылова, «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Хижину дяди Тома» Б. Стоу и другие популярные произведения.

Успехом в семье пользовалась «Хрестоматия для всех (Русские поэты в биографиях и образах)» Н. В. Гербеля, полученная Ольгой Ильиничной в гимназии за успехи в учебе. Этот сборник, вспоминала Анна Ильинична, «мы читали и перечитывали... заучивали на-

[1] Н. К. Крупская. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, стр. 16.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, стр. 24.

[3] А. Карамышев, А. Томуль. Воспитание в семье Ульяновых. Саратов, 1966, стр. 65.

изусть отрывки. У нас было в обычае готовить отцу и матери какие-нибудь сюрпризы к именинам и к праздникам... В раннем детстве мы могли самостоятельно выучить только стихи, да разве еще переписать их покрасивее и вложить в конверты».

В средних классах дети Ульяновых знакомились с художественными и историческими произведениями, печатавшимися в «Современнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Деле», «Историческом вестнике». В эту пору они увлекались классической русской литературой, ярко отражавшей общественные идеи.

Отец, вспоминала позже Анна Ильинична, рано дал нам в руки подобные книги, и «я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми романы, которыми зачитывались наши одноклассники» [1].

Однако у каждого были свои любимые поэты и писатели. В детстве успехом пользовался А. С. Пушкин. Позднее, под воздействием Д. И. Писарева, Александр больше читал И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Анна стала отдавать предпочтение М. Ю. Лермонтову. С увлечением читал русских классиков и Владимир. Но с гимназической поры — и на всю жизнь — он больше всего любил А. С. Пушкина [2].

Систематическому изучению наследия поэта в определенной мере способствовал гимназический курс словесности. Владимир Ульянов, как того требовала программа, знал наизусть «Клеветникам России», «Поэт», «Пророк», «Песнь о вещем Олеге», отрывки из «Евгения Онегина, «Медного всадника», «Полтавы», «Цыган». По некоторым из них выполнялись домашние и классные сочинения. Например, в пятом классе писалось сочинение на тему «Быт рыцарей и характеристика главных лиц драмы «Скупой рыцарь».

Симбиряне с особым интересом относились к А. С. Пушкину. В сентябре 1833 года, направляясь в Орен-

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 73.

[2] См. подробнее: Ж. Трофимов. ...Он любил Пушкина. — «Литературная Россия», 1974, № 16, 19 апреля, стр. 4—6.

бург за сбором материалов для «Истории Пугачева», поэт три дня пробыл в их городе. Значительная часть действия «Капитанской дочки» происходит в Симбирске и губернии. Каждый гимназист знал, что Пушкин бывал в губернаторском доме, расположенном напротив гимназии, что он пожертвовал 25 рублей на сооружение памятника Н. М. Карамзину и останавливался в Симбирске у брата своего приятеля — поэта Н. М. Языкова. Не раз, наверное, слышали об этом Ульяновы от племянника поэта Н. А. Языкова, близкого знакомого Ильи Николаевича и Марии Александровны.

Читая «Материалы для биографии Пушкина», собранные П. В. Анненковым, Владимир мог гордиться тем, что Илья Николаевич был лично знаком со знаменитым пушкинистом, открывшим в 70-х годах в своем симбирском поместье школу для крестьянских детей.

И если уж говорить о живых связях, то Ульяновы могли слышать рассказы своего лечащего врача И. С. Покровского о том, что его отец А. Д. Улыбышев не раз встречался с Пушкиным и как-то поделился материалами, использованными впоследствии поэтом в маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». О глубокой любви Владимира Ульянова к А. С. Пушкину напоминает хранящийся в комнате, где он жил в годы юности, том сочинений М. Ю. Лермонтова (издание 1882 г.) с подчеркнутыми в стихотворении «На смерть поэта» строками:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Все дети Ульяновых, когда учились в младших классах, держали свои книги, подаренные родными или полученные в награду за учебу, на самодельных настенных полках. В старших классах каждый из них имел свой книжный шкаф. Когда наступил черед Владимира, он аккуратно расставил в нем свою библиотеку и составил в тетрадке ее каталог [1].

Точный состав этой, как и в целом, семейной библиотеки Ульяновых неизвестен. В конце 20-х годов А. Г. Медведева — научный сотрудник Дома-музея В. И. Ле-

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. В семье Ульяновых. — «Семья и школа», 1946, № 10—11, стр. 10.

нина — составила список литературы и периодических изданий, пользовавшихся популярностью у передовой интеллигенции 60—80-х годов.

Анна Ильинична внимательно просмотрела его и оставила 763 книги, 27 газет и журналов. Но было бы ошибкой считать, как это делают некоторые авторы статей и брошюр, что этот список и является полным каталогом домашней библиотеки Ульяновых[1]. Ниже будет показано, что только за последнее время были установлены две книги, несомненно имевшиеся у Владимира, но не вошедшие в список А. Г. Медведевой.

Илья Николаевич со студенческой скамьи увлекался свободолюбивой поэзией и публицистикой. Поэтому «книги Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Некрасова, произведения поэтов «Искры» — та литература, те стихи, — указывала Надежда Константиновна, — которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата... Эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет»[2].

Необходимую литературу Ульяновы доставали различными путями. На протяжении всех 18 лет жизни в Симбирске они пользовались фондами Карамзинской общественной библиотеки, находившейся в нижнем этаже здания Дворянского собрания (ныне Дворца книги имени В. И. Ленина).

Илья Николаевич почти девять лет состоял членом комитета этой одной из лучших в России провинциальных библиотек. Он участвовал в комплектовании ее фондов и одним из первых в городе узнавал о поступлении новинок[3].

При библиотеке работал небольшой читальный зал, где братья Ульяновы, как и другие старшеклассники, имели возможность познакомиться со свежими номерами столичных и поволжских периодических изданий.

«В Симбирске читают главным образом не «отцы», — отмечал приезжий корреспондент — а «дети», и в среде

---

[1] Ленин и Симбирск. Саратов, 1968, стр. 28; И. А. Печерникова. Величие души. М., 1970, стр. 35—36; Н. А. Михайлов. Ленин и мир книги. М., 1970, стр. 8 и другие.

[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 83.

[3] См.: Н. Никитина. Ульяновы и общественная библиотека в Симбирске. — «Библиотекарь», 1970, № 8, стр. 18—21.

последних — больше всего читают воспитанники классической гимназии»[1].

И это — вопреки воле директора гимназии, отлично понимавшего, что имеющаяся здесь литература «обличительного направления» может свести на нет его усилия воспитать «истинно верноподданных» юношей. «К сожалению, — сетовал Ф. М. Керенский в донесении попечителю учебного округа, — вполне строгий контроль над ученическим чтением невозможен потому, что многие ученики берут книги не из гимназической только библиотеки, но также из общественной Карамзинской чрез посредство родственников или других лиц»[2].

Тяга молодежи в публичную библиотеку была естественной. Ведь в ученической библиотеке классической гимназии в 1885 году насчитывалось только 581 название в 886 томах. Далеко не каждый из 440 учащихся мог получить здесь даже ту книгу, которую рекомендовали учителя. Литературные новинки, затрагивавшие современные общественные вопросы, сюда не поступали.

В 1884—1885 годах на основании циркуляра министра внутренних дел в Карамзинской библиотеке были изъяты из общественного пользования «Капитал» К. Маркса, сочинения революционных демократов. В число «вредных» произведений попали «Основы химии» Д. И. Менделеева, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова[3].

Однако эта полицейская мера, как свидетельствовал один из современников, «только подлила масло в огонь: контрабандой почти все принялись за книги и перечитывали даже то, до чего, при отсутствии репрессий, и не домекнулись бы дотронуться. Опальные авторы выросли в наших глазах, и самое запрещение было истолковано, как солидная рекомендация[4].

Передовая молодежь доставала произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, номера журналов «Современник», «Отечественные записки» в личных биб-

---

[1] «Казанский биржевой листок», 1887, № 237.

[2] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 438, л. 14.

[3] И. Н. Ульянов в 1885 году вышел из состава комитета Карамзинской библиотеки.

[4] «Симбирские епархиальные ведомости», 1914, неоф. отд., стр. 632.

лиотеках. Вспоминая школьные годы, Анна Ильинична писала: «Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, у одного знакомого врача, имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан, и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу» [1].

Анна Ильинична не расшифровывает, кто из членов семьи кроме Александра и ее самой подразумевается под местоимением «мы», и эта недомолвка не позволяет категорично утверждать, что и Владимир приходил к доктору Ивану Сидоровичу Покровскому. Однако известно, что он усиленно читал Д. И. Писарева, ибо, много лет спустя, в разговоре с Надеждой Константиновной расхваливал «смелость его мысли» [2]. И если брат и сестра брали произведения критика-демократа у хорошо известного знакомого, жившего неподалеку от Ульяновых, то почему Владимир должен был искать заветные томики в каком-то другом месте? [3]

Книжная торговля в Симбирске была развита слабо. Подписка на центральные журналы и газеты здесь не производилась. Учебную, научную и художественную литературу Илья Николаевич обычно выписывал у известных книгопродавцов столиц и Казани. С тех пор как в 1883 году Александр и Анна поселились в Петербурге, они стали поставлять домой необходимые издания. Из сохранившихся писем Александра Ильича видно, что он слал отцу педагогическую литературу, матери и Ольге — ноты, семье он выписывал популярный еженедельник «Ниву». Часто бывал он у букинистов и с реестриками среднего брата.

«Посылаю папе брошюрку «Математические софизмы», — сообщал он в письме от 29 сентября 1884 года, — которую он желал иметь. Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы. Получил ли он те немецкие перево-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 58.

[2] Н. К. Крупская. Современные цитаты.— «Правда», 1935, 3 октября.

[3] Одноэтажный дом И. С. Покровского (ныне ул. Толстого, 57) хорошо сохранился до наших дней.

ды, которые я ему посылал?[1] «Книги, которые просит Володя, — говорится в другом письме, — а также ноты Оле... я поищу на днях»[2]. «Посылаю тебе, Володя, — писал Александр 6 октября 1884 года, — 3-ю книгу Memorabilia. Ты напрасно ожидал так рано получить ее — к 6 октября. Я получил твое письмо только 2 октября, 3 октября купил и только 4 мог послать. Почта приходит теперь на 6-й день, так что раньше 10-го ты никак не мог получить»[3].

Трогательна и поучительна та заботливость и аккуратность старшего брата по отношению к Владимиру, которая кроется за этими скупыми строчками! Забегая вперед, хочется отметить, что письма родных к Александру погибли после ареста 1 марта 1887 года, но по его сохранившимся 27 письмам видно, что из Симбирска поступали просьбы о покупках только печатной продукции — и ни о чем другом.

Вернемся к последнему письму. Что же это была за книга и зачем так срочно она понадобилась Владимиру? А. И. Иванский в брошюре «Книга в жизни молодого Ленина» (1962 г.) перевел и пояснил встречающееся там латинское слово следующим образом: «Посылаю тебе, Володя, 3-ю книжку (надо книгу. — *Ж. Т.*) Меморского («Новейшая и пространнейшая всеобщая география, или Подробнейшее описание пяти частей света»).

В 1969 году вышел том «Переписки семьи Ульяновых». «Научные сотрудники института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пояснили, что по-русски Memorabilia означает «достопримечательности»[4].

Казалось, что после этого других толкований быть не может. Однако выяснилось, что составители сборника «Ленин и Симбирск» в первом издании напечатали письмо Александра Ульянова так же, как и А. И. Иванский, то есть ввели в текст Меморского. В следующем издании вместо этого слова появилось латинское, но без перевода и комментария.

Эти разночтения не заметил Г. П. Фонотов, который пошел по пути А. И. Иванского. «Речь идет, — пояснил

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., Политиздат, 1969, стр. 15.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Там же, стр. 16.

[4] Там же.

он в 1969 году, — о книге М. Ф. Меморского «Новейшая и пространнейшая всеобщая география, или Подробнейшее описание пяти частей света, как-то: Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии, вышедшей в 1814 году в четырех частях» [1].

Что и говорить, название в таком полном виде занимательно, но опытный библиограф не придал должного значения дате выхода в свет этой книги. У каждого, кто читал его статью, возникает вопрос: зачем 14-летнему гимназисту Владимиру Ульянову потребовалось считать дни, когда по почте поступит «География», изданная 70 лет тому назад? Ведь она была не только редкой, но и весьма дорогой.

Ясно, что А. И. Иванский неправильно прочел иностранное слово в письме Александра Ильича, а Г. П. Фонотов, не сверившись с научными публикациями, еще дальше ушел от истины.

Заведующий фондом В. И. Ленина Центрального партийного архива Ю. А. Ахапкин, занимаясь подготовкой нового издания переписки Ульяновых, послал в сентябре 1974 года запрос в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина с просьбой установить исходные данные «Меморабилий».

В справке, составленной библиографами главной библиотеки страны, сообщалось, что им удалось обнаружить в своих хранилищах только две книги с таким названием. Одна из них — «Меморабилии, или Странные вещи в жизни, литературе и философии» — вышла в Петербурге в 1809 году, а вторая — в 1824 году на английском языке в Лондоне.

Отвергая всякую возможность того, что такие антикварные редкости могли срочно понадобиться Владимиру Ульянову, я решил сам выяснить автора загадочной книги, место и год издания, познакомиться с содержанием и представить, таким образом, причины переписки между братьями Ульяновыми, возникшей об этой книге.

В ходе поиска [2] выяснилось, что речь шла о появившейся в 1883 году в книжных лавках Киева и Петербур-

---

[1] Советская библиография. Сборник статей. М., 1969, № 6 (118), стр. 21.

[2] См. подробнее: Ж. Трофимов. Какую книгу просил Владимир Ульянов.— «Литературная Россия», 1975, № 4, 24 января.

га «Меморабилиях» («Воспоминаниях о Сократе») Ксенофонта [1]. Эта философская работа в русском переводе и с объяснениями наиболее трудных слов и выражений нужна была Владимиру потому, что она в первом полугодии шестого класса изучалась на уроках греческого языка. Изложения философских взглядов Сократа по труду Ксенофонта требовал также и гимназический преподаватель истории.

Небезынтересно, что молодой Карл Маркс с симпатией относился к Сократу, считал этого великого древнегреческого мыслителя «олицетворением философии» [2]. Есть основания полагать, что такие же чувства испытывал в гимназические годы Владимир Ульянов, изучая «Воспоминания о Сократе».

Примечателен в этом отношении следующий факт. Гегель в «Лекциях по истории философии» поставил вопрос: кто — Ксенофонт или Платон — «вернее изобразил нам Сократа со стороны его личности и учения?» И сам ответил: «Не может быть сомнения, что в отношении личного характера и метода бесед, в отношении вообще внешней формы последних, Платон может нам дать такое же точное, а может быть, и более определенное изображение Сократа, но в отношении содержания его учений и степени его мышления мы должны преимущественно придерживаться Ксенофонта» [3].

Владимир Ильич, конспектируя «Лекции» Гегеля, записал в «Философских тетрадях» в начале 1915 года более определенно: «Ксенофонт в «Memorabilien» лучше, точнее и вернее изобразил Сократа, чем Платон» [4].

Впечатления о прочитанном в юности прочно держались в памяти В. И. Ленина. Работая, например, в 1903 году над критической статьей о «бундовцах», он вспомнил о брошюрке «Математические софизмы» В. И. Обреимова, присланной в 1884 году Александром Ильичем. Убедительно показав, что их требование на автономию в партии вредно и основано на рассуждении, «которое математики называют математическими софизма-

---

[1] Меморабилии Ксенофонта. Перевел с греческого и объяснил И. Е. Тимошенко. Киев, 1883.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е., т. 1, стр. 99.

[3] Гегель. Сочинения, т. X, М., 1938, стр. 59.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 249.

ми и в которых — строго логичным, на первый взгляд, путем — доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу»[1].

Н. К. Крупскую всегда поражало глубокое знание Владимиром Ильичем отечественной литературы, впервые прочитанной еще в гимназические времена. Она же дала развернутую оценку значения этого чтения.

Если сильной стороной наших художественных классиков, отмечала она, была критика действительности, яркий показ людей и жизни, то слабой — пессимизм, свойственный им как представителям умирающего класса. «Но от их пессимизма, — продолжала Надежда Константиновна, — Ленина рано предохранили критики-публицисты, разбиравшие наших беллетристов и приоткрывавшие завесу — поскольку это позволяли цензурные условия — над тем, куда пойдет общественное развитие. Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский давали необходимую зарядку, давали определенное направление мысли, давали руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамеками, толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность»[2].

НЕВЕРУЮЩИЙ С 16 ЛЕТ...

Симбирск был не только административно-торговым, но и религиозным центром губернии. В городе жил епископ, находилась духовная консистория, действовали мужской и женский монастыри, 14 соборов и приходских церквей, лютеранская кирка, католическая каплица, татарская мечеть, еврейская синагога, две часовни. Кроме того, имелось одиннадцать так называемых домовых церквей, помещавшихся в стенах учебных заведений, тюрем и больнице[3]. Губернское духовенство издавало свою

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 69.

[2] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 3. М., Изд-во АПН РСФСР. 1959, стр. 547.

[3] П. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, стр. 117—142.

газету «Симбирские епархиальные ведомости», книжечки о житиях святых, различные поучения и проповеди.

Каждый горожанин с момента своего рождения и до кончины числился членом церковного прихода, обычно ближайшего к месту жительства. Служители культа строго следили за исправностью посещений церкви, вели письменный учет говений и соблюдения других религиозных обрядов.

Духовные учреждения почти со всех сторон окружали мужскую гимназию. Перезвон колоколов, раздававшийся на Никольской церкви, расположенной чуть севернее, сливался с призывами колоколен Спасского женского монастыря, пятиметровые кирпичные стены которого отделялись от гимназии лишь мостовой Спасской улицы. Из окон классов, выходивших на Соборную площадь, видны были прихожане, толпившиеся у кафедральных Троицкого и Николаевского соборов. С тыльной стороны — в епархиальном училище и кадетском корпусе — имелись домовые церкви. Наконец, в самой гимназии была Сергиевская церковь [1].

Религиозным духом пронизывалась вся гимназическая учеба. К числу важнейших предметов относился закон божий, изучавшийся во всех классах.

Казалось, что церковь, пользовавшаяся всяческой поддержкой государства и дворянства, имела в своем распоряжении все, чтобы воспитать подрастающее поколение в духе религиозности и в «страхе божием». Однако даже в провинциальном Симбирске в гимназию все больше проникали атеистические идеи.

...В семье Ульяновых в этой очень сложной сфере духовной жизни не допускалось никакого насилия, не было никакой фальши. Илья Николаевич, по словам Н. К. Крупской, «остался верующим до конца жизни, несмотря на то, что был преподавателем физики, метеорологом» [2]. Мария Александровна — это видели в семье все — «мало посещала церковь» [3], а на склоне своих лет стала неверующей.

Однако вера Ильи Николаевича не мешала ему, зна-

---

[1] Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889, стр. 126.

[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 32.

[3] Семья Ульяновых. Ульяновск, 1966, стр. 114.

комя своих детей с естественной историей, физикой и астрономией, показывать им абсурдность примитивно-религиозных взглядов на строение Вселенной. Не скрывал он перед домашними и неблаговидных поступков симбирского духовенства, занимавшегося неумеренными поборами с крестьян, пьянством, гонениями на передовых учителей.

Поощряя чтение произведений Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского и Д. И. Писарева, он тем самым также помогал формированию у детей научного мировоззрения, вольно или невольно способствовал зарождению у них сомнений в истинности тех или иных догматов веры.

Очень большое значение для гимназиста Владимира Ульянова имело отношение к религии старшего и любимого брата. Александру Ильичу четыре года пришлось учиться в период директорства И. В. Вишневского. О том, как этот наставник приобщал симбирских гимназистов к православной вере и как последние относились к его усилиям, красноречиво рассказывается в воспоминаниях одного из жителей Симбирска.

«Религиозный, почти до фанатизма, Вишневский и в воспитанниках старался насаждать религиозность, конечно формальную, не только за страх, но и за совесть. Сам он ежедневно посещал раннюю службу в находящемся вблизи монастыре; ученики — те по праздникам обязательно должны были являться в гимназическую церковь к обедне, после которой расходились по классам для проверки. Пропустившие обедню без уважительной причины подвергались различным взысканиям вплоть до убавки балла в поведении.

Понятно, — говорилось в воспоминаниях, — что такие меры насаждения религиозности приводили к совершенно противоположным результатам. В силу присущей человеческой натуре протеста против стеснений, в особенности бессмысленных, гимназисты всеми мерами избегали бывать в церкви, стараясь только попасть в класс на перекличку, чтобы быть сочтенными за бывших. В этих целях прятались во время обедни по отхожим и другим укромным местам, а в теплое время — в близлежащих к гимназии садах»[1].

---

[1] Б-й. Млекопитатели. — «Волжские вести». Симбирск, 1910, 1 апреля.

Жалобы родителей на казарменные порядки, насаждавшиеся директором, низкий уровень знаний, показываемых учениками Симбирской гимназии на экзаменах при поступлении в высшие учебные заведения, вынудили руководство Казанского учебного округа в 1879 году освободить Вишневского от заведования мужской гимназией, оставив за ним лишь должность начальника женской.

Анна Ильинична, учившаяся в гимназии во времена Вишневского, сохранила в памяти любопытный эпизод, окончательно прервавший карьеру «благочестивого наставника юношества».

Он, оказывается, «скандально проворовался» и был обличен в этом на торжественном праздновании обиженным и подвыпившим учителем рисования, который, поднявшись за столом с бокалом вина, вместо тоста провозгласил: «А Иван Васильевич грабил, грабил, грабил»[1].

Как видно из объяснительной записки инспектора мужской гимназии И. Я. Христофорова, поданной в учебный округ, Вишневский «выкраивал в свою пользу» денежные средства за счет родителей пансионеров, фиктивного оформления документов на покупку сальных свечей и очистку отхожих мест.

Фанатичная благочестивость, с одной стороны, жестокость и воровство, с другой, — эти качества и поступки человека, который по своей должности должен был быть кристально честным, не могли не вызвать негодования и стремления переоценки ценностей у наиболее развитых старшеклассников.

Александр Ильич первым в семье порвал с церковью. Одно время, вспоминала Анна Ильинична, «Илья Николаевич спрашивал за обедом Сашу: «Ты нынче ко всенощной пойдешь?», тот отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться»[2].

Володя Ульянов, конечно, знал о проделках ханжи и казнокрада Вишневского, видел отношение старшего брата к церкви, не раз слышал «интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, но передававшиеся из уст в уста»[3]. Читал он, как и многие симбиряне, «Губерн-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 46.
[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 32.
[3] Там же, стр. 57.

скую фотографию» их знаменитого земляка поэта-демократа Д. Д. Минаева, в которой тот зло и едко изобличал и высмеивал пороки местного высшего духовенства.

Учась в старших классах, Владимир не раз встречал в печати статьи церковников с нападками на народную школу — детище своего отца. Илья Николаевич и его сторонники обвинялись, как правило, в том, что благодаря им народная школа «значительно ускорила успехи в обучении чтению, письму и сообщений так называемых реальных сведений» в ущерб «обучению религии».

В домашней библиотеке Ульяновых имелась февральская книжка «Вестника Европы» за 1872 год, и каждый член семьи с особым вниманием читал очерки В. Н. Назарьева «Современная глушь». О том, как неприглядно изображалось здесь симбирское духовенство, можно судить по следующему эпизоду. В одной из деревень месяцами пил и буйствовал дьякон. Крестьяне выставляли дневной и ночной караул, но он все равно убегал и продолжал бражничать. Тогда они пришли к В. Н. Назарьеву, мировому судье, с просьбой, чтобы он выслал дьякона. Судья отправил дебошира к становому приставу, но вскоре стало известно, что дьякон получил место в другом приходе. Не удивительно, замечал писатель, что, видя пьянство и разврат духовенства, некоторые крестьяне становятся раскольниками.

В Симбирской губернии имелся не один десяток тысяч отпавших от православия. Власти и духовенство использовали самые различные меры, вплоть до высылки в Сибирь, против наиболее закоренелых и активных «староверов».

В этих же целях преподаватели закона божия читали специальные проповеди и лекции учащимся, а педагогический совет гимназии обязал выпускников 1887 года подготовить дома письменное сочинение по русской словесности «Происхождение и причины распространения раскола в русской церкви».

Владимир Ульянов представил весной этого года работу на такую тему, но она не сохранилась. Скорее всего, что поставленная проблема раскрывалась по «Истории России» С. М. Соловьева, но в душе он уже представлял истинные причины появления различных религиозных течений и сект как в родной стране, так и в Европе.

4½ Заказ 1570

Симбирская действительность на многих примерах показывала неразрывную связь церкви с господствующими классами. Десятки раз Владимир видел в городе крестные ходы и молебны, на которых священники проклинали Степана Разина, Емельяна Пугачева, Дмитрия Каракозова, проживавшего некоторое время в Пензе на одной квартире с И. Н. Ульяновым, Софью Перовскую и других борцов за народное счастье.

Эти и многие другие факты, а также чтение Д. И. Писарева, под влиянием которого порвал с религией Александр Ильич, будили молодую мысль, заставляли пытливого и любознательного юношу, как отмечала Н. К. Крупская, «очень рано критически относиться к религии, стремиться решать так или иначе вопрос о религии» [1].

Пищу для раздумья доставляла и сама гимназическая учеба. Некоторые публицисты 80-х годов, критикуя господство классицизма в средних учебных заведениях, указывали, что между древним и христианским мировоззрением «не только не может быть дружеского содействия, но даже добрососедских отношений: они взаимно исключают друг друга». В самом деле, рассуждал один из них, в Риме и Греции смотрели «на земную жизнь, как на цель своего существования, которой все исчерпывается, а для христианина она является испытанием, ведущим его в... царствие небесное. Здесь культ духа, там культ плоти, большего противоречия не может быть, и если в гимназии почти все предметы воюют между собой, то с законом божиим они воюют по преимуществу» [2].

По мнению А. И. Георгиевского — высокопоставленного чиновника министерства народного просвещения 80-х годов, — нерасположение гимназистов к изучению закона божия обусловливается программами сего предмета и личными качествами законоучителей. Нынешнее преподавание, писал он в 1888 году обер-прокурору святейшего синода К. П. Победоносцеву, «заключающееся в разучивании кратких, более или менее сухих и трудных учебников, столько же мало располагает и подготовляет

---

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 57.

[2] И. Алешинцев. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). СПб., 1912, стр. 344.

к дальнейшему самообразованию в религиозном и церковном направлении, и что еще прискорбнее, столь же мало влияет на весь умственный и нравственный склад выучивших все эти учебники юношей» [1].

Между тем Ф. М. Керенский принимал все меры для усиления религиозного воспитания среди учащихся. В отчете за 1885 год он писал: «Каждый учебный день ученики начинают общей молитвой, по окончании которой прочитываются отцом законоучителем или мною несколько стихов из св. евангелия; в праздничные и воскресные дни присутствуют при богослужении в гимназической церкви.

...Классные наставники следили за посещением учениками богослужения, проверяя по окончании каждой службы, все ли ученики были в церкви» [2].

Как и во времена директорствования Вишневского, каждый случай уклонения от выполнения религиозных обрядов сурово карался. Так, соученик Владимира Ульянова по пятому и шестому классам Александр Старков за «манкирование богослужения в праздничные и воскресные дни» получил отметку 4 по поведению и был вынужден перевестись в Пензенскую гимназию [3]. Сын известного революционера четвероклассник Сергей Бутурлин в 1886 году отсидел в гимназическом карцере «за пребывание в ретираде вместо церкви во время богослужения» [4].

И все-таки юноши умудрялись уклоняться от некоторых служб. Сын врача, хорошо знакомого Ульяновым, А. В. Кармазинский писал в своих воспоминаниях, что однажды «Владимир Ильич предложил нам не ходить к причастию, заявив, что нас не уличат в безбожном поступке, так как на исповеди мы все записаны, и это будет гарантией нашего выполнения ритуала. Так мы поступили и не пошли в церковь» [5].

Естественно, что строгости религиозного режима в гимназии и случаи его нарушения обсуждались в доме

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 846, оп. 1, д. 33, л. 7.
[2] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, лл. 26—27.
[3] Его брат В. В. Старков станет соратником В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».
[4] Н. О. Рыжков, стр. 15.
[5] См.: Ж. Трофимов. Неверующий с 16 лет...— «Наука и религия», 1970, № 4, стр. 76.

Ульяновых. Услышав как-то разговор отца с одним из педагогов, в ходе которого гость в ответ на слова Ильи Николаевича о том, что его дети плохо посещают церковь, сказал: «Сечь, сечь надо», возмущенный Владимир, по словам Н. К. Крупской, «решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю».

К этому времени у него уже сложилось твердое убеждение, что религия — это неправильное, ложное представление о мире.

День окончательного разрыва с религией запомнился Владимиру Ильичу на всю жизнь. Отвечая на вопрос в анкете для всероссийской переписи членов РКП(б), с какого возраста неверующий, он записал в соответствующую графу: «с 16 лет»[1].

В РОЛИ УЧИТЕЛЯ

В пореформенной России репетиторство стало неотъемлемой частью школьной жизни. Для некоторых преподавателей гимназии оно являлось постоянным источником пополнения личного бюджета. Считалось также естественным, когда студенты или преуспевающие гимназисты давали на дому уроки «двоечникам» из зажиточных семей.

Учась в старших классах гимназии, Александр Ульянов стал оборудовать химическую лабораторию у себя дома. Стараясь обойтись без лишних расходов из скромного жалования отца, он, вспоминала Анна Ильинична, «взял частный урок, чтобы иметь возможность приобретать больше книг и приборов...»[2] Дал он согласие на репетиторство и летом 1883 года. Но родители воспротивились тому, чтобы старший сын лишил себя отдыха перед поступлением в университет.

После кончины Ильи Николаевича на несколько месяцев произошла задержка с получением пенсии. Денежные затруднения были таковыми, что Анна Ильинична намеревалась на время прервать свою учебу на кур-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 509.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 62.

сах. Александр Ильич, экономя средства, ни разу не приезжал на зимние каникулы домой. Оставаясь в Петербурге, он давал те частные уроки, о которых его потом расспрашивали на суде.

Появился ученик и у семиклассника Владимира, но его занятия с самого начала носили необычный характер. Впервые в истории Симбирска он взялся подготовить взрослого человека к испытаниям зрелости по древним языкам, то есть пройти с ним всю гимназическую программу по латыни и греческому языкам за полтора-два года. Принялся он за эту необычную работу — обучать с азов, а не помогать восполнять пробел в учебе, учить человека, для которого русский язык был неродным, — в нарушение традиций бесплатно, несмотря на материальные трудности, испытываемые семьей.

Что же это за человек, которому Владимир отдал значительную часть личного времени в последние два года гимназической учебы?

Им был Никифор Михайлович Охотников. Родился он 10 марта 1860 года в деревне Чувашская Чебоксарка Казанской губернии. Рано стал сиротой и уже с семи-восьми лет, как он сам выразился впоследствии, «сделался полезным членом» в семье бабушки.

В 1874 году его — лучшего выпускника сельской школы — приняли в Симбирскую чувашскую школу И. Я. Яковлева. Ее Н. М. Охотников закончил с отличием. Затем год учительствовал на селе, пока чувашский просветитель не пригласил занять должность преподавателя математики и естествоведения в своей школе.

Н. М. Охотников успешно сочетал преподавание с самообразованием. В декабре 1880 года он сдал при Симбирской классической гимназии экзамены на звание учителя уездного училища. Небезынтересно, что пробный урок по арифметике («Деление дробей на дробь») Никифор Михайлович проводил во втором классе, где за одной из парт сидел Володя Ульянов.

Важное значение в дальнейшей судьбе учителя имела поездка в 1882 году на Московскую выставку, куда он был послан для ознакомления с постановкой учебного дела и обучения ремеслам. «Нижегородская ярмарка, железная дорога с вокзалами и поездами, самая выставка, — вспоминал Н. М. Охотников, — посещение московских училищ, Кремля, а также встречи и разговоры

с образованными людьми во время этой поездки, — все это произвело на меня сильное впечатление и в первый раз так широко раскрыло передо мною русскую жизнь и русскую цивилизацию».

Одним из «образованных людей», ехавших тогда из Симбирска в Москву, был Илья Николаевич Ульянов. По всей вероятности, во время этой поездки директор народных училищ узнал о страстном желании молодого учителя получить высшее математическое образование и дал первые советы о путях достижения столь высокой цели.

В последующие годы Н. М. Охотников много и плодотворно изучал учебники и исследования по механике, астрономии, химии, аналитической геометрии и дифференциальному исчислению.

Но для того чтобы поступить в университет, надо было получить свидетельство об окончании классической гимназии. А для этого, в свою очередь, предстояло овладеть латинским, греческим и немецким языками. Справиться с ними без регулярной и квалифицированной помощи, даже при своих выдающихся способностях, он не мог. Нанять преподавателя, имея жену, двоих детей и получая более чем скромное жалованье, Н. М. Охотников не имел возможности.

Вот тогда-то к нему на помощь по просьбе И. Я. Яковлева пришел Владимир Ульянов. Решение, конечно, было принято с согласия родителей. В этом случае, как и во многих других, Владимир, по выражению Н. К. Крупской, «шел по стопам отца», проявлявшего особое внимание к просвещению национальных меньшинств губернии [1].

Регулярно, три раза в неделю, шестнадцатилетний юноша обучал учителя-чуваша древним языкам. И не только им. Недавно в Ульяновский Дом-музей В. И. Ленина передан на хранение пожелтевший от времени листок, на котором черными чернилами написано: «26 апреля 1887 года. В. И.! § 30 (из истории средних веков). Борьба Вельфов и Гибеллинов. К какой партии из них принадлежали Генрих Гордый и Конрад III. Н. Охотников» [2]. Эта одна из уцелевших записок подтверждает,

---

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 28.

[2] «Ульяновская правда», 1967, 1 ноября.

что Владимир Ульянов консультировал своего ученика-учителя по гуманитарным дисциплинам гимназического курса.

И это было естественно для отношений, основанных на высоких идеалах: Владимир не мог не интересоваться всем ходом подготовки Н. М. Охотникова к испытаниям зрелости. Особенно по русской словесности, логике и другим предметам, которые с трудом усваивались учащимися за годы очного обучения.

Несомненно, что во время этих бесед затрагивались и житейские вопросы, обсуждались те симбирские события, которые будоражили всех горожан.

Н. М. Охотникова, в частности, волновало, удастся ли ему в случае успешной сдачи гимназических экзаменов преодолеть еще одно важное препятствие юридического характера. Дело в том, что по законам российской империи воспрещалось «студентам вступать в брак, а равно принимать женатых в число студентов университета». И. Я. Яковлев обещал ходатайствовать перед начальством Казанского учебного округа, но кто знает, найдет ли оно положительное решение?

Предстояли еще хлопоты по получению «Увольнительного приговора» от «общества и деревни Чувашская Чебоксарка»: без такого документа зачисление в университет тоже невозможно.

Вполне вероятно, что Владимир Ульянов расспрашивал Н. М. Охотникова о подробностях, связанных с деятельностью нелегальных кружков, к которым были причастны подчиненные ему братья-кузнецы Порфирий и Кузьма Фадеевы, воспитанник Алексей Григорьев. Хорошо был знаком Никифору Михайловичу и Василий Маненков, у которого жандармы в августе 1885 года конфисковали библиотеку подпольного гимназического кружка. Оба они на протяжении всех пяти лет учились в Симбирской чувашской школе.

Общение с талантливым и дружелюбно относившимся к людям сыном директора народных училищ вдохновляюще действовало на Н. М. Охотникова. Это заметил И. Я. Яковлев. В характеристике, написанной им в 1888 году, было отмечено, что во время подготовки к гимназическим экзаменам Никифор Михайлович, «как и прежде, неукоснительно исполнял обязанности учителя и заведующего мастерскими; в преподавании он даже

внес более живости и воодушевления, что благоприятно отразилось на успехах воспитанников».

Тридцатого января 1924 года И. Я. Яковлев, выражая письменно А. И. Ульяновой глубокое соболезнование в связи в кончиной В. И. Ленина, вспомнил, как юноша-гимназист по первому зову, урывая «у своих занятий драгоценное время», пришел «на помощь нуждающемуся».

«Вспоминаю, — продолжал чувашский просветитель, — с какой выдержкой и терпением он приготовил к экзамену на аттестат зрелости моего ученика Охотникова, желая помочь этому даровитому математику-самоучке достигнуть высшей школы».

Да, выдержке и самоотверженности Владимира Ульянова нельзя было не изумляться. Ведь он проводил уроки с Н. М. Охотниковым даже в те дни, когда, по выражению И. Я. Яковлева, семью Ульяновых постигла «страшная катастрофа» — арест и гибель Александра Ильича [1].

Н. М. Охотников, в свою очередь, весной 1887 года в числе немногих знакомых продолжал поддерживать дружеские отношения с семьей революционера. Это он помог Владимиру Ильичу в поисках лошадей и нашел земляка-возницу, который доставил Марию Александровну до сызранской железнодорожной станции.

В конце июня этого же года Н. М. Охотников проводил своего учителя в Казань, а в следующем году и сам переехал в университетский город.

Став студентом, он оправдал надежды отца и сына Ульяновых: успешно овладевал программой математического отделения физико-математического факультета, перевел учебники на чувашский язык, занимался научными исследованиями. За победу на международном физико-математическом конкурсе 1890 года Н. М. Охотников был награжден золотой медалью. Важный вклад сделал он в этнографию. В междуречье Волги и Камы им были собраны многочисленные народные песни, изделия крестьянских умельцев, некоторые из которых экспонировались на Парижской выставке, высокой оценки ученых заслужили сообщения одаренного студента на

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 13, оп. 1, д. 118, л. 9.

заседаниях «Общества естествоиспытателей при Казанском университете»[1].

Безусловно, что Н. М. Охотников мог стать выдающимся ученым России, если бы не тяжкая болезнь, от которой он умер 29 января 1892 года. «Отличаясь особым рвением в научных занятиях, — писал в связи с этим И. Я. Яковлев, — но не имея возможности хорошо содержаться (он в это время имел семью — жену и троих детей), Охотников подорвал усиленными занятиями свои силы и, будучи уже на 4-м курсе, за 3—4 месяца до конца учебного года, помер от чахотки. Таким образом, цель, к которой он так настойчиво стремился, не была достигнута, а семья осталась без кормильца».

В царской России путь в науку для выходца из «податного сословия», да к тому же еще «инородца», был полон невзгод и лишений. Это хорошо понимал гимназист Владимир Ульянов, оказавший неоценимую помощь в учебе Никифору Михайловичу Охотникову. Настойчивые усилия юного учителя и его взрослого ученика не могут не вызвать восхищения.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?»

Для Ильи Николаевича этот вопрос, остро поставленный любимым Некрасовым, давно был предельно ясен. Еще в Астрахани, он, по выражению Н. К. Крупской, рос «не отгороженный от жизни стеной»[2] и знал, чей стон раздается над великой русской рекой.

Всей душой ненавидя крепостничество, его проявления в быту и нравах, любые формы произвола и насилия, И. Н. Ульянов глубоко страдал за обездоленный народ, задавленный нуждой и темнотой, искренне желал ему помочь.

Еще в студенческие годы, в тесном кругу друзей, Илья Николаевич с воодушевлением пел положенные на музыку стихи петрашевца А. Н. Плещеева:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,

---

[1] Г. Хаит. Первый ученик Володи Ульянова. — «Наука и жизнь», 1965, № 8, стр. 19.

[2] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 26.

И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

На всю жизнь эта песня стала для него чем-то вроде «святая святых». Даже десятки лет спустя, дети чувствовали, что отец поет ее «не так, как другие, что он вкладывает в нее всю душу».

Эта решимость бороться «с бичами страны родной» крепла в ходе знакомства с жизнью трудящихся, когда он по делам народной школы часто и подолгу бывал на селе.

Засилье крепостников в Симбирской губернии, богатой плодородными почвами и лесными угодьями, сложилось не случайно. «Наши древние мироеды, — подчеркивал Берви-Флеровский, — были не дураки, они отмежевали себе лучшие части России» [1]. Поэтому здесь находились и самые обширные, доходные имения царской фамилии.

За долгие годы своего неограниченного господства столбовые дворяне разорили и обобрали этот некогда «благословенный край», довели мужика до того, что нищета стала постоянным его спутником [2].

В ходе реформы 1861 года симбирские помещики отрезали у своих бывших крепостных почти треть наделов, которыми они пользовались раньше. Почти пятая часть крестьян получила «дарственные», или, как их называли в народе, «кошачьи», участки, составлявшие четверть «полных наделов». Еще К. Маркс подметил, что различные подати и налоги в Симбирской губернии «не только поглощают у бывших помещичьих крестьян весь доход от земли, но и еще в придачу свыше половины этого дохода...» [3] В. И. Ленин, критикуя условия «освобождения» крепостных, указал, что десятки тысяч из них были переселены на негодные или неудобные земли, чтобы «легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им земли за ростовщические цены» [4].

Картина ограбления будет полнее, если учесть, что выкупная цена на землю в полтора раза превышала ры-

---

[1] В. В. Берви-Флеровский. Избр. эконом. произв., т. 1, М., 1958, стр. 295.

[2] «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Изд. АН СССР. М., 1962, вып. 11, стр. 868.

[3] Архив Маркса и Энгельса. М., 1961, т. XIII, стр. 183.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

ночную, что крестьяне вовсе не получили лесных угодий. Тягостным пережитком крепостничества являлись «временно-обязанные отношения». Согласно этим «узаконениям» крестьяне в течение девяти лет должны были отбывать барщину и выплачивать оброк. На деле же пережитки крепостничества сохранялись и в начале 80-х годов.

Бедственное положение народных масс усугублялось тем, что они считались «низшим сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство» [1].

Тяжелым было положение трудового люда и в городах. Из-за высокой смертности Симбирск неоднократно называли в печати «вымирающим городом». Вскрывая социальные причины этого печального явления, близкий друг Ульяновых В. А. Ауновский писал: «Рабочие, ремесленники, фабричные и т. п. средним числом живут едва от 25 до 30 лет, тогда как средняя продолжительность жизни зажиточных и высших сословий доходит от 50 до 60 лет». Болезни, эпидемии и ранняя смертность, подчеркивал он далее, «находятся в таком же точном и прямом отношении к жизненным условиям, как барометр к тяжести воздуха». Народ же живет в плохих жилищах, в нужде, и даже «молоко изнуренной работами кормилицы-матери делается не пищей, а отравой» [2].

Илья Николаевич, начиная со своего первого обзора «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год», постоянно обращал внимание передовой общественности на такое тяжелое наследие крепостничества, как неграмотность трудящихся и отсталость народного образования. Многие училища, писал он в 1870 году, помещаются в церковных караулках, курных крестьянских избах и тепляках для пожарных инструментов, где «холодно, сыро и угарно». Учителя, содержащиеся на сборы с крестьян, получают мизерную плату: от 40 до 150 рублей в год. Обучение в сельских школах зачастую ограничивается «изучением молитв, чтением и письмом» [3].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

[2] Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Отд. IV, стр. 14, 18.

[3] «Симбирский сборник», т. 2. Симбирск, 1870, стр. 54.

За шестнадцать с половиной лет неутомимой деятельности Илье Николаевичу и его сторонникам удалось построить десятки новых школьных зданий, подготовить кадры учителей нового типа, упорядочить процесс обучения и воспитания, завоевать доверие к народной школе со стороны большинства сельских обществ, значительно повысить грамотность в деревне.

Однако передовая общественность Симбирска видела, что за пореформенные годы серьезных изменений к лучшему в жизни трудящихся не произошло. В сельском хозяйстве, правда, утверждались капиталистические отношения, но этот процесс, как и везде, сопровождался разорением крестьянства, с одной стороны, а с другой стороны — образованием сельской буржуазии.

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни, особенно разложение и судьба общины, горячо обсуждались на страницах местных газет, которые регулярно читали Ульяновы.

В печатном органе губернского земства приводились многочисленные факты роста кулачества и деятельности этих «мироедов». Они скупали у обедневших крестьян земельные наделы, занимались ростовщичеством, спаивали и подкупали в корыстных целях сельские власти.

Земство особенно тревожило, что обедневшие и уже обезземеленные крестьяне со своими семьями ложились «тяжким бременем на сельское общество» или пополняли ряды пролетариата[1]. Одни из гласных требовали введения запрета на выкуп крестьянами своих участков, другие, наоборот, настаивали на отмене круговой поруки и предоставления желающим права выхода из общины.

Пылко споря о причинах народной нужды, симбирские «друзья народа», по едкому замечанию публициста, «забыли указать на самих себя, как на главных эксплуататоров крестьянского труда».

Наиболее смелые из либеральных авторов пытались открыто высказывать пожелания о перестройке крестьянских учреждений и «всего губернского управления». Если дворянские выборы, писал один из них, «широки и доступны», то крестьянские — «опутаны и ограничены»[2].

---

[1] «Симбирская земская газета», 1881, 8 февраля.

[2] «Симбирские губернские ведомости», 1881, 28 августа.

«От множественности начальства наши деревни превратятся в военные поселения»,— указывал Н. Крылов, отец будущего советского академика-кораблестроителя. Реальная власть на деревне, дополнял другой симбирский земец, «перешла в руки исправника, от которого зависит, как выражаются крестьяне, и помиловать, и в клоповник посадить».

Илья Николаевич знал о тягостном положении крестьян и из другого, весьма любопытного и достоверного источника. Вот что писали лица, сдавшие экстерном экзамены на звание учителя начальной школы, в сочинениях, побывавших на просмотре у директора народных училищ Симбирской губернии.

«Крестьянин работает летом,— делился своими наблюдениями будущий учитель,— ежедневно около семнадцати часов, и таких тяжелых дней в летнюю страду можно насчитать около семидесяти».

Другие экстерны, как бы дополняя товарища, описывали бедственное положение хлеборобов в засушливые годы, когда «убирать нечего» и целые села «принуждены собирать милостыню».

Встречались в сочинениях и знакомые Илье Николаевичу картины нищенского быта крестьян. Одни из них жили «в землянках вместе со своим скотом». Другие, хотя и в избах, но там «закоптело и дымно», так, что от «черноты и неопрятности многие бывают слепые». Многие крестьянские дети посещали школы «в изодранном рубище» [1].

Ни для кого из симбирян не было тайной, что нужда стала постоянным спутником большей части населения края. Это признал и симбирский губернатор, сообщая в 1884 году царю, что «вследствие плохого урожая хлебов в 1880, 1881 и 1882 годах и почти полного неурожая в 1883 году экономические силы крестьян ослабли...»

Среди губернского чиновничества процветали произвол и взяточничество. Нередко интенданты, по сведениям главы симбирской жандармерии генерал-майора фон Брадке, за два года службы в Симбирске умудрялись «накопить» по 40 тысяч рублей. «Правильно ли ведется торговля,— доносил он в Петербург,— за этим слу-

---

[1] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1405, лл. 11, 12.

жащие не наблюдают и не любят, когда «затрагивается этот предмет». «Губернатор присваивает себе власть суда... Его действия производят ропот не только в среде служащих, но и частных лиц»[1].

Приводя эти и другие факты, генерал вовсе не сомневался в необходимости сохранения существующего строя и требовал лишь замены скомпрометировавших себя представителей администрации и духовенства другими, «честными» лицами.

Большая часть крестьянства ненавидела власть имущих, но верила, что творимые ими произвол и насилие прекратятся, как только об этом станет известно «царю-батюшке». Этими иллюзиями объясняется то, что в 80-х годах сельские общества Симбирской губернии посылали ходоков в Петербург с прошениями и жалобами на «высочайшее имя». Однако эти попытки имели один исход: ходоков высылали по этапу из столицы, а бумаги оставлялись «без последствий».

Борьба симбирских крестьян против своих угнетателей в эти годы не имела того размаха и ожесточения, как в эпоху падения крепостного права. Но она никогда не прекращалась и не ограничивалась только пассивными формами. В архивах сохранились тысячи дел о поджогах помещичьих имений, самовольных порубках и потравах, отказах от уплаты податей, налогов и других повинностей.

Так, мировой судья Сызранского уезда неоднократно доносил симбирскому губернатору, что крестьяне открыто рубят помещичьи леса и вооруженные стражники не могут справиться с ними. «В имении графа Орлова-Давыдова,— доносил он рапортом,— имеют место систематические поджоги помещичьего имущества».

«Вчера крестьяне сельца Гурьевки,— телеграфировал корсунский исправник симбирскому губернатору,— при продаже описанного имущества на покрытие казенных и других взысканий оказали волостному начальству, становому приставу, а равно и мне полное сопротивление», силой отбили у полиции конфискованный скот и зачинщиков «беспорядков»[2].

Даже в слободах Симбирска в 80-х годах имели слу-

---

[1] ЦГАОР, ф. 109, оп. 160, д. 96, лл. 22, 24.

[2] ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 692, л. 1.

чаи неповиновения мещан требованиям полиции и нападения на охрану городских лесов и угодий [1].

Выступления трудящихся против остатков крепостничества и притеснений чиновников были стихийными, разрозненными, и правительству, хотя и с трудом, удавалось восстанавливать «порядок».

Тем не менее борьба народных масс Симбирской губернии способствовала падению престижа властей, оказывала революционизирующее влияние на передовую разночинную интеллигенцию и учащуюся молодежь.

Особенно глубокий след эта борьба оставила в сознании Владимира Ульянова. Он ведь с ранней юности внимательно прислушивался к рассказам отца о бедственном положении рабочих и крестьян, пристально вглядывался в окружающую действительность, много читал и размышлял. Именно в те годы, как подчеркивается в научной биографии В. И. Ленина, его сердце «наполнилось жгучей ненавистью к угнетателям народа» [2].

ПОД ПОКРОВОМ «БЛАГОПОЛУЧИЯ»

За пореформенные десятилетия в Симбирске произошли немалые перемены. Если в 40-х годах, по словам автора «Обломова», сама наружность родного для него города «не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя», и за версту было слышно, как едет телега по безмолвной улице, то в 80-х годах Симбирск был далеко не тем.

За время жизни здесь Ульяновых население губернского центра — отнюдь не «заштатного города», как это думают некоторые литераторы [3], — выросло в полтора раза и достигло в 1887 году почти сорока тысяч душ обоего пола. Особенно увеличилась численность трудящихся, причем, по данным городской думы, за счет «бегства пролетариата из деревни в город» [4].

---

[1] Журналы Симбирской городской думы за 1882 год. Симбирск, 1883, стр. 66.

[2] В. И. Ленин. Биография. Изд. 5. М., 1972, стр. 8.

[3] См.: В. Канивец. Ульяновы. М., 1970, стр. 294.

[4] Журналы Симбирской городской думы за 1884 г. Симбирск, 1884, стр. 340.

Количество промышленных «заведений» возросло с 28 до 56, а сумма их годового производства в 4,5 раза, с 0,2 до 0,9 миллиона рублей, численность рабочих и ремесленников составляла около четырех тысяч [1].

Заметно оживилась торговля. В 1887 году торговые свидетельства получили 1030 купцов и содержателей мелочных лавок, 869 приказчиков. На улицы города ежедневно с различной кладью выезжало до тысячи ломовых извозчиков.

В период навигации сотни грузчиков разгружали и заполняли трюмы судов и барж на волжских пристанях. Здесь же плотничьи артели занимались распиловкой леса. Нередко можно было встретить там и переселенцев-крестьян, направлявшихся осваивать земли на восток страны, и арестантов, следующих по этапу.

О развитии капитализма в Симбирске свидетельствовал рост числа банков, страховых агентств, сберегательных касс, а также такие родимые пятна буржуазного общества, как безработица, голод, воровство, аферы финансовых дельцов, ночлежные дома, дома терпимости и т. п.

Значительно выросла интеллигентская прослойка города. Развивалась средняя школа. В начале 70-х годов имелась только мужская гимназия, теперь была и женская, появился кадетский корпус. Одноклассная чувашская школа И. Я. Яковлева превратилась с 1877 года в Центральную школу подготовки учителей. Возникшее в 1871 году ремесленное училище готовило квалифицированных рабочих и ремесленников, действовало фельдшерское училище.

Благодаря энергии и настойчивости Ильи Николаевича произошло резкое улучшение народного образования. В первый год его работы в Симбирске было одно приходское училище, в нем обучалось 50—60 мальчиков; к 1887 году училищ стало 16, контингент учащихся обоего пола достиг 1358 человек [2].

В лучшую сторону изменилась центральная часть города. Наиболее оживленные улицы покрылись камнем. Здесь появились новые кирпичные здания, деревянные

---

[1] Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889, стр. 150, 158.

[2] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 140, л. 90.

тротуары, водопроводные будки, было усилено освещение.

С постройкой в 1879 году каменного театра, «самого большого и удобного из всех провинциальных», по отзыву современников, в городе чаще стали гастролировать столичные труппы. Карамзинская общественная библиотека превратилась в одно из лучших книгохранилищ Поволжья. Помимо дворянского появился клуб купцов и чиновников. Регулярно издававшиеся типографским способом «Листки» оперативно — на основании телеграфных сообщений — информировали симбирян о важнейших событиях политической и экономической жизни страны.

Благоустройство и прогресс, конечно, не коснулись тех кварталов, где в избушках, а то и в землянках ютилась беднота. Из-за антисанитарных условий и полуголодного образа жизни здесь часто вспыхивали эпидемии, уносившие сотни человеческих, особенно детских, жизней.

Однако, несмотря на изменения, происшедшие в 70—80-х годах, Симбирск по сравнению с соседними Казанью, Самарой и Саратовом был более провинциальным городом, особенно в области общественной жизни.

Аполлон Коринфский, один из товарищей Владимира по гимназии, сетовал в марте 1887 года, что в Симбирске нет никаких кружков, ни литературных, ни драматических, ни музыкальных, а научных тем более. В клубы симбиряне съезжались, чтобы «сразиться в картишки» да почтить бога вина «старика Бахуса».

«Если бы у нас в Симбирске,— писал Коринфский,— стала выходить своя газета, то я уверен, что апатичность, вялость и индифферентизм обывателей нашего города мало-помалу начали бы исчезать. Но в том-то и дело, что... газеты-то у нас нет, да вряд ли будет. Существуют у нас, именно существуют, только свои «Губернские ведомости», но их нельзя считать за газету. Ведь неофициальный отдел наших ведомостей ограничивается сообщением об «утонувших», «градобитиях», «умертвленных» и тому подобных экстраординарных случаях»[1].

Но начинающий поэт и публицист сознательно сгустил краски. Кто-кто, а он знал и другой, не обыватель-

[1] «Самарская газета», 1887, 16 марта.

ский Симбирск. Когда летом этого же года сюда приехал лечиться «воздухом родины» известный поэт-сатирик Д. Д. Минаев, именно Аполлон Коринфский рассказал ему, что в городе есть «хотя небольшая, но довольно тесно сплоченная кучка интеллигенции», горячо обсуждающая злободневные проблемы, искренне желающая помочь многострадальному народу. Более того, Коринфскому, входившему в состав этой, а ранее и другой «тесной кучки», ведомо было, что их существование — давняя традиция.

Освободительная борьба конца 70-х — начала 80-х годов отразилась на революционном подполье Симбирска. Сюда чаще теперь прибывали на жительство политические ссыльные. Большее распространение получает запрещенная литература, устойчивее становятся связи симбирян с подпольем университетских городов и соседних губернских центров.

Все это не могло не отразиться на мировоззрении учащейся молодежи и стремлении наиболее радикальных из нее сгруппироваться в нелегальные кружки.

«Кружки эти,— вспоминал И. Н. Чеботарев, проживавший потом в Петербурге в одной квартире с А. И. Ульяновым,— были созданы в Симбирске среди учащихся и взрослых в 1877 и 1878 годах, главным образом, преподавателем русской словесности Муратовым, энергичным, смелым чернопеределъцем... Года через полтора он был удален из гимназии и из Симбирска, но социалистические кружки оставались, и многие гимназисты принимали в них участие» [1].

Благотворное влияние на своих воспитанников оказывал гимназический преподаватель истории и географии С. Н. Теселкин. Заведуя по совместительству в 1874—1884 годах ученической библиотекой, он приносил некоторым учащимся сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского. Свободолюбивые идеи прививал учащимся и преподаватель истории А. В. Кролюницкий, находившийся под негласным надзором полиции из-за близости с людьми, «известными правительству своей политической неблагонадежностью» [2].

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 230.
[2] ЦГАОР, ф. 109, 3 д-во, оп. 80, д. 283, л. 1.

Муратов, Теселкин и Кролюницкий приобщали молодежь к демократической литературе. Вовлечению же ее в нелегальную деятельность способствовала семья Черненковых, из которых пятеро молодых людей привлекались к ответственности за политические дела.

У Черненковых часто собиралась свободолюбивая молодежь. Из знакомых Ульяновых здесь бывали: Дмитрий Белокрысенко — сын друга Ильи Николаевича, Александр Жарков — в доме его матери семья руководителя народного образования губернии проживала с 1872 по 1875 год, Валентин Аверьянов и Владимир Волков — товарищи Александра Ильича по учебе. Из взрослых участников сходок наибольшую активность проявляли братья-кузнецы Порфирий и Кузьма Фадеевы, работавшие в школе И. Я. Яковлева. От чтения запрещенной литературы и рассуждений о необходимости «ниспровержения настоящего правительства путем насилия» некоторые кружковцы перешли к пропаганде.

Так, в апреле 1881 года жандармам стало известно, что А. П. Жарков (он же Никитин) ведет переписку политического характера с крестьянином Я. А. Лапшиным и пытается проводить антиправительственные идеи среди мастеровых [1]. Обыск и арест подтвердили политическую неблагонадежность Жаркова, который был подвергнут гласному надзору на два года, то есть оказался на положении политического ссыльного.

С этого времени он сближается с другими поднадзорными, искавшими в новом для себя городе единомышленников и сочувствующих. Эти контакты весьма беспокоили жандармов.

Докладывая в 1882 году в Петербург о прибытии в Симбирск М. Рабиновича, генерал фон Брадке сообщил, что тот поселился в квартире А. Молокова, принадлежащего «к партии рабочего кружка». Здесь собирается днями и вечерами много молодежи. Что там делалось, выяснить не удалось, и генерал попросил прислать из столицы опытного сыщика, ибо «местных в городе знают, хотя бы и переодетых» [2].

В 1883—1884 годах, по сведениям жандармерии,

---

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 54, л. 125.

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 78, д. 590, л. 3.

исключенный из Московского университета П. Горбунов и прибывшие из сибирской ссылки народоволки М. А. Гисси и Л. И. Сердюкова также собирали «вокруг себя кружки молодежи».

В конце 1883 года в Симбирске образовался гимназический нелегальный кружок, во главе которого стал Валентин Аверьянов. Бывший одноклассник Александра Ульянова оставил учебу и целиком отдался подпольной работе.

Нелегальную литературу он получал главным образом от учившихся в Казани студентов А. П. Жаркова (Никитина) и И. А. Лиманова, а также от Н. Н. Черненкова и В. А. Кандалова из Москвы. Немало привозил ее из Самары гимназист Александр Лейман.

Аверьянов и Лейман распространяли брошюры и листовки между гимназистами, кузнец К. Фадеев — среди воспитанников и мастеровых школы И. Я. Яковлева. Однажды, в октябре 1883 года, жандармы обнаружили у подмастерья А. Григорьева три прокламации «Исполнительного комитета по поводу событий 1-го марта 1881 г.». В квартире К. Фадеева в связи с этим был произведен обыск. Здесь были обнаружены биографии С. Перовской и другая народовольческая литература.

Кузьма Фадеев не выдал людей, снабжавших его брошюрами и листовками. Он, как и его брат Порфирий, упорно говорил на допросах, что купил их у неизвестного человека. Кружок Аверьянова на этот раз избежал разгрома.

Важное значение этот кружок придавал созданию подпольных библиотек. Одна из них была скомплектована из произведений легально изданной демократической литературы, но изъятой из общественных книгохранилищ. Другая целиком состояла из революционных брошюр и листовок и предназначалась только для надежных людей.

Первая библиотека размещалась по частям на квартирах гимназистов, участвовавших в ее образовании. А их было немало. «Начиная с 4-го класса, почти все гимназисты,— писал жандармский генерал Ф. М. Керенскому, — за весьма малым исключением, давали на эту библиотеку деньги и книги. Библиотека эта начала составляться в сентябре 1884 года, хотя о заведении ее

между гимназистами разговор шел в декабре месяце 1883 года» [1].

Ввиду того что частые обходы квартир учащихся директором и другими преподавателями поставили под угрозу существование библиотеки, ее, в количестве более 300 книг, сосредоточили у гимназиста А. М. Жаркова. Тот, трус по натуре, скатившийся позже до предательства, попросил Аверьянова перевезти книги к другому человеку. Выбор пал на кузнеца П. А. Фадеева.

Жандармы узнали о существовании вышеуказанных библиотек при следующих обстоятельствах. 11 августа 1885 года из Казани приехал учитель оренбургских приходских училищ А. А. Малиновский, входивший ранее в кружок Аверьянова.

Внезапный обыск, произведенный по анонимному доносу 15 августа у Малиновского, позволил обнаружить у него «около десяти гектографированных брошюр революционного содержания и несколько прокламаций, относящихся до событий прошедшего царствования, а также бланки Красного креста «Народной воли» за 1885 год для сбора пожертвований» [2].

Слухи об этом происшествии, несмотря на все предосторожности жандармов, быстро разнеслись по всему Симбирску. Кузнец П. Фадеев с помощью подмастерья С. Полякова перевез гимназическую библиотеку к другу и единомышленнику Василию Маненкову. Затем, уже один, принес связку гектографированных изданий.

Квартирантка Маненковых, случайно заметившая перевозку библиотеки, донесла об этом жандармам. Те нагрянули и изъяли 322 книги, гектографированные тетради и брошюры. Обыск у кузнеца П. Фадеева ничего не дал. На допросах он упорно отстаивал свою версию, что «книги купил на базаре у неизвестного человека, между которыми могли быть и запрещенные издания». Умело, стойко держался на допросах и В. Аверьянов.

Однако Малиновский, бывший воспитанник Симбирской духовной семинарии, смалодушничал и рассказал следователю почти все, что знал о симбирском подполье и его связях с революционерами Казани, Москвы,

---

[1] Владимир Ульянов в 1883/84 учебном году учился в пятом классе.

[2] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 52, л. 70.

Самары, Петербурга, Саратова. Откровенные показания дал и А. М. Жарков.

Выяснилось, что значительная доля гектографированных изданий, принадлежавших кружку Аверьянова, поступила от казанских студентов В. Бурлакова, Д. Гончарова, В. Волкова — бывших одноклассников Александра Ульянова. Симбиряне совместно с И. Н. Смирновым и В. А. Муратовым организовали в Казани типографию и снабжали земляков-гимназистов народовольческой литературой. Волков помог Аверьянову наладить перепечатку популярной революционной литературы и в Симбирске.

Небезынтересно, что в библиотеке симбирских гимназистов наряду с народовольческими изданиями имелись произведения К. Маркса, в частности «Манифест Коммунистической партии», сочинения Лассаля, издания плехановской «Группы освобождения труда». Так, у А. Леймана изъяли брошюру П. Б. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия», а А. М. Жарков имел рукописную работу, озаглавленную: Энгельс. «Социализм исторический и научный».

В списке вещественных доказательств, отобранных у В. Аверьянова, значились «Основания политической экономии Милля с примечаниями Чернышевского», «Положение рабочего класса в России» Н. Флеровского, «Современный социализм» Э. Лавеле в переводе М. А. Антоновича и другая социально-экономическая литература [1].

Более года шло расследование по делу гимназической библиотеки. Генерал фон Брадке за это время обращался к А. Ф. Белокрысенко, прося представить характеристику на подчиненного ему по службе вольнонаемного писца В. И. Маненкова. Зная, что раньше Маненков пять лет работал сельским учителем, генерал письменно запросил И. Н. Ульянова: «Какого он направления и образа мыслей?» Илья Николаевич ответил, что Маненков имел столкновение с местным священником и уволен по требованию Симбирской духовной консистории. В образе же мыслей Маненкова директор народных училищ не замечал «ничего предосудительного в нравственном и политическом отношении» [2].

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10278, л. 6.

[2] ГАУО, ф. 865, оп. 1, д. 52, л. 5.

Согласно «высочайшему повелению» дело о В. И. Маненкове и П. А. Фадееве было решено в административном порядке. Каждого из них подвергли краткосрочному заключению в арестантской камере симбирской полиции.

А. П. Жарков (Никитин) после выхода из тюрьмы получил два года ссылки. Его однофамилец — предатель А. М. Жарков погиб в Симбирске при загадочных обстоятельствах. В. А. Аверьянов был сослан в Сызранский уезд. Подверглись различным карам студенты-симбиряне, снабжавшие земляков литературой.

Репрессии не запугали оставшихся на свободе кружковцев. Летом 1886 года Александр Лейман и Василий Кандалов, будучи уже студентами, привезли из Москвы в Симбирск такие «крамольные» книги, как «Рабочее движение и социальная демократия» П. Б. Аксельрода, «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова). Жандармы конфисковали запрещенные издания, но окончательно пресечь подобные попытки им не удалось.

И все-таки симбирские власти, в том числе директор мужской гимназии, не придали должного значения выявленным случаям антиправительственной деятельности. Они продолжали заверять в своих отчетах высшее начальство, что в подведомственных им «учреждениях все пока, слава богу, обстоит благополучно».

Между тем под покровом мнимого благополучия у значительной части передовой молодежи зрела ненависть к самодержавию. Проанализировав жандармский учет политически неблагонадежных воспитанников гимназий за 1881—1887 годы, правительство пришло к выводу, что «центром брожения учащейся молодежи в Казанском округе является Саратов и до некоторой степени Симбирск, причем вредное влияние на местные учебные заведения оказывает не столько Казанский университет, сколько воспитанники высших учебных заведений Киева, Москвы и С.-Петербурга» [1].

Этот официальный вывод еще раз подтверждает, что Симбирск 80-х годов был уже далеко не «сонным» городом. В связи с этим уместно подробнее остановиться на одном важном, но недостаточно изученном эпизоде в истории кружка В. А. Аверьянова — на его издательской деятельности.

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 83, д. 427, л. 85.

В описи вещественных доказательств, составленной симбирскими жандармами, значится гектографированная брошюра под названием «Сочинение Аверьянова». Когда мне довелось ознакомиться с этой объемистой, на 143 страницах, тетрадью, обратило на себя внимание другое название на титульном листе: «Синтез экономической политики. Прибавления к лекциям профессора Иванюкова. Петрово-Разумовское. 1880»[1].

Труды И. И. Иванюкова были широко распространены в России. В своей докторской диссертации «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» либеральный профессор утверждал, что «целая бездна разделяет научный социализм от социализма революционного».

Какие же «Прибавления» к лекциям Иванюкова, разделявшего идеи реформистского крыла западноевропейской социал-демократии, смог сделать Аверьянов?

«Было бы слишком розовою мечтою представлять себе возможности перехода капитала из рук частных собственников-рантьеров в руки общества трудящихся путем мирных уступок и соглашений. Надеяться на это социалистам нечего». Далее автор выразил уверенность, что революционный взрыв не только возможен в ближайшем будущем, но и неизбежен. Поэтому социалисты должны готовиться к предстоящим боям: вести пропаганду и агитацию среди трудящихся, укреплять свою «боевую организацию», искать себе «естественных союзников». Русские революционеры, призывает он, должны проявить «в пропаганде в среде народа и в организациях народных сил столько же энергии и столько же искусства, сколько они высказали и высказывают в настоящее время в борьбе с русским императорством и в организации своих сил для этой борьбы».

Мысли, содержавшиеся в «Прибавлениях», оказались настолько зрелыми для начала 80-х годов, когда еще складывалась «Группа освобождения труда», что, естественно, не верилось в принадлежность их симбирскому юноше. Попытка установить авторство с помощью доктора исторических наук Ю. З. Полевого — ученого, перу которого принадлежит фундаментальная монография «Зарождение марксизма в России», и библиографов

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 51, оп. 8, д. 48, лл. 1—143.

Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС не увенчалась успехом: изъятая у В. А. Аверьянова брошюра не учтена в коллекциях нелегальной печати.

Немало прошло времени, пока выяснилось, кто в действительности был автором труда. Помогли воспоминания Анны Ильиничны и товарищей Александра Ильича по Петербургу. Перечисляя литературу, которой пользовались при изучении политической экономии, они упоминали и работу Альберта Шеффле «Квинтэссенция социализма» и примечания к ней П. Л. Лаврова — идеолога революционного народничества. Сверка показала, что приписываемое симбирскими жандармами Аверьянову «Сочинение» является сокращенным вариантом книги Шеффле и «Прибавлений» Лаврова.

Кузнец-революционер П. А. Фадеев, принимавший в 1928 году, как и В. А. Аверьянов, участие в работе комиссии по реставрации Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, утверждает в своих воспоминаниях, что эту брошюру кружок Аверьянова размножал на двух гектографах. В архиве сохранились два экземпляра «Сочинения Аверьянова», причем они разного формата и написаны разным почерком. Но он не помнит, кто привез в Симбирск оригинал.

О том, что эта нелегальная брошюра бывала в руках ее родных, засвидетельствовала в 1929 году Анна Ильинична. Просматривая список книг, которые читались ими в Симбирске, она оставила в нем «Квинтэссенцию социализма» Шеффле с примечаниями Лаврова, причем гектографированное издание.

Этот факт не является доказательством того, что Александр и Владимир Ульяновы являлись членами кружка В. А. Аверьянова или читателями его библиотеки. Однако исследователи не отвергают такой возможности [1]. А профессор Б. М. Волин считал, и не без оснований, что Владимир «был причастен к подобным гимназическим кружкам. Его семья об этом не знала. Уже с юношеских лет Ленин был хорошим конспиратором» [2].

С таким же основанием можно отнести эти слова и к Александру Ульянову.

---

[1] Р. И. Нафигов. Первый шаг в революцию. В. И. Ленин и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970, стр 61.

[2] Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., 1956, стр. 43.

Александр Ильич, очень остро воспринимавший, по словам старшей сестры, «социальные несправедливости и притеснения», рано принял сторону угнетенных и был настроен антиправительственно.

Позднее, на суде, он смело заявит, что еще «в ранней молодости» у него возникло «чувство недовольства общим строем», которое и привело к борьбе с самодержавием.

Илья Николаевич, у которого со старшим сыном были доверительные отношения, знал об этом, но, видя, как он серьезно относится к учебе и с каким увлечением овладевает в своей маленькой лаборатории химией и естествознанием, надеялся, что наука станет для него главным делом жизни. К такому же выводу пришел летом 1886 года и Владимир, наблюдая, как старший брат вставал на заре, чтобы использовать максимум света для работы с микроскопом. Ему казалось, что «революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей» [1].

Александр Ильич, действительно, имел все данные для блестящей научной карьеры. После победы на университетском конкурсе его избирали секретарем научно-литературного студенческого общества. Никто из окружающих не сомневался, что по окончании учебы он будет оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию. Родные говорили, что сбывается мечта отца...

Но жизнь талантливого юноши сложилась иначе. Студенческие годы Александра совпали с новым разгулом реакции, наступившей после разгрома «Народной воли». Тысячи недовольных царизмом были заточены в тюрьмы или сосланы в глушь под надзор полиции. Правительство закрывало либеральные органы печати, изымало из библиотек книжки «Современника», произведения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, И. С. Тургенева и других литераторов «обличительного направления». Гонениям подвергались народная школа, земские учреждения, усиливался национальный гнет. Тяжелые времена наступили и для университетов: была

[1] Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 32.

урезана их автономия, увольнялись прогрессивные профессора, устанавливалась слежка за студентами, сурово преследовались земляческие кружки и организации.

В эту мрачную пору на страницах ряда изданий возобладали нотки безысходного пессимизма. На извечно волнующий вопрос: «Что делать?» чаще всего раздавались доводы в пользу «малых дел», слышались призывы не противиться злу насилием.

Однако, несмотря на репрессии, лучшая часть студенческой молодежи продолжала борьбу за демократию. Вскоре после приезда в Петербург Александр и Анна Ульяновы вошли в симбирское студенческое землячество, а впоследствии Александр встал во главе этой запрещенной организации. Он составил устав, упорядочил кассу, наладил в кружках изучение социально-экономической литературы. Вместе с другими руководителями студенчества ему удалось в начале 1886 года создать Союз землячеств, объединивший почти полторы тысячи учащейся молодежи столицы.

Не придерживаясь еще определенных политических взглядов, Александр и Анна использовали каждую возможность для выражения своих симпатий к легальной и нелегальной оппозиции. Когда В. И. Семевскому запретили преподавать в университете и на Бестужевских курсах, Ульяновы в числе немногих дослушивали лекции по крестьянскому вопросу на дому у профессора. Устраивали они земляческие вечера для сбора средств «в пользу Красного креста политических или с целью активно революционною»[1].

В составе студенческих делегаций брат и сестра в 1885 и 1886 годах посетили опального великого сатирика-демократа М. Е. Салтыкова-Щедрина. И как радовался Александр, да и родные в Симбирске, что приветственный адрес, написанный Анной от имени курсисток-бестужевок, показался Михаилу Евграфовичу «самым прочувственным, понравился ему больше всех».

Восьмого ноября 1886 года — в день именин Щедрина — Ульяновы последний раз навестили его, а 17 ноября они участвовали в организации и проведении демонстрации, посвященной 25-летней годовщине со дня

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 109.

кончины Н. А. Добролюбова. Мы хотели, — пояснил впоследствии Александр, — отдать почести тем людям, которых считали «своими учителями, которые завещали нам бороться с неправдой и со злом русской жизни» [1].

Правительство с помощью городовых и казаков жестоко расправилось с манифестантами. Возмущались тысячи студентов, сотни интеллигентов, но протестовать решились немногие. На следующий день Александр Ильич пишет с товарищами и размножает на гектографе прокламацию «17 ноября в Петербурге». В ней он гневно клеймит применение насилия над мирным шествием и призывает передовую общественность «грубой силе правительства противопоставить тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием духовной солидарности» [2].

В это время в среде ближайшего окружения Александра Ульянова возникла мысль о необходимости создать террористическую фракцию «Народной воли».

Немаловажную роль в росте недовольства будущих ее членов сыграла неслыханно тяжелая судьба Н. Г. Чернышевского, в честь которого во время добролюбовской демонстрации неоднократно провозглашались здравицы. Ведь как ни чтила высокореволюционная молодежь Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, И. С. Тургенева, но их не было уже в живых. Как ни возмущали нападки на М. Е. Салтыкова-Щедрина, но он находился на свободе. Н. Г. Чернышевский, которого передовая Россия считала своим учителем, почти четверть века продолжал томиться в заточении и ссылке.

Александр Ильич и его товарищи переживали трагедию великого революционного демократа острее, чем другие. Прежде всего потому, что были революционерами. Но на чувства действовало и общение с сыном Н. Г. Чернышевского — Михаилом, который около года был их однокурсником.

Прокламация «17 ноября в Петербурге» распространялась не только в столице. Получили ее, например, по почте в Казани, Симбирске и других городах.

---

[1] Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева. А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.—Л., 1927, стр. 379 (в дальнейшем — Первое марта 1887 г.).

[2] Первое марта 1887 г., стр. 381.

Александр Ульянов к этому времени был уже знаком с трудами К. Маркса и Г. В. Плеханова, разделял их взгляды. Он, в частности, признавал объективность законов общественного развития, понимал важную роль пролетариата в революционной борьбе. И все же на нем сказалась эпоха перепутья, когда народническая идеология еще не была поколеблена, а социал-демократия только зарождалась.

Как и многие другие революционеры 80-х годов, он считал, что достижение «конечных экономических идеалов» возможно «при достаточной зрелости общества, после продолжительной пропаганды и культурной работы», но для их успеха необходимо иметь «минимум политической свободы». И только террор может в условиях российской действительности вынудить «правительство к некоторым уступкам в пользу наиболее ясно выраженных требований общества» [1].

В конце 1886 года, когда идея цареубийства, по выражению современника, носилась в воздухе, начало складываться ядро студенческой террористической организации. Инициаторами заговора стали близкие знакомые Александра студенты Петр Шевырев и Орест Говорухин. По их предложению он принялся за изготовление метательных снарядов.

После отъезда Шевырева в Ялту для лечения туберкулеза, а Говорухина в Женеву на Александра легла вся тяжесть завершения подготовки покушения на царя, изыскание квартир и денег, приготовление динамита и снаряжение снарядов, инструктаж метальщиков, поддержание связи с революционными кружками Москвы, Харькова и Казани, разработка программы своей организации. Вместе с тем он продолжал вести пропаганду среди рабочих, искал связей с солдатами Петропавловской крепости, готовил к изданию свой перевод «Критики философии» К. Маркса.

К середине последней декады февраля 1887 года боевая группа была готова к действию, и с этого времени ее возглавил Василий Осипанов — старший по возрасту, очень хладнокровный по характеру и вместе с тем самый самоотверженный из студентов-метальщиков.

Друзья знали, что полиция уже несколько месяцев

---

[1] Первое марта 1887 г., стр. 378.

ведет наблюдение за Александром Ильичем, и предложили ему скрыться из города. Но он остался и предпринял все меры по обеспечению безопасности своих знакомых и близких. В частности, несмотря на недоумение и обиду, стал избегать встреч даже с Анной Ильиничной.

Все помыслы Александра Ульянова в последние дни февраля были сосредоточены на печатании новой Программы, призванной способствовать объединению «Народной воли» и социал-демократов. Вместе со своими верными единомышленниками фельдшером Алексеем Воеводиным и студентом Лесного института Леонидом Державиным он 1 марта сделал первые типографские оттиски Программы.

Утром этого же воскресного дня трое метальщиков с бомбами и столько же сигнальщиков направились в центр города. Юные революционеры знали, что царь ежегодно 1 марта выезжает в Петропавловскую крепость на заупокойную службу о своем отце, и поэтому надеялись встретиться с ним.

Заговор настолько тщательно готовился, что участники дела не сомневались в его успехе. Однако из-за неосторожности П. Андреюшкина, намекнувшего в письме к знакомому о предстоящем акте, охранка уже несколько дней следила за ним и его товарищами. Заметив, что под пальто у молодых людей имеются какие-то тяжелые предметы, охранники перед самым выездом царя из Аничкова дворца схватили всех членов боевой группы.

Ничего не зная о провале, но обеспокоенный отсутствием сведений о ходе операции, Александр Ильич прервал печатание Программы и отправился на квартиру одного из сигнальщиков, где попал в полицейскую засаду. Анна Ильинична в последнее время догадывалась, что брат участвует в каком-то опасном предприятии, пошла вечером навестить его, и тоже оказалась в руках полиции.

Первые два дня власти не подозревали, что Александр Ульянов имеет непосредственное отношение к покушению, и поэтому держали его в арестантской комнате охранного отделения при управлении градоначальника вместе с другими случайно задержанными студентами. 3 марта, когда следователи и жандармы сломили запирательство двух сигнальщиков и получили от них откровенные показания, начала вырисовываться роль руко-

водителей дела 1 марта. Александра Ильича перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и поместили в одиночную камеру.

В это время родственники Ульяновых (Песковские) узнали о случившемся и отправили письмо в Симбирск знакомой учительнице, прося осторожно сообщить о несчастии Марии Александровне. Но еще до получения этого письма Владимиру Ульянову стало известно об аресте студентов в столице из краткого правительственного сообщения, опубликованного в местной печати.

ПЕРЕПОЛОХ В СИМБИРСКЕ

Весть о неудачной попытке покушения на царя поступила в Симбирск по телеграфу, и о ней вскоре узнало все население города. Из дошедшего до нас совершенно секретного донесения начальника Симбирского губернского жандармского управления генерал-майора фон Брадке видно, что это новое революционное выступление вызвало широкий интерес и оживленные обсуждения.

«Когда 5-го марта в г. Симбирске, — докладывал Брадке в столицу, — была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу, и все бросились покупать телеграмму. Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: «Таких людей следовало бы вешать». Окружающие ответили ему: «Их много, всех не перевешаешь». Читавший телеграмму сказал: «Ну что из этого, как поймают, так их и вешать».

Тогда, — продолжал жандармский генерал, — слышавший этот разговор контролер этого отделения банка Егор Егорович Коведяев, обратясь к личности, читавшей телеграмму и высказавшей свое мнение, сказал: «Прошу вас поосторожнее высказывать ваше мнение о повешении», — тот смутился и отвечал: «Я ведь ничего такого не говорил». Но Коведяев снова повторил: «Советую вам быть осторожным в ваших словах» [1].

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 83, д. 230, л. 1; См. также: Ж. Трофимов. Последняя симбирская весна. — «Неделя», 1966, № 7, стр. 8—9.

Предупреждение Коведяева ошеломляюще подействовало на «благонамеренных» обывателей, и они тут же умолкли. Но кто-то из них поспешил лично сообщить о случившемся начальнику губернского жандармского управления.

Получив донесение из Симбирска, директор департамента полиции П. Дурново потребовал у своих сотрудников агентурную справку о Е. Е. Коведяеве. В ней указывалось, что родной брат Е. Е. Коведяева — Дмитрий судился по известному нечаевскому процессу и после отбытия тюремного заключения был выслан в Симбирск, где в течение пяти лет находился под гласным надзором полиции.

Политически неблагонадежной была и сестра братьев Коведяевых — Любовь (жена известного впоследствии идеолога либерального народничества В. В. Воронцова). Она, как и Дмитрий Коведяев, судилась в 1871 году по делу Нечаева, а затем жила в Симбирске.

Е. Е. Коведяев также неоднократно привлекался по делам политического характера. В 1879 году, будучи в отпуске в Петербурге, он был арестован в квартире, в которой незадолго перед этим задержали известного революционера Германа Лопатина [1]. «С самого начала его (Коведяева. — *Ж. Т.*) пребывания в Симбирске, — писал Брадке, — я не переставал следить за ним и в настоящее время положительно убедился, что он вполне неблагонадежный в политическом отношении» [2].

Из переписки Брадке с Дурново видно, что Е. Е. Коведяев состоял в близких отношениях с доктором А. А. Кадьяном и многими другими лицами, «привлекавшимися к дознаниям политического характера».

Жандармский генерал был опытным специалистом своего дела, так как уже три десятилетия возглавлял службу «чинов корпуса жандармов Симбирской губернии». По существовавшим в те времена правилам он обязан был проинформировать начальника губернии о действиях Е. Е. Коведяева 5 марта, но этого не сделал, надеясь узнать нечто большее.

---

[1] Г. А. Лопатин — первый переводчик «Капитала» на русский язык, близкий знакомый К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1884 году в записной книжке вновь арестованного Г. Лопатина была обнаружена фамилия Е. Коведяева.

[2] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 83, д. 405, л. 2.

«... Если я сообщу губернатору, — писал Брадке в департамент полиции, — о поступке Коведяева, то, понятно, он даст предписание полицмейстеру, а сей последний частному приставу по заведенному порядку, чтобы следить за ним; из этого выйдет, что Коведяев может узнать, что за ним наблюдают» [1].

Неизвестно, какие последствия могли быть за открытое сочувствие революционному выступлению студентов 1 марта 1887 года, если бы власти не были заняты в эти дни более важными делами — поисками непосредственных соучастников покушения на Александра III.

А задания такого рода поступали из Петербурга. У арестованного в городе Вильно по делу 1 марта 1887 года аптекаря Т. И. Пашковского был обнаружен адрес помощника симбирского аптекаря А. М. Соловьева. Департамент полиции по телеграфу приказал симбирской жандармерии произвести у него обыск.

Брадке давно знал о дружбе Соловьева с политическими поднадзорными. Знал он и о его переписке с В. А. Аверьяновым — руководителем нелегального кружка симбирских гимназистов в 1883—1885 годах. Вечером 18 марта 1887 года жандармы в сопровождении понятых нагрянули в аптеку Новицкого, где служил Соловьев, но их постигла неудача: помощник, по словам аптекаря, «ровно месяц назад оставил службу и уехал в г. Мариуполь».

Понимая важность дела, Брадке немедленно уведомил своих коллег в Мариуполе и других городах, а сам усилил службу наблюдения во вверенном ему крае. Одновременно он просил начальника Виленского губернского жандармского управления сообщать ему все «указания на лиц, проживающих в Симбирской губернии», какие только будут найдены в бумагах Т. И. Пашковского.

Пашковский интересовал жандармов потому, что он в конце января 1887 года отправил из Вильно (известив об этом условной телеграммой Анну Ильиничну для передачи Александру Ульянову) азотную кислоту и стрихнин, необходимые для изготовления бомб.

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 33, д. 405, лл. 10—10 об. Судя по этому документу, симбирские жандармы были очень осторожны и не могли открыто дефилировать около дома Ульяновых, как это думают некоторые авторы современных работ.

Девятого апреля 1887 года мариупольские жандармы произвели обыск у Соловьева. Они обнаружили фотокарточки Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, тетрадки со стихами, частью запрещенными. Но самой важной находкой была записная книжка Соловьева, в которой, как и ожидалось, оказался виленский адрес Т. И. Пашковского [1]. Однако следственным органам не удалось установить причастность Соловьева «к делу о замысле на жизнь государя императора», и они были вынуждены удовлетвориться его объяснением о чисто профессиональном и заочном знакомстве с Пашковским.

Восемнадцатого апреля 1887 года А. М. Соловьев вернулся в Симбирск, где его вновь допрашивали, а затем разрешили уехать в г. Ардатов. Дальнейшая слежка показала, что Соловьев продолжал придерживаться антиправительственных взглядов. Так, встретившись летом того же года с выпускниками Порецкой учительской семинарии, он пригласил их к себе на квартиру и стал толковать, «что должно быть народное правление и что государь такой же человек как и все, и не умнее, и не ученее других» [2].

В середине марта симбирская жандармерия получила циркулярное предписание министерства внутренних дел о необходимости тщательных розысков О. М. Говорухина [3], А. Е. Лейбович [4] и других революционеров, причастных к группе А. И. Ульянова.

О масштабах этих поисков можно судить хотя бы по тому, что только для полицейских жандармское управление передало через губернатора 11 фотокарточек О. М. Говорухина для опознания его как в Симбирске, так и во всей губернии.

---

[1] ГАУО, ф. 855, д. 65, лл. 10, 52.

[2] ГАУО, ф. 855, д. 65, л. 58.

[3] О. М. Говорухин — активный участник подготовки покушения, близкий товарищ Александра Ульянова. За несколько дней до 1 марта 1887 года Говорухин с помощью А. И. Ульянова (он, в частности, дал ему деньги, полученные за заложенную свою золотую медаль) скрылся за границу, где встречался с деятелями «Группы освобождения труда».

[4] У Анны Ильиничны при аресте было отобрано письмо, в котором она по рекомендации Александра Ильича приглашала Анну Лейбович переночевать в своей квартире незадолго до 1 марта 1887 года.

Под влиянием петербургских событий Брадке тщательнее, чем обычно, анализировал деятельность своих политических поднадзорных. Небезынтересно, что в мартовских донесениях 1887 года видное место отведено характеристике таких близких знакомых Ульянова, как их лечащие врачи Александр Александрович Кадьян и Иван Сидорович Покровский.

«Сколько я мог изучить его и жену, — писал в Петербург Брадке о супругах Кадьян, — в продолжение их пребывания в Симбирске, то пришел к убеждению, что они не сочувствуют правительству... Не было ни одного лица, которое высылалось в Симбирск под надзор полиции за политические преступления, которых бы он и жена его не знали и в которых бы они не принимали участия, а таких лиц немало перебывало в Симбирске, но все это он и его жена делали тайно» [1].

Доложив, что А. А. Кадьян вместе с доктором И. С. Покровским открыл в начале 1887 года свою амбулаторию, а затем стал добиваться разрешения на открытие частной больницы, глава симбирской жандармерии решительно воспротивился этому. «Такая больница, — заявил он в рапорте, — дала бы возможность Кадьяну делать там что ему угодно. Там могут быть и сходки и совещания лиц неблагонадежных».

Генерала особенно возмущало, что И. С. Покровский, состоявший врачом на государственной службе, все же «сошелся с Кадьяном, зная его направление, и решился предложить ему в своем доме лечебницу».

Инцидент 5 марта 1887 года на центральной улице (резкий разговор Е. Е. Коведяева с чиновником), обыск в аптеке Новицкого, розыски в Симбирске людей, причастных к покушению на императора, — все эти необычные события конечно вызвали среди горожан различные толки.

Эти события привлекли внимание и Владимира Ульянова. Однако он и не предполагал, что арест террористов в столице имеет хотя бы какое-нибудь отношение к брату Александру. Беспокоило то, что задержанные являлись студентами, а власти в таких случаях обычно производили широкую «чистку» университета.

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, 1887, д. 212, л. 6.

ГОРЕ И СТОЙКОСТЬ МАТЕРИ

Январские дни, связанные с годовщиной смерти. Ильи Николаевича, Мария Александровна переживала очень тяжело. Но во второй половине февраля она, по рассказам близких знакомых, стала спокойнее и бодрее. Приближалась та долгожданная весна, когда почти одновременно Александр и Анна должны получить высшее, а Володя и Оля среднее образование.

Мария Александровна, как и жившие с нею старшие сын и дочь, слышали о большей части событий, связанных с покушением в столице. Но только 8 или 9 марта она узнала, что на ее седую голову обрушилось страшное горе. Вот как об этом рассказывала близкий друг Ульяновых учительница народной школы Вера Васильевна Кашкадамова.

«В марте 1887 года я получила письмо от родственницы Марии Александровны Песковской [1], в котором она сообщала о событии в Петербурге, об участии Александра в заговоре, об аресте его и Анны Ильиничны и просила известить об этом Марию Александровну, предварительно подготовивши ее. По получении письма я тотчас же послала в гимназию за Володей, который был тогда в последнем, восьмом, классе, чтобы посоветоваться с ним. Я сообщила ему содержание письма и дала его прочитать.

Крепко сдвинулись брови Ильича, он долго молчал. Передо мной сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом. «А ведь дело-то серьезное, — сказал он, — может плохо кончиться для Саши» [2].

Через час к Кашкадамовой пришла бледная и серьезная Мария Александровна. Ознакомившись с письмом, она проявила изумительную выдержку, твердо заявив: «Я сегодня уеду...»

Зимой 1886/87 года Ульяновы жили в той части дома, которая была ближе к Свияге. Другую половину с

---

[1] Екатерина Ивановна Песковская (урожденная Веретенникова) — племянница М. А. Ульяновой. В начале 80-х годов она работала учительницей народной школы в Симбирске и была близко знакома с В. В. Кашкадамовой.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 274.

отдельным наружным входом они сдавали недавно приехавшему из Москвы молодому юристу М. М. Багриновскому. «Мария Александровна, — вспоминала жена квартиранта, — приходила к нам узнать, к кому ей обратиться о свидании. В тот же день она уехала в Петербург, и в доме стало тихо».

Чтобы дети не оставались дома одни (няня Варвара Григорьевна Сарбатова гостила в это время у родных в Пензенской губернии), мать вызвала телеграммой из Казани свою сестру Анну Александровну Веретенникову.

Ближайшей к Симбирску железнодорожной станцией была Сызрань, куда в марте можно было доехать только на санях. Путь длиною в 133 версты пассажиры обычно преодолевали на почтовых лошадях.

О том, с какими трудностями приходилось сталкиваться путникам при получении лошадей на каждой из пяти станций, не раз писалось в местной печати, и Мария Александровна, спешившая попасть на ближайший поезд, решила нанять частного возницу. В его поисках Владимиру помогал Н. М. Охотников, который нашел земляка-чуваша, согласившегося отвезти М. А. Ульянову в Сызрань. А 14 марта она уже подала в Петербурге прошение о свидании с сыном.

Нам неизвестно содержание писем Марии Александровны из Петербурга. Но в них едва ли были какие-нибудь подробности о деле 1 марта и степени участия в нем Александра, так как следствие еще продолжалось.

Царь, тщательно следивший за ходом расследования и потерявший надежду получить новые показания от Александра Ульянова, наконец разрешил матери увидеть сына.

«Мне кажется,— писал 30 марта коронованный деспот директору департамента полиции Дурново, — желательно дать ей (М. А. Ульяновой. — *Ж. Т.*) свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность — ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений» [1].

Министр внутренних дел Д. Толстой, узнав об этой резолюции царя, дополнил ее иезуитским советом: «Нельзя ли, — писал он П. Дурново, — воспользоваться разрешен-

---

[1] См.: Б. С. Итенберг, А. Я. Черняк. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966, стр. 144.

ным государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенное показание, в особенности о том, кто кроме студентов устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удасться, если бы подействовать поискуснее на мать» [1].

Документальный рассказ о том, как изощрялся Дурново в своих попытках уговорить М. А. Ульянову «воздействовать» на сына, не сохранился, но несомненно, что он запугивал ее страшной судьбой, ожидающей Александра.

Ознакомление с его показаниями на допросах позволило Марии Александровне убедиться в том, что эти угрозы властей имеют под собой почву.

На первом допросе, 3 марта, он не дал вообще каких-либо показаний. На следующий день, когда ему предъявили письменные признания одного из участников заговора, Александр Ильич подтвердил свою принадлежность к «Народной воле». Не отрицал он и того, что приготовлял некоторые части снарядов, знал, кто и когда должен был совершить покушение, «но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды... я назвать не желаю».

«Пять листков с выписками из журнальных статей о крестьянских беспорядках взяты мною для прочтения от лица, назвать которое я отказываюсь».

«Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в протоколах допроса Александра, что царь вынужден был сделать на одном из листов пометку: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься» [2].

Такой тактики — признание всех установленных следствием фактов своей революционной деятельности и решительный отказ от пояснений действий других участников группы — он держался неизменно на всех допросах.

Не могла Мария Александровна не запомнить сути мужественного заявления сына на последнем допросе 20—21 марта:

«... Мне, одному из первых, принадлежит мысль организовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле достава-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 336.

[2] Жизнь как факел. Сост. А. И. Иванский. М., Политиздат, 1966, стр. 410.

ния денег, подыскания людей, квартир и прочего. Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое доставляли мне свои способности и сила моих знаний и убеждений»[1].

Тридцать первое марта был трудным днем для семьи Ульяновых: это был день рождения Саши, день совершеннолетия по законам того времени. Александр Ульянов, оторванный от внешнего мира (он находился в одиночной камере Трубецкого бастиона, не имея права переписки и получения газет), догадался, что мать находится в Петербурге, и очень волновался за ее и Анино состояние. Мария Александровна теперь уже знала о роли Саши в подготовке покушения и боялась самого страшного — гибели сына.

Свидание матери с Сашей происходило в Петропавловской крепости 1 апреля с 10 до 12 часов, в день ее именин, в присутствии представителя тюремной администрации[2].

Анна Ильинична, со слов матери, так рассказывала об этой встрече: «Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося простить его за причиненное им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей и, рисуя ей бесправное, задавленное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее.

— Да, но эти средства так ужасны, — возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама, — ответил он»[3].

Знакомство с показаниями Саши, разговор на свидании с ним не оставили никаких сомнений в том, что он решил и на суде твердо отстаивать свои убеждения, отказываясь ради этого от защитника.

Переживания Марии Александровны усугублялись и тем, что ей до суда новых свиданий с сыном не разрешили. В начале апреля расстроенная мать едет на несколько дней в Симбирск, где уже почти месяц без нее жили четверо детей.

[1] Первое марта 1887 г., стр. 373.

[2] С. Семанов. А. И. Ульянов. Л., 1965, стр. 29.

[3] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 168.

Некоторое представление о состоянии Марии Александровны и условиях тюремного заключения Александра можно получить из прошения, поданного М. Л. Песковским [1] 11 апреля на имя министра юстиции.

«Мать Александра Ульянова, — писал он, — одного из подсудимых по делу 1-го марта нынешнего года, уезжая из Петербурга, по причине крайнего расстройства здоровья, в Симбирск, т. е. домой к себе, поручила мне, как ближайшему и единственному в Петербурге родственнику, помочь сыну ее в отношении защитника.

Письмом на имя Ульянова (от 3-го апреля, через жандармское управление) я рекомендовал ему воспользоваться услугами присяжного поверенного г. Пассовера Александра Яковлевича... Между тем от Ульянова не поступала до тех пор просьба о назначении защиты. Причины этого неизвестны, так как не только не разрешены свидания с Ульяновым (матери его было дано лишь одно свидание, с Высочайшего позволения), но даже неизвестно почему и письма не доходят от него...

Вопрос о защитнике для Ульянова представляется очень спешным, так как, насколько известно, дело должно начаться слушанием 15 апреля» [2].

Если проезд по железной дороге был относительно сносным, то путь от Сызрани до Симбирска на лошадях в апрельские дни сопрягался с большими трудностями: заполненные талой водой овражки и речушки становились непреодолимой преградой, которые приходилось объезжать, делая петлю в две, пять и даже десять верст. Если в хорошее время года на почтовых лошадях можно было доехать из Сызрани до Симбирска за шестнадцать часов, то в эти дни Мария Александровна находилась в пути значительно дольше.

Она не сообщала домой о сущности обвинений, предъявленных следственными органами Александру. Хранила молчание о ходе разбирательства и пресса. Поэтому в течение всего марта никто в Симбирске не знал даже фамилий участников покушения на царя.

Владимир Ульянов имел возможность ознакомиться в местной газете с двумя перепечатками из «Правительст-

---

[1] Муж племянницы М. А. Ульяновой — Е. И. Веретенниковой, либеральный публицист.

[2] ЦГАОР, ОППС, ф. 112, оп. 1, д. 646, л. 94.

венного вестника». В первой из них, от 11 марта, сообщалось: «1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11-ти часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Двадцать третьего марта «Симбирские губернские ведомости» опубликовали вторую перепечатку из столичного официоза, но она ничего нового, кроме горечи, для Владимира не давала: в адресе, составленном «благонамеренными» студентами и преподавателями Петербургского университета, содержались типичные верноподданнические заверения «государю императору».

С субботы 28 марта до понедельника 13 апреля занятия в гимназии по случаю пасхальных каникул не проводились. У Владимира в связи с этим имелась возможность встретить мать в Сызрани, и он, наверное, воспользовался ею.

Неизвестно, что именно она рассказывала старшим детям и близким знакомым о своих переживаниях и мытарствах в столице, о свиданиях с сыном и дочерью, как реагировали на все это домашние и какие давали советы.

В. В. Кашкадамовой, присутствовавшей иногда при этих разговорах, запомнились слова Марии Александровны, которая говорила, что хлопочет о смягчении наказания сыну, и как величайшее счастье считала пожизненную каторгу: «Я тогда бы уехала к нему, старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой» [1].

Побыв несколько дней дома, Мария Александровна в день рождения Владимира (10 апреля по старому стилю) или на следующее утро отправляется в Петербург, где 15 апреля должны были начаться заседания особого присутствия правительствующего сената по делу 1 марта 1887 года.

Во время ее пребывания в Симбирске расширился круг людей, осведомленных о грозящей Александру Ильичу опасности. Это видно из письма инспектора народных учи-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., стр. 274—275.

лищ А. А. Красева из города Карсуна Симбирской губернии своему бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому.

«...Бедную Марию Александровну Ульянову, — сообщал Красев, — постигло, говорят, новое несчастье, состоящее в связи в событиями последнего 1 марта. Носятся слухи, что даже с Анной Ильиничной не все благополучно, хотя она, будто, и не имела к делу живого и непосредственного отношения. Увы! Сколько недобрых предчувствий имела Мария Александровна, отправляя своих детей в Петербург, и как она не хотела расставаться с ними» [1].

Девятнадцатого апреля высший суд империи вынес смертный приговор Александру Ульянову и членам его группы. Потрясенная горем Мария Александровна на первом же после суда свидании долго убеждала и просила сына подать прошение о помиловании. Тот не соглашался, говоря, что так будет неискренне. И потом добавил: «Казнь может быть заменена только Шлиссельбургом на всю жизнь. Ведь там и книги дают только духовные. Ведь этак до полного идиотизма дойдешь».

М. Л. Песковскому, боявшемуся за силы и рассудок Марии Александровны, с большим трудом удалось побудить Александра Ильича обратиться к царю с просьбой о замене смертной казни «каким-либо иным наказанием». Однако в обращении не было ни одной нотки раскаяния, а лишь просьба сохранить жизнь ради матери, «здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни», и «малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней единственную опору».

Это был «не тот язык, который требовался раболепствующим клевретам самодержавия», — писала впоследствии Анна Ильинична. И это «прошение» в кавычках не было даже показано царю.

И все же Мария Александровна надеялась на лучшее. По городу ходили слухи, что казни не будет. Передать об этом сыну при свидании в крепости она не могла, но, говоря словами Анны Ильиничны, желая перелить ему «часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему испытания, она два раза повторила ему на прощанье: — Мужайся!» [2].

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 51, л. 20.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 172.

Немало волнений доставляли Марии Александровне хлопоты об Анне Ильиничне, находившейся в заключении с 1 марта. Еще 16 марта директор департамента полиции в ответ на ее просьбу о выдаче дочери на поруки заявил, что та непричастна к делу о покушении и будет освобождена по окончании следствия.

В апреле же стало известно, что по «высочайшему повелению» Анна Ильинична наказана пятилетней ссылкой в Восточную Сибирь. «Государственное преступление» ее состояло, по мнению прокурора, в том, что она «укрывала в своей квартире Анну Лейбович, находившуюся в сношениях с некоторыми соучастниками замысла» на жизнь императора [1].

Вначале Мария Александровна просила о перемене места в Западную Сибирь. «Как ни разорительно распродать трудом нажитое имущество, — писала она в прошении, — но я не могу не отправиться с остальными моими детьми в Сибирь же, с единственной целью, чтобы дочь жила при мне».

Впоследствии, когда выяснилось, что власти все же собираются пересмотреть приговор о ссылке, Мария Александровна добивается, чтобы местом пребывания дочери стали Нижний Новгород, Казань или Самара.

Просил об этом же из Сызрани в полной отчаяния телеграмме на имя директора департамента полиции Марк Тимофеевич Елизаров: «Умоляю выслать мою невесту Анну Ульянову в Симбирскую или Самарскую губернию. Спасите» [2].

Департамент полиции, располагавший сведениями о сочувственном отношении части студенчества и учащейся молодежи к участникам покушения [3], решил назначить местом ссылки сестры Александра Ульянова глухой хуторок Кокушкино. Такое решение состоялось лишь после того, как за нее дала официальное поручительство Любовь Александровна Пономарева, старшая сестра М. А. Ульяновой.

Этой «милости» Мария Александровна добилась уже

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 88, д. 9961, л. 44.

[2] П. Елизаров. Марк Елизаров и Семья Ульяновых. М., 1967, стр. 14.

[3] Листовки с текстом: «Молодцы петербургские студенты!» были обнаружены в начале 1887 года в Самаре, Казани и других городах Поволжья.

после 8 мая, дня, когда в Шлиссельбургской крепости были повешены Александр Ильич и четыре его товарища.

Она мужественно перенесла огромное горе, нашла в себе силы ободрять осужденную дочь. «Я убеждена, — вспоминала Анна Ильинична, — что только благодаря ее близости и поддержке перенесла я гибель брата» [1].

КЕРЕНСКИЙ В РАЗДУМЬЕ

Тринадцатого апреля возобновились занятия в гимназиях. В оставшиеся до выпуска два месяца для Владимира Ульянова многое значило отношение преподавателей. К счастью, большинство из них после событий 1 марта проявило порядочность и заслужило того, что их портреты сейчас вывешены в одной из комнат музея ордена Ленина средней школы имени В. И. Ленина.

В аттестации каждого гимназиста существенное значение имели данные «Кондуитного и квартирного списка учеников», который вел классный наставник А. Ф. Федотченко, уже три года выполнявший эту обязанность в классе Владимира. И каждый раз, подводя итоги четверти или учебного года, Александр Федорович подчеркивал отличную успеваемость, прилежание и поведение первого ученика. Благожелательна и последняя запись, сделанная незадолго до испытаний зрелости: «В четвертую четверть в успехах имеет по всем предметам отметку — 5. По домашним обстоятельствам пропущено 11 уроков. В классе весьма внимателен и прилежен. Ведет себя отлично» [2].

Эта объективность честного педагога, выходца из семьи крепостного крестьянина, безусловно, сыграла немаловажную роль в том, что Владимир Ульянов по окончании гимназии получит положительную характеристику и золотую медаль.

Сохранили лестное мнение о сыне Ильи Николаевича инспектор И. Я. Христофоров, учитель-немец Я. М. Штейнгауэр, его сын Яков, преподававший греческий

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 140.

[2] В. Алексеев и А. Швер. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). М.—Л., 1925, стр. 47.

язык, а также преподаватели древних языков И. А. Ежов, Н. П. Моржов, П. В. Федоровский и Н. М. Нехотяев. Как в свое время Александру Ульянову, так и сейчас его брату они поставили отличные оценки. Благодаря им в аттестате зрелости Владимира особо будут подчеркнуты успехи по древним языкам, что являлось высшей похвалой выпускнику классической гимназии.

Весьма важным для решения педагогического совета гимназии являлось слово законоучителя старших классов протоиерея с магистерской степенью П. И. Юстинова. Но и он, долгие годы общаясь с Ильей Николаевичем по делам народной школы, считал, что успехи и поведение Владимира Ульянова заслуживают высшей награды.

Преподаватель приготовительного класса солдатский сын Андрей Сергеевич Кабанов, питомец педагогических курсов И. Н. Ульянова и один из домашних учителей его детей, как член педагогического совета, тоже подпишет протокол о награждении Владимира золотой медалью.

На последнем выпускном экзамене по математике в составе экзаменационной комиссии присутствовал старый друг Ильи Николаевича заслуженный преподаватель Н. М. Степанов, который не знал в гимназии более способного ученика, чем Владимир Ульянов.

Подписали протокол о представлении его к медали и поставили свои подписи в аттестате зрелости историк Н. С. Яснитский, математик Н. П. Надежин, преподаватели русского языка М. Ф. Козлов и П. С. Тихановский. Если первый из этой «золотой середины» педагогов был талантливым преподавателем, то остальные посредственными.

При решении каких-либо серьезных вопросов они обычно предпочитали присоединиться к точке зрения директора.

Всего можно было ожидать от А. И. Пора, с которым у Владимира Ульянова были столкновения на уроках французского языка. Но решающее слово принадлежало директору. Как он поступит? — об этом, наверное, не раз в те дни думал Владимир.

Семью покойного директора народных училищ Симбирской губернии Федор Михайлович Керенский знал давно. Илью Николаевича ему довелось встречать еще в Пензе в 50—60-х годах. Правда, тогда они находились

далеко не в равном положении. Если И. Н. Ульянова, как старшего преподавателя физики и математики дворянского института, руководителя воскресной народной школы и главного метеоролога Пензы, знал почти каждый грамотный горожанин, то Федор Керенский в 1858 году был еще только выпускником местной духовной семинарии.

Летом 1863 года, когда Илья Николаевич переезжал в Нижний Новгород, Керенский сдавал в Пензенской гимназии экзамены на звание учителя русского языка уездного училища[1]. Возможно, что они позднее встречались и в Казани, где великовозрастный сын дьякона учился на историко-филологическом факультете университета.

Получив высшее светское образование, Ф. М. Керенский все же навсегда сохранил духовную «закваску» и любовь к схоластике. Об этом свидетельствует, в частности, тема его кандидатской диссертации: «Вопрос о связи русских отреченных верований и в особенности астрологических с таковыми же верованиями других народов с календарем Брюса».

Реакционный толстовский гимназический устав 1872 года оказался ему на руку. Будучи по образованию классиком, то есть специалистом по древним языкам, Керенский через пять лет после окончания Казанского университета стал инспектором, а затем директором Вятской, а с 1879 года — Симбирской классической гимназии.

За три-четыре года новый директор «подтянул» Симбирскую гимназию до уровня лучших в Казанском учебном округе. Однако эта перестройка проводилась суровыми методами.

Все эти годы Ф. М. Керенский встречал фамилию Ульянова в печати, слышал восторженные отзывы об Илье Николаевиче от многих педагогов Поволжья. И хотя они в Симбирске вновь встретились почти в равных должностях, Керенский по-прежнему чувствовал себя младшим как по возрасту (он был моложе И. Н. Ульянова на одиннадцать лет), так и по опыту педагогической работы, авторитету в обществе и чину[2].

---

[1] ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 664, л. 136.

[2] Чин действительного статского советника был пожалован Ф. М. Керенскому «за отлично усердную службу» 1 января 1887 года.

Совместное участие в работе Симбирского губернского училищного совета и комитета Карамзинской публичной библиотеки, учеба детей Ильи Николаевича в подведомственных Керенскому мужской и женской (по совместительству с 1883 года) гимназиях упрочили знакомство, и они стали даже обмениваться визитами в домашней обстановке.

Как директор и преподаватель он был весьма доволен успехами в учебе Александра, Владимира и Ольги Ульяновых, восхищался их высокой нравственностью и выражал уверенность, что они войдут в число выдающихся выпускников симбирских гимназий.

И вдруг этот неожиданный арест Александра Ульянова. В глубине души Ф. М. Керенский был убежден, что участие столь способного и выдержанного юноши в заговоре — результат влияния «злонамеренных личностей» столицы, а семья и гимназия здесь ни при чем.

Представители верховной власти, конечно, будут придерживаться другого мнения и постараются доказать, что истоки неблагонадежности коренятся гораздо глубже.

Предвидя ревизию гимназии, Керенский приводит в порядок документацию, требует от классных наставников, их помощников и надзирателей усиления контроля за воспитанниками и подает в этом личный пример.

Если в 1883—1884 годах он побывал в гимназическом пансионе два раза, а в 1885 году лишь однажды, то весной 1887 года пансионеры видели его ежемесячно и не только днем, но и ранним утром, и поздним вечером.

Так, 11 марта директор нагрянул в пансион в шесть часов утра, и многое ему не понравилось: на кроватях были ветхие простыни, у воспитанников — стоптанные и дырявые сапоги, в умывальнике оказалось лишь два небольших кусочка мыла. Служителю досталось за то, что он подметал пол сухой щеткой и поднял пыль.

Но не хозяйственные неполадки беспокоили Керенского: он искал изъяны в воспитательной работе и дисциплинарной практике. Характерным образчиком его указаний в эти дни является приказ о том, чтобы даже «во время игр во дворе воспитанники не оставались одни без дежурного воспитателя, чтобы в это время ворота на пансионный двор были затворены» [1].

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 516, л. 26.

В целях пресечения опозданий пансионеров к богослужению директор потребовал, чтобы все они «в одно время уходили в церковь к началу церковной службы. Их должен сопровождать дежурный надзиратель».

Особое внимание уделяется восьмому классу, который Керенский считал своим детищем. Это был первый, по-настоящему его выпуск, так как сформировался в первый год его директорства в Симбирске.

Правда, из 55 первоклассников 1879 года к испытаниям зрелости пришли только Владимир Ульянов и еще семеро его соучеников. Но и остальных он хорошо знал, ибо в пятом классе был их классным наставником.

В марте 1887 года Керенский не только присутствовал на заседании педагогической комиссии восьмого класса, но и, нарушив традицию, председательствовал на ней, хотя классный наставник был здесь же. В апреле и мае директор вновь заседал именно в этой комиссии.

Из сохранившихся протоколов не видно, чтобы на этих заседаниях поднимался вопрос об отношении к брату важного «государственного преступника». Если же Керенский и обсуждал тактические ходы с кем-нибудь из своих приближенных преподавателей, то принятые решения сохранялись в глубокой тайне. При этом, возможно, рассчитывали, что претендент на золотую медаль не выдержит столь тяжких потрясений и сам сорвется на окончательных испытаниях.

Как и предполагал Керенский, руководство Казанского учебного округа организовало проверку Симбирской гимназии. 24—25 апреля ее ревизировал окружной инспектор действительный статский советник А. В. Тимофеев. За это время он успел побывать на уроках десяти преподавателей.

Пристального внимания, как и следовало ожидать, удостоился класс Владимира Ульянова, где инспектор присутствовал на уроках латыни и истории.

Излагая свои впечатления о гимназии в специальном отчете попечителю округа, Тимофеев отметил, что занятия проводились в основном правильно, а ответы «учеников VIII класса из истории и латинского языка были основательны и в прочих классах по другим предметам более или менее удовлетворительны» [1].

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17112, л. 27.

Не обошлось, понятно, и без замечаний. Тимофеев считал, что в своих дневниках ученики должны обязательно записывать домашние задания и не делать таких записей, как «приготовить дальше» или «повторить старое». По мнению инспектора, преподаватель латыни Г. Штейнгауэр «слишком много назначает ученикам занятий для приготовления на дому». Он отметил также поведение гимназиста Кошурникова, который поздно возвращается домой и ведет знакомство с актерами.

Между ревизором и Ф. М. Керенским, безусловно, состоялся разговор о братьях Ульяновых. Но и он, видимо, сошел для директора сравнительно благополучно, ибо Тимофеев, обучавший в свое время Илью Николаевича в Астраханской гимназии, а затем работавший с ним в Пензе и Нижнем Новгороде, не мог расценить участие Александра Ильича в заговоре иначе, как юную опрометчивость.

И все же Ф. М. Керенскому, всегда старавшемуся, по свидетельству его ближайших помощников, выставить положение дел в подчиненной гимназии «в лучшем свете», было над чем поразмыслить.

Как совместить свою безграничную преданность престолу с поддержкой неизбежного решения педагогического совета мужской гимназии и педагогической конференции женской о награждении Владимира и Ольги Ульяновых золотыми медалями? А как быть с оценкой по логике у Владимира и, наконец, с характеристикой на него?

ИСПЫТАНИЯ ЗРЕЛОСТИ

Владимир Ульянов догадывался о причинах нервозности гимназической администрации, чувствовал усилившееся внимание и подозрительность к себе. Но, проявив громадную выдержку, он продолжал успешно учиться и не давал какого-либо повода для обострения сложившихся обстоятельств.

За поведением брата Александра Ульянова наблюдали в те дни не только учителя и обыватели, но и гимназисты. «Помнится, — вспоминал впоследствии С. А. Бутурлин, — широкий длинный коридор Симбирской гимназии. Сдерживаемая веселость ребят изредка прерывается шумом, гамом, и среди этого гама в памяти вырастает

фигура Володи Ульянова. Его нельзя было не заметить: задумчивый, весь ушедший в себя, одинокий среди молодежи, он маячит взад и вперед по коридору, несколько сутулясь, держа руки за спиной» [1].

О многом передумал Владимир в эти тревожные дни. Вновь и вновь перечитывал письма Саши и Ани из Петербурга. Напрягая память, старался восстановить существо и подробности разговоров с ними во время прошлогодних каникул, пытался понять те мотивы, которые побудили любимого старшего брата вступить в смертельный поединок с власть имущими.

Как ни трудно было в эту пору семнадцатилетнему юноше, он делал, казалось бы, невозможное: помогал младшим готовить уроки, успокаивал тяжело переживавшую несчастье Ольгу, с достоинством держал себя в гимназии и при встречах со знакомыми, изыскивал время для занятий с Никифором Михайловичем Охотниковым по древним языкам.

Но что бы ни делал Владимир, он помнил о приближающихся выпускных экзаменах, которые в сложившейся обстановке приобретали особую значимость. Официально они именовались «испытанием зрелости воспитанников гимназии». На основании обширных, состоящих из 75 параграфов, «Правил об испытаниях» каждый восьмиклассник за полтора месяца до начала экзаменов письменно заявлял о своем желании быть допущенным к заключительному акту своей учебы.

Подал 18 апреля 1887 года, несколько с опозданием, прошение Ф. М. Керенскому и Владимир Ульянов. «Желая подвергнуться испытанию зрелости, — писал он строго узаконенным слогом, — имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к оному» [2].

Через несколько дней комиссия, состоявшая из директора, инспектора и всех преподавателей выпускного класса, тщательно обсуждала степень «нравственной и умственной зрелости», а также успехи каждого из учеников. Некоторым из них она предложила обратить внимание при подготовке к экзаменам на те предметы, по которым в последних двух классах имелись слабые оценки. Опре-

---

[1] «Красная газета» (Ленинград), 1928, 22 апреля.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 549.

деление в отношении Владимира Ульянова было самым кратким: «Допустить к испытанию зрелости» [1].

В 1887 году к экзаменам на аттестат зрелости были допущены все 27 восьмиклассников и 2 «посторонних лица»: бывший воспитанник духовной семинарии Ф. Стратонов, проваливший их в прошлом году, и его товарищ по семинарии П. Николаев, впервые решившийся экстерном получить «Свидетельство» об окончании классической гимназии.

Согласно «Правилам» испытания зрелости разделялись на два этапа: сначала проводились главные — письменные, затем — устные.

На последних уроках учебного года А. Ф. Федотченко ознакомил воспитанников с требованиями § 55 «Правил об испытаниях». Там, в частности, указывалось: «Экзаменующиеся должны являться не только в экзаменационную залу, но и в гимназию, без всяких книг... а также без тетрадей, листов бумаги и портфелей. Письменные принадлежности выдаются каждому от гимназии и при том бумага со штемпелем или за подписью директора».

Все испытания, напоминал классный наставник, будут происходить в самом большом, актовом зале, где «каждый экзаменующийся получит свой особый стол, отдельно стоящий от других столов». За экзаменующимися постоянно наблюдают члены испытательной комиссии. Черновики и беловые тексты сдаются немедленно после выполнения письменной работы. Всякие разговоры не разрешаются. В случае несоблюдения настоящих правил или «пользования недозволенными пособиями» виновный «тотчас же лишается права продолжать начатое испытание, которое в таком случае откладывается на год» [2].

Владимир имел твердые знания по всем предметам. Даже четвертую четверть, в течение которой узнал об аресте брата и сестры, когда он был вынужден, как это видно из записей классного наставника, пропускать уроки «по домашним обстоятельствам», он завершил отличными отметками.

Перерыв между окончанием учебного года и экзаменами исчислялся несколькими днями. Домашние хлопоты

---

[1] «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 86.

[2] «Свод постановлений и распоряжений по гимназиям...», СПб., 1888, стр. 95, 96.

и переживания урезали многие часы, и это во время непосредственной подготовки к испытаниям. А они, особенно письменные, спланированы были очень плотно: все пять в течение первой недели.

Первым, 5 мая, в расписании значился экзамен по русскому языку и словесности. На него отводилось пять часов. Вот как это было.

Ровно в 10 часов утра в актовый зал вошли члены испытательной комиссии: директор Ф. М. Керенский, преподаватели П. С. Тихановский, М. Ф. Козлов. После обязательной в таких случаях молитвы директор напомнил об основных правилах испытаний, затем вскрыл присланный из Казани пакет и огласил предложенную попечителем округа тему: «Царь Борис по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов» [1].

То, что учащимся всех гимназий округа на этот раз предложили написать сочинение по произведению великого поэта, было не случайно. Ведь в начале этого года Россия широко отмечала пятидесятилетие со дня его гибели. Удивительно другое: только что после окончания процесса по делу о покушении на царя учащимся надлежало обрисовать образ узурпатора царского престола, размышлять о роли народных масс в истории.

Впрочем, в соответствии с «Правилами об испытаниях» от ученика не следовало требовать «ни новизны или оригинальности мысли, ни полноты содержания... Сочинение должно быть написано языком правильным... изложение его должно удовлетворять логической связи и последовательности, а содержание... прямо относиться к теме».

Написать сочинение, отвечающее этим формальным требованиям, Владимиру Ульянову не стоило большого труда, так как стилистом он был превосходным, а весь необходимый фактический материал им был прочно усвоен в значительно большем, чем это предусматривалось программой, объеме. Как минимум, он мог привести дословные цитаты из монолога Бориса Годунова («Достиг я высшей власти»), которые требовалось знать наизусть.

Через несколько дней стало известно, что сочинения Владимира Ульянова и Александра Наумова комиссия

---

[1] М. Ф. Кузнецов неточно сформулировал эту тему: «Царь Борис Годунов по произведению А. С. Пушкина». См.: Ленин и Симбирск, 1970, стр. 320.

оценила высшим баллом, еще три—четверками, а остальные 22 — тройками. Но окружной инспектор, проверявший впоследствии все работы класса, заявил, что значительную часть последних нельзя было бы оценить и тройками, «если бы грамматическая правильность не выкупала бедности содержания» [1].

Седьмого мая с 10 до 13 часов проводилось письменное испытание по латинскому языку. Оно прошло для всех сравнительно благополучно: одиннадцать учеников получили высшие баллы.

На следующий день в это же время Владимир и его товарищи письменно отвечали на поставленные задачи по арифметике и геометрии. В общем итоге класс получил хорошую оценку. Однако инспекция учебного округа после анализа работ сделала вывод, что многие из них слабы, и указала преподавателям Симбирской гимназии на «снисходительную оценку их».

«В большей части работ (по арифметике. — *Ж. Т.*) Симбирской гимназии, — писал в своем отзыве окружной инспектор, — есть только решение задачи и объяснение. План и поверка решения отсутствует **(только в работе уч. Ульянова есть поверка)**» [2].

Затем в экзаменах наступил трехдневный перерыв, в начале которого В. Ульянов все еще мог надеяться, что царь смягчит страшный приговор. Но утром в воскресенье 10 мая он, как и все симбиряне, узнал о казни брата и его четырех товарищей. «Объявления об этом подвиге царских опричников, — вспоминала В. В. Кашкадамова, — были расклеены на всех городских столбах» [3].

В газетных киосках в этот день продавались листки утреннего выпуска «Телеграмм Северного телеграфного агентства», большую часть которых занимало правительственное сообщение. Здесь впервые в открытой печати перечислялись имена и фамилии всех 15 подсудимых, с указанием их социального происхождения и положения, времени возникновения «тайного кружка», решившего «посягнуть на жизнь Государя Императора», и характера участия каждого в «злоумышлении».

---

[1] Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 248. оп. 1, д. 367, л. 8.

[2] Там же, л. 42. Подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*

[3] «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

Решением особого присутствия, говорилось в сообщении, все обвиняемые, кроме А. Сердюковой, не участвовавшей в заговоре, но знавшей о нем, были приговорены к смертной казни. Царь заменил большинству осужденных смертную казнь многолетней каторгой, а П. Шевыреву, как «зачинщику и руководителю преступления», трем метальщикам и А. Ульянову, который «принимал самое деятельное участие как в злоумышлении, так и в приготовительных действиях», — оставил приговор без изменения.

Владимир не раз перечитывал заключительные строки, с глубокой болью постигая их трагическую сущность: «приговор о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андрюшкиным (так искаженно напечатана фамилия Андреюшкина. — *Ж. Т.*), Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8 мая» [1].

Вспоминая эту страшную пору, Мария Ильинична много лет спустя писала: «Так и стоит пред глазами его расстроенное, печальное лицо... Я была слишком мала, чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося» [2].

Очень тяжело переживала гибель любимого брата и Ольга Ильинична, выпускница женской гимназии. Ей, по свидетельству подруги Е. Арнольд, несмотря на поразительное самообладание, после получения известия о приведении приговора в исполнение, сделалось дурно.

Поистине нечеловеческие усилия должен был приложить Владимир Ульянов 12 мая, когда пришел на письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, чтобы сохранить внешнее спокойствие под любопытными взглядами окружающих, знавших, что казнен его брат.

Но он нашел в себе силу и волю. Об этом свидетельствует не только отличная оценка (ее получили и другие одноклассники). Окружной инспектор, недовольный общими результатами экзамена в Симбирской гимназии по

---

[1] Листок с телеграммой «Северного телеграфного агентства» в 1934 году был передан Ульяновскому Дому-музею В. И. Ленина соучеником Владимира Ульянова по гимназии М. Ф. Кузнецовым.

[2] Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., 1956, стр. 34.

математике, опять-таки выделил работу Ульянова. «Объяснительный текст вообще очень краток, — писал он в рецензии, — и во многих случаях недостаточно разъясняет задачу: так, например, в тех работах по алгебре (исключая работы Ульянова и Толстого), в которых второй корень квадратного уравнения имеется, вовсе не объяснено или же объяснено недостаточно, почему этот корень не принят во внимание» [1].

На следующий день — 13 мая — сдавался последний письменный, самый трудный экзамен — по греческому языку. «В девять часов,— отмечал в протоколе директор,— в присутствии членов испытательной комиссии: инспектора и преподавателей Федоровского, Георга Штейнгауэра и Ежова — вскрыл пакет с текстом, который и был продиктован ученикам. Диктовка текста продолжалась тридцать минут... Время подачи работы означено на каждой из них одним из наблюдателей» [2]. Именно после этого экзамена из числа испытуемых было исключено за двойку одно «из посторонних лиц» — П. Николаев.

Прошло девять долгих и томительных дней, прежде чем начались устные экзамены. 22 мая Владимир, отвечая на вопросы билета по истории и географии, рассказывал о борьбе плебеев с патрициями, борьбе украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против польских панов и добровольном воссоединении с Россией, крестьянских восстаниях в Германии 1525 года, излагал историю южных славян в средние века, разделения церквей, давал характеристику возвышенностям внутренней России, климату и орошению Африки и важнейшим городам Италии.

В этот же день — в половине седьмого вечера — к симбирской пристани причалил пароход, на котором прибыли Мария Александровна и Анна Ильинична.

Владимир Ильич, жалея измученных горем и мытарствами мать и сестру, избегал расспросов, но Мария Александровна сама невольно рассказывала об ужасном недавнем прошлом.

«Я удивляюсь,— с болью и невольной гордостью вспоминала она о защитительной речи сына, — как хорошо говорил Саша: так убедительно, так прекрасно. Я не ду-

---

[1] ГАСО, ф. 248, оп. 1, д. 367, л. 42.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, д. 9, л. 83.

мала, что он может так говорить. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала» [1].

Вспомнила мать о последних просьбах Саши — принести ему стихи Гейне, найти у товарищей две книжки «Немецко-французского ежегодника» со статьями К. Маркса и возвратить их владельцу.

Так уж получилось, что проводила сына на казнь одним словом: «Мужайся!»

Поражало то мужество, которое проявила мать после гибели Александра. «И как ни тяжела была ее рана, — писала впоследствии Мария Ильинична, — которая не зажила до последних дней ее жизни, она нашла в себе силы скрыть от находившейся в заключении Анны Ильиничны смерть Александра Ильича, прося и других не проговориться ей об этом, так как боялась, что известие это совсем сломит Анну».

Нельзя было без боли слушать ее рассказ о хождениях по приемным сановников, уже после казни сына, с прошениями о разрешении Ане отбывать ссылку не в Восточной Сибири, а в Кокушкино. Даже две фотографические карточки Александра Ильича, снятые с него в тюрьме — одна в профиль, другая в анфас — пришлось просить. «Той твердости, с которой она переносила тяжелые несчастия, — вспоминала Анна Ильинична, — удивлялись все, кто ее знал, тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая по возможности свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, — еще больше, чем прежде, о детях...

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчить ее горе» [2].

И они сделали все, что было в их силах.

---

[1] М. И. Ульянова. Памяти Александра Ильича Ульянова. — «Правда», 1962, 18 февраля.

[2] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове, стр. 140.

В первый же день приезда Анны возник вопрос о выполнении пункта «Проходного свидетельства», согласно которому она обязана была немедленно встать на учет в полиции того города, где остановится на пути в ссылку.

Думается, что в связи с сильным упадком сил сестры документы ее носил в полицейское управление Владимир, а полицмейстер Минин, хорошо знавший Ульяновых, согласился сделать необходимую отметку. Во всяком случае на «Проходном свидетельстве» появилась запись: «Согласно маршрута № 3855 г. Ульянова прибыла в Симбирск 22-го мая 1887 г.».

Не раз вчитывался Владимир и в сам «маршрут», полученный 19 мая в канцелярии Петербургского градоначальника: «Отправляющаяся во временную отлучку из города С.-Петербурга в город Казань дочь действительного советника Анна Ильинична **Ульянова** обязана следовать: безостановочно на Москву, Нижний Новгород до Симбирска, где Ульяновой разрешено пробыть до 20 июня сего года, затем она должна отправиться в город Казань» [1].

С этого времени согласно указаниям центра полиции и жандармерия Симбирска ведет за ней бдительное наблюдение. Фактически же оно осуществлялось за всеми членами семьи Ульяновых. Зачастили к ним в дом, прослышав о предстоящей распродаже вещей, любопытные кумушки.

«— Вот ведь у вас горе-то какое, — начинала какая-нибудь из этих кумушек...»

Но Мария Александровна обычно строго прерывала разглагольствования сплетниц такими словами:

— Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?

Эти слова расхолаживали кумушек, и они уходили от Марии Александровны не солоно хлебавши. Но эти посещения с заглядыванием в глаза, по словам В. В. Кашкадамовой, очень мучили [2].

В конце мая из Петербурга приехал высланный за дружеские отношения с Александром Ульяновым и другими участникам покушения на царя выпускник столичного

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, л. 25.

[2] «Бакинский рабочий», 1926, 21 января.

университета Иван Николаевич Чеботарев. В Симбирске он находился несколько дней, проездом, следуя в ссылку к родным в Самару.

Как близкий знакомый Анны и особенно Александра, с которым с сентября 1886 года жил в течение четырех месяцев в одной квартире, Чеботарев зашел к Ульяновым.

Владимир ранее не был знаком с Иваном Николаевичем: тот по окончании Симбирской гимназии с золотой медалью еще в 1882 году уехал в Петербург. Но, зная от сестры, что Чеботарев принимал деятельное участие в жизни симбирского землячества, а главное, о хорошем отношении к нему брата, долго и доверительно с ним беседовал.

«Он расспрашивал, — вспоминал И. Н. Чеботарев, — о последних днях моей совместной жизни с Александром, о допросах меня на предварительном следствии и на самом верховном суде, в особенности о впечатлениях, какие произвел на меня Александр на скамье подсудимых. Обо всем этом он расспрашивал меня спокойно, даже слишком методично, но, видимо, не из простого любопытства. Его особенно интересовало революционное настроение брата» [1].

Сообщая через несколько дней в Петербург близкому товарищу Александра Ильича А. А. Воеводину о беседах с Анной Ильиничной, он отметил, что она «сильно изменилась: упрекает себя, что ничего не замечала (деятельности Александра Ильича в террористической фракции. — *Ж. Т.*) и так доверилась, и что **семья ее твердо переносит свое горе»** [2].

Неизвестно, по собственной ли инициативе или по просьбе Ульяновых И. Н. Чеботарев сразу же по приезде в Самару просит А. А. Воеводина сообщить подробности «о последних днях жизни Саши», то есть о последних днях февраля, когда Александр Ильич избегал встреч с сестрой, Марком Елизаровым и другими близкими людьми.

...А экзамены продолжались. Успехи Владимира и Ольги в последних классах и на прошедших выпускных экзаменах были настолько выдающимися, что при обыч-

---

[1] Об Ильиче. Л., 1926, стр. 133.

[2] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 89, д. 11021, л. 43. Подчеркнуто мной. — ***Ж. Т.***

ных условиях являлись надежной основой для получения высших гимназических наград. Но в сложившейся теперь обстановке никто не мог предсказать окончательный исход для ближайших родственников «государственного преступника».

Для младшей пары Ульяновых награды были дороги не как вещественные доказательства успешного окончания школьного курса. Владимир и Ольга понимали, что следование семейной традиции хоть на время отвлечет Марию Александровну и Анну от тяжких переживаний. В эти дни их волю укрепляли светлые образы отца, старшего брата, пример старшей сестры, мужество матери.

В конце мая Ольга, по выражению Дмитрия Ильича, «самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юношества», закончила сдачу экзаменов. Она одна из 19 выпускниц женской Мариинской гимназии получила на них высшие баллы — 12[1]. Решением педагогической конференции самая юная выпускница, которой было 15 с половиной лет, представлялась к награждению золотой медалью.

Продолжал борьбу за высшую награду — шестую медаль в семье — и Владимир. По закону божьему, сдававшемуся 27 мая, большинство гимназистов получило отличные отметки. Но на остальных экзаменах успехи класса были значительно скромнее. По латыни 29 мая высшего балла удостоились только трое (при 17 тройках), по греческому языку 1 июня — двое, и, наконец, на последнем экзамене 6 июня, на котором проверялись знания по арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии, кроме Владимира Ульянова пятерки получили А. Писарев и А. Наумов — претенденты на серебряную медаль.

Кстати, соперничество между ними решилось в пользу последнего. И, как справедливо заметил М. Ф. Кузнецов, не в честной борьбе. До испытания зрелости средний балл по обязательным предметам у них был одинаковый $4^3/_{11}$. Но у сына писца не было в табеле ни одной тройки, Наумов же имел ее по греческому языку — главному предмету. Однако давние симпатии Керенского и некоторых преподавателей к сыну крупного помещика сыграли

---

[1] В женских гимназиях «ведомства императрицы Марии», а другой в Симбирске не имелось, курс обучения был семилетним: старшим классом считался первый, младшим — седьмой; высшей оценкой была «дюжинка» — 12, низшей — 1; древние языки не изучались.

свою роль: на выпускном экзамене они поставили Наумову по греческому языку столь нужную ему четверку, а Писареву, наоборот, снизили до тройки и тем самым лишили ближайшего соученика Владимира Ульянова, с которым он на протяжении восьми лет сидел на одной парте, заслуженной награды.

Через два-три дня после окончания экзаменов в губернской типографии были отпечатаны в трех экземплярах все 28 аттестатов зрелости. Из этого документа видно, что как годичные, так и выпускные отметки у Владимира Ульянова одни и те же — 5.

Сиротливо выглядит среди них 4 по логике. Успехи были настолько очевидными, что педагогический совет не мог не наградить его — и только его одного — золотой медалью.

Торжественного акта по случаю выпуска в гимназии в этом году не проводилось. Учащиеся, как это видно по их распискам, получали столь дорого доставшиеся им аттестаты зрелости поодиночке, в течение целого месяца.

Владимир Ильич, получая аттестат зрелости за № 468 и «все прочие документы с копиями», также расписался на своем прошении о желании сдавать выпускные экзамены[1]. Волнение или наполнившие его в эти дни заботы, связанные со скорым отъездом из Симбирска, объясняют ту забывчивость, которую он проявил в этот момент, не проставив в отличие от одноклассников дату получения документов в канцелярии.

Полагавшаяся ему золотая медаль еще изготовлялась в Петербургском Монетном дворе[2]. На вопрос дирекции об избранных университете и специальности, он ответил кратко, но твердо: «Желаю поступить в Казанский университет в юридический факультет».

Последний раз Владимир Ульянов побывал в гимназии 24 июня. Здесь полным ходом шел ремонт. Во дворе рабочие рыли траншеи для водопровода и ремонтировали пансионский ледник. Штукатуры отделывали снаружи стены главного корпуса, маляры покрывали цоколь обычным темно-серым цветом. Внутри шла побелка стен и потолков, покраска панелей в перловый цвет и полов — в желтый.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 549.

[2] Золотую медаль получила по доверенности брата Ольга Ильинична 13 сентября 1887 года.

У делопроизводителя П. Д. Ильина, с которым когда-то играл в шахматы Илья Николаевич, Владимир получил «Свидетельство» об успехах и поведении Дмитрия за третий класс и метрическое свидетельство брата. При этом он оставил два автографа. Первый — на прошении матери с просьбой о выдаче указанных документов, а второй на прошении Ильи Николаевича от 30 апреля 1883 года, в котором он просил о приеме младшего сына в гимназию.

Распрощавшись с Ильиным, сестра которого, акушерка Анна Дмитриевна, принимала в Симбирске всех детей Марии Александровны и была ее близкой приятельницей, Владимир с облегчением вышел из здания и направился домой, где заканчивались последние приготовления к отъезду.

ЧЕТВЕРКА ПО ЛОГИКЕ

Итак, выпускные экзамены остались позади. В аттестате Владимира Ульянова появилось 17 отличных оценок и только одна хорошая — по логике.

Всякий, кто соприкасается с этим документом, недоумевает: почему у золотого медалиста, прошедшего все классы первым учеником, сочинения которого выделялись необычной стройностью мышления, по этому предмету выставлен не высший балл?

Думала над этим странным обстоятельством и Анна Ильинична. Заметив, что четверка по логике имеется также в аттестате зрелости Александра Ильича и всех известных ей преуспевающих выпускников Симбирской гимназии, она на вопрос научного сотрудника Дома-музея В. И. Ленина ответила: «Был тогда такой учитель логики, который считал, что только он один хорошо знает логику и никто больше».

Что и говорить, скуп на оценки был Ф. М. Керенский, преподававший логику: в выпуске 1887 года кроме Владимира четверки получили еще трое юношей.

Казалось, что полушутливое объяснение Анны Ильиничны имеет веские основания и является единственно приемлемым. Но почему директор не придерживался столь строгого подхода к оценке знаний по другим предметам, которые сам преподавал, — словесности, русскому

и латинскому языкам? — такой вопрос неизбежно возникал у всех тех, кто интересовался школьными годами Владимира Ульянова.

На него впоследствии пытался ответить товарищ по классу М. Ф. Кузнецов. В заметке «Почему В. Ульянов получил четверку по логике», появившейся в ульяновской газете «Пролетарский путь» 22 апреля 1940 года, он пояснял, что Владимир однажды вяло отвечал урок и даже критиковал учебник логики, одобренный министерством народного просвещения и святейшим синодом для всех гимназий и духовных семинарий России [1].

Ознакомление с учебником и рецензиями показало, что он действительно имел серьезные изъяны. Один из критиков писал, например, о главе «Индуктивное умозаключение или поведение»: «Все это такая путаница и нескладица, такое собрание противоречий, что мы советовали бы Струве в следующем издании... совсем выбросить главу об индукции».

Затруднения в изучении предмета заключались и в методике, рекомендованной министерством народного просвещения. В специальной «Объяснительной записке» подчеркивалась необходимость оправдания на уроках таких «высших истин», как «бытие божие, бессмертие душ» и других.

Но так как, по мнению авторов «Записки», «ни возраст учащихся, ни размеры курса не позволяли бы излагать философские основания этих истин с достаточною полнотою и последовательностью... то лучше преподавателю не вдаваться в исследование этих вопросов, ограничившись только необходимыми указаниями на них. На тех же основаниях теория познания не должна входить в гимназический курс логики» [2].

Естественно, что схоластический характер изучения предмета и насыщенность плохо написанного учебника примерами вроде: «Бог всемогущ и справедлив — истина неизменная, вечная» — не могли вызвать воодушевления у шестнадцатилетнего юноши, тяготевшего не к формальной, а диалектической логике, недавно порвавшего с религией. Поэтому вполне возможно, что Владимир в самом деле вяло отвечал на уроке, что было для Керен-

---

[1] Г. Струве. Элементарная логика. Изд. 6-е. Варшава, 1884.
[2] «Свод постановлений по гимназиям...», стр. 288.

ского достаточным основанием выставления хорошей, а не отличной отметки.

Но объяснения М. Ф. Кузнецова имели и слабые стороны. А как же тогда его соученик смог получить высший балл по закону божьему? Могла ли одна текущая оценка определить годовой результат? И, наконец, если столкновение ученика и преподавателя было настолько серьезным, то почему об этом ничего не говорится в воспоминаниях Ульяновых?

В архиве не оказалось классных журналов, по которым можно было бы проследить успеваемость гимназистов за время преподавания Ф. М. Керенским логики, изучавшейся только в седьмом классе. Зато нашлись копии аттестатов зрелости за 1879—1886 годы. И в одном из таких документов, выданном в 1886 году некоему Элпидину, происходившему из духовного сословия, обнаружилась пятерка по логике.

Эта неожиданная находка серьезно поколебала объяснение Анны Ильиничны о причинах появления необычной для Владимира оценки в его аттестате зрелости.

Ф. М. Керенский — выходец из семьи церковнослужителя. Почти 12 лет учился он в духовных учебных заведениях. Священником служил в Симбирске его родной брат. Возможно, он отступил от своего принципа из-за каких-то, неизвестных для окружающих, связей.

Не исключено, что так оно и было, если Элпидин зазубрил «вечные истины» и излагал их бойко и высоким слогом. Но гораздо важнее другой, причем теперь уже несомненный факт. Керенский однажды все-таки поставил высшую оценку по логике ученику. И поэтому надо было продолжать поиск о происхождении злополучной четверки в аттестате Владимира Ульянова.

Изучение архива Симбирской классической гимназии за 1885—1887 учебные годы показало, что на заседаниях классной комиссии и педагогического совета вопрос о мотивах, побудивших преподавателей оценить четверкой познания Владимира по логике, не обсуждался.

Картина в значительной степени прояснилась после ознакомления с табелем за седьмой класс, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Хотя этот документ и не отражал текущей успеваемости учеников, но в нем отчетливо прослеживается динамика оценок по четвертям. Оказы-

вается, в двух первых четвертях Керенский оценил познания Владимира Ульянова по логике пятерками.

Правда, во второй половине учебного года в табеле стояли две четверки (наверное, они явились следствием тех потрясений, которые переживал впечатлительный юноша в связи с внезапной кончиной Ильи Николаевича), но годовую оценку по логике Керенский вывел $4^1/_2$ (такой итог был у Владимира в седьмом классе также по геометрии и греческому языку).

Значит, Керенский, хотя и редко, все же ставил пятерки по логике. Их имел в первом полугодии и Владимир Ульянов. Более того, итоговая оценка была не четыре, а четыре с половиной, и окончательное решение судьбы этой очень близкой к пятерке отметки директор отложил на год.

Такой шаг не был чем-то исключительным. У Владимира, как и у других гимназистов, в пятом — седьмом классах годовые показатели по некоторым другим предметам тоже были выражены четверками с дробными довесками. Округлялись они в большую или меньшую сторону после годовых экзаменов.

В последнем классе Владимир, несмотря на тяжелые переживания, вызванные арестом старшего брата и страданиями матери, сумел добиться отличных годовых оценок по всем предметам, в том числе по греческому языку и геометрии. Блестяще выдержал он и все выпускные экзамены.

И вот теперь весной 1887 года очередь директора и учителя выдержать свое испытание на честность. Ведь если на выпускных экзаменах оценки выводила комиссия и Керенский не нес персональной ответственности за их результаты, то в данном случае он один должен был решить вопрос о том, какая именно отметка по логике будет проставлена в аттестате зрелости Владимира Ульянова.

Даже по официальным организационно-методическим указаниям министерства народного просвещения преподаватель при выведении годовых, экзаменационных и окончательных оценок обязан был принимать во внимание прилежание и успехи учащихся на протяжении всего периода обучения. Кто-кто, а директор, пристально наблюдавший за Владимиром Ульяновым, знал, что он был первым учеником на протяжении всего курса обучения.

Поэтому Ф. М. Керенский имел юридическое право и основательные факты для того чтобы, не поступаясь со своей совестью, округлить $4^1/_2$ на 5.

Однако он остановился на четверке. И не потому, что в принципе не ставил высшей оценки никому из учащихся. Нет, все было гораздо прозаичнее. Стремясь продемонстрировать свои верноподданнические чувства, Керенский использовал единственную имевшуюся у него возможность и **снизил** оценку по логике родному брату «важного государственного преступника» Александра Ульянова.

Логика мышления верного царского чиновника нам понятна так же, как ясна теперь и действительная причина появления в аттестате зрелости Владимира Ульянова единственной четверки — по логике.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Получение аттестата зрелости формально давало каждому выпускнику право для поступления в любое высшее учебное заведение России. Однако в условиях реакции 80-х годов, усилившейся после покушения группы Александра Ульянова на жизнь царя, ни один юноша не мог стать студентом до тех пор, пока университет или институт не получит на него характеристики от руководства гимназии или местной полиции.

В мае 1887 года министерство народного просвещения предложило руководству учебных округов принять все меры к тому, чтобы аттестации выпускников гимназий были составлены по возможности подробнее и, главное, своевременно, то есть сразу же после экзаменов.

Руководствуясь этими указаниями, попечитель Казанского учебного округа 29 мая 1887 года обратился с конфиденциальным письмом к директорам гимназий, в котором предложил им представить характеристики на выпускников. При этом он предупредил, что «характеристики отнюдь не должны состоять из общих неопределенных выражений, которые могут прилагаться почти ко всем молодым людям, кончающим гимназию, и очень мало рисующих индивидуальные качества молодого человека, а должны по возможности способствовать основательному знакомству с особенностями его ума и харак-

тера, с качеством и степенью его прилежания и любви к наукам, с характером его обычных отношений к начальству гимназии, преподавателям и товарищам, причем **должно быть обращено внимание к тем социальным вопросам, которые так или иначе затрагивают воспитанника старших классов гимназии»** [1].

Кроме характеристики попечитель потребовал также представить ему список «на тех молодых людей, получивших аттестат зрелости, за которых начальство гимназии на основании близкого знакомства с ними может вполне поручиться, что они своею гимназической жизнью не подают никакого повода сомневаться в их нравственной зрелости и политической благонадежности».

Ф. М. Керенский очень серьезно отнесся к указаниям попечителя округа и над характеристиками выпускников работал целый месяц. Каждого из учеников он хорошо знал. Под руками у него находились протоколы классных комиссий и журналы с записями классных наставников об учебе своих подопечных в последних четырех классах, их поведении и проступках.

Справедливость требует отметить, что каждая характеристика выпускника Симбирской классической гимназии 1887 года действительно отличалась оригинальностью, была не похожа на другую и давала довольно полное представление не только об успехах в учебе, но и о характере, склонностях и домашней жизни аттестуемого.

«Религиозный, тихий, вежливый, почтительный, молчаливый,— писал Керенский об А. Адрианове,— он всегда считался самым исправным пансионером».

Характеризуя приемного сына богатого симбирского купца, директор подчеркивал благоговейное исполнение им «религиозных обязанностей и вежливость к старшим, бесприкословное повиновение родителям, вообще порядочность и патриархальность семейного воспитания» [2].

В характеристике на серебряного медалиста, выходца из богатого дворянского рода, отмечалось: «По поведению и внешней выдержанности Наумов вполне благовоспитанный юноша. За свои прекрасные качества он был любим... в лучших семействах симбирского общества».

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 4, ед. хр. 17, л. 2. Подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*
[2] Там же, лл. 3, 76.

А. Дардальонов, по наблюдению директора, имел похвальную склонность к богослужению. «Поощряемый за церковное пение в гимназии, Дардальонов занимался им с любовью».

Говоря о Д. Жильцове, который «при малых талантах своих» все же сумел окончить курс, Керенский вместе с тем указал на то, что этот ученик «ни единым словом, ни одним поступком не проявил ничего такого, на основании чего можно было заподозрить в нем нравственную испорченность или неблагонадежность».

Еще благожелательнее и категоричнее выглядела характеристика на соученика Владимира по всем восьми классам гимназии. «Как на симпатичную черту в характере Кузнецова (Михаила.— *Ж. Т.*), нельзя не указать на его религиозность, которая выражалась, между прочим, в усердии к храму божию и в благоговейном предстоянии в нем. С уверенностью можно сказать, что никакие социальные вопросы не интересовали Кузнецова, понятия которого не выходили из круга его прямых учебных занятий» [1].

Весьма красноречива аттестация сына состоятельного купца С. Сахарова. По мнению Керенского, он «был лучшим из учеников гимназии, окончивших курс в 1887 году. При очень хороших способностях и постоянном трудолюбии, он занимался делом с любовью.

Всегдашняя скромность, прямодушие, почтительность и деликатность, украшаемые искренним религиозным настроением,— выдающиеся черты характера Сахарова. Никакие легкомысленные или превратные учения не могли коснуться его понятия...» [2]

А теперь прочтем широко известную характеристику, которую дал директор гимназии Владимиру: «Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии не похвальное о себе мнение.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 84, 85, 93.
[2] Там же, л. 97.

За обучением и правильным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, и, вообще, нелюдимости. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в университете» [1].

Почти половину характеристики, как видим, директор посвятил показу роли семьи в развитии и воспитании Владимира. И вполне понятно почему. «Покойный Илья Николаевич,— поясняла Анна Ильинична,— был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, воспитанного той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия, так же как старается подчеркнуть и «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызывал бы не похвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями» [2].

Анализируя эту «в высшей степени» добронравную характеристику, Анна Ильинична отмечает, что Керенский «желал помочь талантливому ученику обойти... препятствия» и поступить в университет.

---

[1] «Молодая гвардия», 1924, № 1, стр. 89.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1968, стр. 26.

Разделяя в общем мнение сестры Ильича, вместе с тем нельзя не видеть, что Керенский дал первому ученику гимназии не лучшую и весьма осторожную характеристику. Он написал в ней столько положительного, сколько давно было известно руководству учебного округа, ибо и раньше не раз докладывалось письменно об успехах В. Ульянова. Керенский не мог не отметить его выдающихся результатов еще и потому, что составлял характеристику после испытаний зрелости и решения педагогического совета о награждении Владимира золотой медалью. И, наконец, директор аттестовал его в соответствии с теми очень благоприятными письменными отзывами, которые представлял классный наставник А. Ф. Федотченко.

Когда же дело доходило до главного, что особенно было важным, ради чего, собственно, и требовались развернутые аттестации, директор уходил от прямого ответа. Он не сказал даже о том, религиозен ли Владимир, хотя, не жалея красок, подчеркивал это качество у других выпускников. Остался без ответа и вопрос об отношении брата Александра Ульянова к «социальным вопросам» и «превратным учениям», тогда как в отношении других гимназистов, например Сахарова, Жильцова, Кузнецова, он дал твердые заверения в их благонадежности. Следует отметить и то «странное» обстоятельство, что симбирский директор, славившийся своей исполнительностью, опоздал с представлением характеристик в Казань.

Только после второго напоминания начальства он 10 августа выслал их в округ и университет. Возможно, что характеристика на Владимира Ульянова за полтора месяца, прошедшие со времени его отъезда из Симбирска, несколько раз переделывалась, пока Керенский, хорошо знавший свое дело, тщательно не отшлифовал «острые углы».

Однако некоторые представленные Керенским характеристики, в том числе и на Владимира Ульянова, были подвергнуты критике. В частности, окружной инспектор А. В. Тимофеев заметил недомолвки и обратил на это внимание попечителя округа. «О некоторых учениках Симбирской гимназии,— докладывал он в ноябре 1887 года,— **не высказано твердой уверенности и ручительства, чтобы они, получив в гимназии самые лучшие задатки, как**

умственные, так и особенно нравственные, сохранили их, не подпали влиянию людей злонамеренных» [1].

В этом документе характеристика на В. Ульянова не упоминается. Но едва ли можно сомневаться, что и она имелась в виду.

По каким же мотивам Керенский не высказал «твердой уверенности и ручительства» за нравственную состоятельность, то есть политическую благонадежность, ряда своих воспитанников?

К. Глядкову ставилось в вину, что он капризен, склонен «к краснобайству». Весьма желательно, указывал директор, чтобы он нашел «нравственную поддержку, необходимую при его восприимчивом и неокрепшем характере» [2].

Главным недостатком мещанского сына А. Котельникова Керенский считал неоткровенность. «Поэтому,— писал он в выводе, — душенастроение его не поддавалось близкому наблюдению и верному определению».

Сына «людей бедных» Ф. Пугалина обвиняли в «легкомыслии» и «отсутствии средств» для «прохождения университетского курса».

П. Щипакин, наоборот, был «нелюдим» и, как «сын фельдшера», тоже по материальным причинам «едва ли в состоянии будет пройти университетский курс».

Н. Госткин попал в опалу за то, что не получил «в крестьянской семье твердых и облагораживающих начал» [3].

Против Ф. Стратонова, сдававшего экзамены экстерном, директор ничего особенного не имел, но от ручательства отказался из-за того, что недостаточно изучил его.

Гораздо сложнее обстояло дело с сыном мелкого канцеляриста А. Писаревым, который почти на всем протяжении учебы в гимназии получал награды за высокую успеваемость. Керенский считал, что «он вполне достаточно запасся умственными силами для того, чтобы распознавать и отражать всякие безрассудные и вредные лжеучения». Казалось, что заключение сделано в пользу

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 17, л. 173. Подчеркнуто мной.— *Ж. Т.*

[2] Там же, л. 82.

[3] Там же, лл. 82, 89.

Писарева, но директор все же высказал неуверенность, сумеет ли он устоять при соприкосновении «со злонамеренными людьми».

Несмотря на недостатки, которыми страдали, по мнению руководства учебного округа, некоторые характеристики Керенского, Владимир Ульянов и его одноклассники все же получили возможность поступить в высшую школу. Но эти характеристики сыграли определенную роль в том, что некоторых симбирян университетское начальство и полиция с самого начала появления в Казани имели «в виду».

К какому же выводу пришли власти, наблюдая за студентами-симбирянами, особенно в связи с участием некоторых из них в знаменитой революционной сходке-демонстрации 4 декабря 1887 года?

В делах министерства народного просвещения сохранился отзыв инспектора Казанского университета о характеристиках, данных Керенским своим выпускникам. В этом отзыве указывалось: «Из 14 учеников, поступивших в университет в августе месяце 1887 г., четыре оказались прикосновенными к студенческим беспорядкам и, к крайнему сожалению, **между ними Ульянов, окончивший курс с золотой медалью, но и в его характеристике указано на излишнюю замкнутость, чуждаемость от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимость, что он и обнаружил.** Прочие же ученики продолжают оправдывать хорошую аттестацию, сделанную о них гимназией» [1].

Подчеркнутые нами строчки являются подтверждением того, что характеристика, составленная Ф. М. Керенским на Владимира Ульянова, имела отрицательные оттенки.

ВЫПУСК 1887 ГОДА

После экзаменов Владимир, как и другие его соученики, получил еще одно свидетельство об учебе — выпускную фотографию своего класса. Сейчас один из таких подлинников экспонируется в Казанском Доме-музее В. И. Ленина, а копии — в других музеях.

[1] На самом деле поступило не 14, а 15 симбирян.

Памятный снимок — давняя традиция выпускников. Ее соблюдал в 1883 году и класс Александра Ульянова. Но тогда юноши сфотографировались в непринужденных позах и без начальства. Выпуск 1887 года по инициативе директора был оформлен по-казенному и с очевидным желанием подчеркнуть тип учебного заведения. Это было понятно каждому, кто в то время держал в руках фотомонтаж, изготовленный в мастерской Б. Р. Бика (инициалы и фамилия его указаны в самом низу, под снимком здания гимназии).

Особенность школы такого типа на фотографии подчеркнута определенной символикой. Все надписи сделаны на древних языках. На развернутых листах написана по-латыни пословица: «Ум человека учением и мышлением питается», а на нижнем свитке: «Конец венчает дело». О главном свидетельствуют виньетки, на которых запечатлены стопки книг. Справа представлены произведения римлян: Цицерона, Цезаря, Т. Ливия, Саллюстия и Овидия; слева — греческих авторов: Ксенофонта, Геродота, Сократа, Демосфена, Софокла.

В центре находится портрет Ф. М. Керенского. Вверху над ним — такого же увеличенного размера — снимок классного наставника А. Ф. Федотченко. Вокруг директора — инспектор, законоучитель, преподаватели восьмого класса и помощник классных наставников. Остальные 27 портретов — это учащиеся.

Что же это был за класс? С кем из сверстников на протяжении восьми лет Владимир тянул гимназическую лямку? На эти вопросы в литературе даются противоречивые ответы.

«Если взять класс, в котором учился Владимир Ильич,— писал Н. О. Рыжков,— то в 79—80 году в нем из I-го во II-й из 26 ч. было переведено лишь 21 ч., или 81%; в 80—81 г. из II-го в III-й из 35 ч. только 24, или 69%; в 81—82 г. из III-го в IV-й из 37 ч. лишь 21, или 57%; в 82—83 г. из IV в V из 48 ч. уже только 24, или 50%»[1].

Показав, говоря его словами, «жуткую картину прогрессивно возрастающего отсева», исследователь уклонился от установления соучеников Владимира по всему гимназическому курсу. И это — не случайно, ибо в архи-

[1] Н. О. Рыжков, стр. 24.

вах не сохранились полные списки учащихся Симбирской гимназии за 1879/80 учебный год.

Пробел в документах попытался восполнить по памяти М. Ф. Кузнецов. На выпускной фотографии он отметил кружочками фамилии семи гимназистов, в том числе Ульянова, которые все школьные годы занимались вместе.

С этим мнением согласился А. Л. Карамышев, утверждая, что в первый класс с Владимиром «поступило 30 учеников, но только 7 из них дошли вместе с ним до конца гимназического курса» [1].

А. Н. Молева считает, что с первого класса до выпуска вместе с Владимиром Ульяновым учились только четыре человека из 30 [2].

Любой из этих подсчетов свидетельствует об огромном отсеве: в 1887 году гимназию окончило 16—26 процентов первоклассников 1879 года. Но истина познается в сравнении. В исследованиях о пореформенной школе России указывается, что в целом картина была еще более мрачной. «Для ученика первого класса,— писал С. М. Степняк-Кравчинский,— шансы пройти все классы и поступить в университет составляют девять к одному, это значит, что восемь девятых отпадают» [3].

Эти данные, почерпнутые писателем-революционером из официальной статистики, почти в три с половиной раза выше сведений М. Ф. Кузнецова. Таким образом, получалось, что в Симбирской гимназии отсев был значительно меньше, чем в среднем по стране. Но в это трудно было поверить. Изучение архивных дел показало, что в 1879/80 учебном году в ней имелись два первых класса (нормальный и параллельный, или «А» и «Б») и в них обучалось не 26—30, а 55 мальчиков. Следовательно, школу «избиения младенцев» (выражение Степняка-Кравчинского) вместе с Володей Ульяновым начала почти вдвое большая группа сверстников, чем это предполагалось ранее.

Анализ и сопоставление протоколов педагогического совета, списков учащихся за 1878—1887 годы, прошений

---

[1] А. А. Карамышев, стр. 104; см. также: А. Иванский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 73.

[2] Семья Ульяновых. Саратов, 1966, стр. 49.

[3] С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. М., 1965, стр. 268.

родителей и других документов позволили восстановить состав каждого из первых классов. Розыски показали, что соучениками Владимира на всем протяжении учебы были только трое гимназистов из 27, державших экзамены по программе первого года обучения. Это — сыновья крестьян М. Кузнецов и А. Писарев, а также приемный сын купца Н. Кутенин.

Кроме того, В. Андреев, П. Виноградов, А. Дардальонов, П. Козлов находились в параллельных классах и с 1883 года также стали соучениками Владимира Ульянова. С учетом этого факта возникло новое соотношение числа учеников, прошедших благополучно через весь курс обучения: 8 к 55 (то есть 14,5 процента). Такой показатель очень близок к тому, который приводил Степняк-Кравчинский. Следовательно, Симбирская гимназия по уровню отсева была типичной, и об этом хорошо знал Владимир Ульянов, ибо такое типичное явление трагически отражалось на судьбе его школьного окружения.

Уже в четвертом классе осталось только девятеро из 27, занимавшихся в 1879/80 учебном году в первом «нормальном». Но, пожалуй, самым трудным оказался пятый класс, скомплектованный из четвероклассников, второгодников и выпускников Алатырской и Вольской прогимназий.

Директор Ф. М. Керенский, взявший на себя обязанности классного наставника этой самой большой в гимназии группы (61 ученик), решил разделаться с большинством из тех, кто, по его убеждению, не был достоин продолжать учебу в следующих старших классах. Двойки сыпались как из рога изобилия. В первой четверти по математике, русской словесности, латинскому языку и истории не успевало по 9—12 учеников, а по греческому — 20. Высшего балла удостаивались лишь Владимир Ульянов и еще один-два одноклассника.

В результате непосильных требований, предъявленных на переводных экзаменах, в шестой класс перешел 41 ученик. Но и здесь все возрастающие трудности изучения древних языков оказались для многих непреодолимыми. Только по греческому языку на письменном экзамене неудовлетворительные оценки получили 15 гимназистов. И, наконец, уже в седьмом классе, в основном (25 из 27 человек) сформировался выпуск 1887 года.

Владимир Ульянов один из выпускного класса мино-

вал приготовительный класс и учился в гимназии восемь лет. Все остальные, включая и тех его соучеников, которые прошли с ним весь курс, занимались в ней по девяти и более лет. Одиннадцать выпускников 1887 года в каком-либо из низших классов были второгодниками. Некоторые из них испытали эту горечь дважды...

Владимир Ульянов был самым молодым по возрасту. Три гимназиста (Н. Акаемов, П. Козлов и Л. Сергеев) были старше его на один год, подавляющее большинство (18 человек) — на два-три года, а пятеро гимназистов по закону считались совершеннолетними: А. Котельников, И. Иванов и В. Кузнецов — 1866, М. Забусов — 1865 и А. Адрианов — 1864 года рождения.

Каким же был социальный состав выпускного класса? Некоторые исследователи утверждают, что как Александр, так и Владимир Ульяновы окружены были в гимназии «главным образом детьми дворян, чиновников и купцов» [1].

Действительно, со стороны правительства делалось все возможное, чтобы воспрепятствовать учебе в классической гимназии детям трудящихся. Для этого вводились трудные вступительные экзамены, высокая плата за обучение, очень сложная программа курса древних языков, обязательное ношение форменной одежды. Помимо того, рассылались циркуляры, обязывавшие преподавателей особенно бдительно наблюдать за учебой и поведением выходцев из податных сословий.

Однако пореформенное развитие страны требовало все большего числа разнообразных специалистов и даже некогда привилегированные учебные заведения становились бессословными, типично буржуазными. А в буржуазной школе, указывал В. И. Ленин, «образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех **имущих...** Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников **только одно:** чтобы он заплатил за свое обучение» [2].

Деньги имелись далеко не у всех желающих, и дети некоторых симбирян могли учиться в гимназии лишь благодаря заработкам, репетиторствам, помощи благотворительного «общества святого Сергия Радонежского»,

---

[1] А. Иванский. Молодой Ленин, стр. 79.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 476.

пожертвованиям отдельных меценатов и пособиям, выдаваемым дирекцией наиболее успевающим и «благонравным».

Следует также иметь в виду, что немало дворян предпочитало помещать своих сыновей в Симбирский кадетский корпус, дававший среднее образование.

Вот почему оказалось так, что из 27 выпускников детей дворян было только трое, зато мещан — 8, служащих — 7, крестьян — 4, столько же купцов и двое происходили из духовного сословия [1].

Эти данные свидетельствуют, как видно, об обратном: Владимир Ульянов в последнем классе находился в основном среди разночинной молодежи.

Длительная учеба в классической гимназии, где весь строй, каждый урок, были подчинены интересам господствующих классов, не могла не сказаться на складе характера и мировоззрения большинства выпуска 1887 года. К ним в полной мере относятся слова В. И. Ленина, что за годы учения в школе «зубрежки и муштры» они превращались в «подогнанных под общий ранжир чиновников», верных слуг правительства [2].

За внешней покорностью юношей начальству скрывались ненависть к классицизму, недовольство новым университетским уставом, беспокойство о своем будущем.

За исключением П. Козлова, утопившегося, по словам М. Кузнецова, вскоре после окончания гимназии, всем остальным удалось в том же году поступить в высшие учебные заведения. Пятнадцать человек, в том числе Владимир, стали студентами Казанского университета, восемь — Московского, один — Петербургского и двое — Ярославского Демидовского юридического лицея и Казанского ветеринарного института.

Еще перед выпуском 13 гимназистов избрали своей специальностью юриспруденцию, остальные решили стать врачами, учителями, чиновниками различных ведомств.

Выбор многими гуманитарных факультетов не слу-

---

[1] В числе служащих были: П. Козлов — сын учителя рисования, Л. Сергеев — сын фельдшера. Их нельзя, как это делает А. Иванский, включать в группу «из дворян и чиновников».

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 303.

чаен. Для одних вследствие ограниченности изучавшихся в гимназии курсов точных и естественных наук они были единственными путями получения высшего образования. Другие считали специальность юриста, историка или филолога наиболее перспективной для продвижения по учебной службе или чиновничьей лестнице.

Возможно, что некоторые соученики Владимира Ульянова, такие как К. Глядков и В. Разумов, избрали юридический факультет потому, что там имелась возможность более глубокого изучения общественных наук.

«Выбиться в люди» удалось только сыну крупного помещика А. Наумову, получившему в 1915 году пост управляющего министерством земледелия России. Все остальные стали учителями, врачами, служащими. За исключением К. Глядкова[1] — будущего левого эсера — никто из них не принимал активного участия в революционном движении.

И вряд ли с кем-нибудь из одноклассников Владимир делился в трудные дни весны 1887 года своими сокровенными переживаниями и планами на будущее. Но он, наверное, был в душе признателен хотя бы за то, что никто в классе не порицал открыто участие Александра Ильича в покушении на царя.

«МЫ ПОЙДЕМ НЕ ТАКИМ ПУТЕМ»

Даже с близкими Владимир Ильич избегал говорить о драматических днях своей юности. «Я никогда не спрашивала, — вспоминала Надежда Константиновна, — а он никогда не рассказывал о том, что он пережил и передумал в то время. Он рассказывал только, как мужественно пережила этот удар его мать, а в тоне его, когда он рассказывал, звучало глубокое чувство любви и к матери и к брату...»[2].

Владимир тяжело переживал трагическую гибель любимого человека. Прежде всего он пытался представить все обстоятельства, побудившие Александра так неожиданно вступить в смертельную схватку с правительством.

---

[1] См.: Г. Хант. Штрих за штрихом.— «Правда», 1968, 5 декабря.

[2] Б. Волин. Студент Владимир Ульянов. М., Детгиз, 1959, стр. 52.

Главное для него было ясно: поступок этот сделан совершенно сознательно. Об этом свидетельствует В. В. Кашкадамова, часто заходившая к Ульяновым после отъезда Марии Александровны в Петербург. Когда приходилось говорить об Александре, вспоминала учительница, Владимир повторял: «Значит, он должен был поступить так,— он не мог поступить иначе».

Об отрицательном отношении Александра к существующему строю знали в семье. Даже одиннадцатилетнему Мите запомнились тревожные слова отца, сказанные Анне летом 1885 года перед ее отъездом в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

Критика правительства и его реакционной политики заметна в письмах Александра к родителям, которые Владимир перечитывал после ареста брата.

«Сегодня были похороны Тургенева,— писал он 27 сентября 1883 года.— Мы с Аней тоже ходили, видели процессию, массу венков и народа и гроб... но на кладбище пройти было нельзя». Кроме профессоров А. Н. Бекетова и С. А. Муромцева, литераторов А. Н. Плещеева и Д. В. Григоровича, с явным неудовольствием продолжал Саша, «никому не позволено было говорить».

Через три года он напишет в прокламации по случаю разгона добролюбовской демонстрации: «...правительство враждебно к самым общекультурным стремлениям общества. Вспомним похороны Тургенева, на которых в качестве представителей правительства присутствовали казаки с нагайками и городовые».

В письмах от 4 и 23 октября 1884 года также отчетливо выражено недовольство Александра новым реакционным университетским уставом: В. И. Семевский, «приват-доцент русской истории и очень хороший профессор, не будет, говорят, больше читать; устав начинает сказываться единственной хорошей стороной — расширением приват-доцентуры».

Ректор нашего университета Ф. М. Дмитриев, сообщал Александр отцу о его хорошем симбирском знакомом в письме от 18 января 1885 года, «уволен согласно прошению», как сказано в указе. Говорят, он подал в отставку по несогласию с новым университетским уставом...»

Я доволен обедами в кухмистерской, устроенной «через складчину между студентами»,— писал сын в одном

из писем матери. А в другом — от 7 апреля 1886 года — с сожалением пояснял, что она закрыта «сегодня по распоряжению градоначальника. Придется устроиться с обедами где-нибудь в другом месте» [1].

Владимир, конечно, понимал, что закрытие властями кухмистерской является лишь одним из проявлений нового устава, поставившего вне закона любые студенческие организации, даже кассы взаимопомощи.

Несомненно, что старший брат тяжело переживал те гонения, которым подвергался Илья Николаевич и руководимые им школы губернии. И кому не ясно, что ненормален общественный строй, господствующие классы которого боятся просвещения народных масс.

Естественна была и нетерпимость Александра к остаткам крепостничества, угнетению нерусских народностей, произволу и взяточничеству чиновничества, безнравственности духовенства, бессовестной эксплуатации рабочих фабрикантами.

Картины обнищания крестьянства можно было наблюдать повсеместно. Одна из них запечатлена «Самарской газетой» 12 июня 1887 года: «На всех главных улицах города,— сообщалось на ее страницах о Симбирске,— во всякое время дня, осаждают прохожих целые толпы оборванных крестьян обоего пола, просящих милостыню...»

Честный человек, любящий свою родину, не мог мириться с невыносимыми условиями, в которых жил его многострадальный и талантливый народ. Легальные возможности протестовать против произвола и насилия угнетателей, а тем более для пропагандистской деятельности среди трудящихся, почти отсутствовали.

Из этих очевидных фактов Александр, нетерпимо относившийся ко всякой несправедливости, сделал для себя один вывод. Владимир, тоже тяжело переживавший страдания своего народа,— другой.

О терроре Владимир слышал немало, ибо, как указывала Надежда Константиновна, принадлежал к поколению, на глазах которого происходили «схватки народовольцев с царизмом».

В год поступления Владимира в первый класс гимна-

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, стр. 10, 16, 18, 20, 32.

зии прогремели выстрел А. Соловьева и взрыв мины под железнодорожным полотном в Москве. В начале февраля следующего года Симбирск узнал о новом дерзком покушении на царя — взрыве в Зимнем дворце, подготовленном Степаном Халтуриным.

Приведение в исполнение народовольцами своего приговора царю 1 марта 1881 года ошеломило Россию. В последующее пятилетие печать неоднократно сообщала об убийствах губернаторов, чинов прокуратуры, жандармерии, полиции, сыскной службы, предателей. А реакционные круги, не выполнив требований революционеров о земле и воле, даже еще больше обнаглели.

О малоэффективности террора как метода политической борьбы убеждали и события после 1 марта 1887 года. Владимир понимал, что брат и его товарищи надеялись запугать Романовых. Хотя покушение и не удалось, эта одна из главных целей была ими почти достигнута: царь убедился, что только случайность спасла ему жизнь и что возможны новые акты посягательства на него и наследников престола. Но он не отказался от прежнего внутриполитического курса. И не потому, что был храбрым. На сохранении неограниченного самодержавия настаивали катковы и победоносцевы, помещики, крупные промышленники и финансисты, наиболее влиятельные отцы церкви.

Уже 8 марта князь В. П. Мещерский в своем «Гражданине» взывал к мракобесам: «...да послужит это дважды проклятое число 1-е марта для нашей русской школы днем глубокого раздумья». Князь призывал сделать все, чтобы «самый малый процент молодежи тянулся в гимназии и в университеты», а наибольший — «оставался на своих местах».

Его единомышленник, член совета министра народного просвещения Н. А. Любимов, в газете «Свет» предложил для достижения этой цели ликвидировать приготовительный и первые два класса гимназий.

Эти и другие требования апологетов самодержавия благосклонно воспринимались царем. В марте началось «очищение» столичного университета от «неблагонадежных» студентов. Вышло в свет распоряжение, на основании которого в него закрывался доступ выпускникам гимназий провинциальных учебных округов.

В мае произошла чистка в других высших учебных

заведениях страны. Из Казани, например, были высланы в Симбирск бывшие одноклассники Александра Ульянова Н. Войцеховский, Д. Гончаров, Н. Тимонов.

Министр народного просвещения И. Д. Делянов издал циркуляр, предписывавший резко повысить плату за обучение в университетах и гимназиях, преградить доступ детям «кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.» в средние учебные заведения. С этой же целью были закрыты приготовительные классы в гимназиях.

Весной в Симбирск поступило известие о прекращении приема на высшие женские курсы в Казани. Эта правительственная мера с особым огорчением была воспринята Владимиром Ульяновым. Он понимал, что в России теперь не осталось высшего учебного заведения, куда бы могла поступить его сестра Ольга.

Обозреватели «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» с тревогой сообщали читателям о стремлении сторонников «жесткого» курса правительства урезать и без того куцые права земского самоуправления, пересмотреть пореформенное законодательство и судопроизводство, передать полноту власти в уездах поместному дворянству, разжечь национальную вражду.

В общем, после второго «1 марта» реакция усилилась. Но герои-народовольцы пали не напрасно, указывал впоследствии Владимир Ильич. Они «способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа» [1].

«Не таким путем надо идти» — к такому выводу пришел семнадцатилетний Владимир Ульянов. И несомненно, что верная дорога ему была подсказана марксизмом.

Идеи научного социализма начали проникать в симбирскую глушь давно. Еще в 40-х годах П. В. Анненков познакомился с Марксом и Энгельсом, вел с ними переписку. Во время одного из приездов в родное симбирское село Чириково известный критик и мемуарист встречался с И. Н. Ульяновым и не без его влияния открыл там школу для крестьянских детей. В 1880 году Анненков опубликовал в либеральном «Вестнике Европы» очерк «Замечательное десятилетие», в котором поделился и о своих встречах с Марксом. Ульяновы регулярно читали

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

этот журнал и, конечно, обратили внимание на публикацию земляка.

Неподалеку от квартиры Ульяновых на Стрелецкой улице в 70-х годах жил В. А. Головинский, читавший в кружке М. В. Петрашевского-Буташевича «Нищету философии» К. Маркса еще в 1849 году.

В селе Каменке, где имением О. С. Левашевой управлял Владимир Иванович Захаров, самый давний и близкий друг Ильи Николаевича, проживала с 70-х годов и сама хозяйка. Приехала она из Женевы, где принимала деятельное участие в Русской секции I Интернационала. Ее знали Карл Маркс и члены его семьи, она выполняла некоторые их поручения. Илья Николаевич бывал в Каменке, навещал обоих политических поднадзорных. Несколько раз упоминал в своих отчетах их полезную деятельность в просвещении крестьянских детей [1].

В 1876 году Карамзинская библиотека, которой пользовались Ульяновы, приобрела русское издание «Капитала» К. Маркса. Имелись в ее фондах нашумевшая книга В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», книжки «Отечественных записок», где печатались статьи о главном труде основоположника научного социализма.

Идеи марксизма проникали в Симбирск через революционных народников, охотно заимствовавших у Маркса его критику капитализма. Так, в средине 70-х годов у сына учителя мужской гимназии С. Чугунова при обыске был найден «Капитал» Маркса. Летом 1875 года в Сызрани вел пропаганду среди железнодорожных рабочих студент-революционер А. Л. Теплов. При аресте жандармы изъяли у него 32 брошюры и среди них «Историю развития Интернационала», «Парижскую коммуну» и другие. Часть этой литературы Теплов получил из рук В. И. Засулич, с которой встречался незадолго до ареста в Пензе [2].

Симбирский помещик Б. П. Мачеварианов в письме к своему приятелю негодовал по поводу того, что через журналы «Отечественные записки» и «Дело» молодежь знакомится с западноевропейскими идеями «нигилис-

---

[1] ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 188, л. 64.

[2] ЦГАОР, ф. 109, 3-я экс., 1874, д. 144, ч. 80, л. 21. См. также: Ж. Трофимов. В русском городе Симбирске.— «Красная звезда», 1968, 5 мая.

тов, социалистов, демократов». Другой местный консерватор В. П. Юрлов в газетной заметке нападал на передовую русскую печать за пропаганду понятий «о равенстве, братстве и чуть ли не коммунизме». Юрлов утешал себя тем, что основатели этих, по его мнению, «эфемерных» идей, «славу богу, живут далеко за пределами нашего отечества».

Но никакие заклинания противников марксизма не могли приостановить его распространения, и с каждым годом рос интерес симбирян к революционной теории.

Любопытно, что даже священник-реакционер, выступая 6 апреля 1880 года со статьей в «Симбирской земской газете» о «Причинах упадка крестьянского земледельческого хозяйства и о устранении этих причин», счел нужным для усиления своей аргументации в пользу земских сельскохозяйственных школ сослаться на Маркса в том, что «юридические и политические формы суть только надстройка над экономическими формами».

Другой автор газеты, отмечая «образование сельского пролетариата», что, по его мнению, «приближало коммунизм», призывал всеми «средствами укреплять и расширять общинное землевладение» [1].

Задумывался над идеями марксизма и практической деятельностью западноевропейской социал-демократии давний знакомый Ульяновых В. Н. Назарьев. Из наброска статьи, написанного в Симбирске, видно, что писатель интересовался трудами К. Маркса и материалами съездов социал-демократов в Германии. Однако он не сумел четко разграничить взгляды теоретиков научного социализма и порою отождествлял их с воззрениями вульгарных материалистов.

В 80-х годах на положении ссыльного в Симбирске проживал видный революционер-народник А. С. Бутурлин, с которым Илья Николаевич встречался на заседаниях в Карамзинской библиотеке. Бутурлин в этот период серьезно изучал «Капитал», и именно поэтому к нему, как «социалисту и знатоку политической экономии», решил обратиться за разъяснениями сын Льва Толстого Сергей Львович [2].

---

[1] «Симбирская земская газета», 1881, 23 августа.

[2] М. Х. Валкин. Александр Сергеевич Бутурлин. Ульяновск, 1961, стр. 62.

Студенты-симбиряне, вращаясь в революционных кружках столичных и университетских городов, имели, конечно, больше возможностей для ознакомления с социалистической теорией. В ней они искали ответы на волновавшие их вопросы. Они везли на родину или пересылали туда с оказией социалистическую литературу.

Главные труды Маркса и Энгельса, издания плехановской «Группы освобождения труда» имелись в гимназической библиотеке кружка В. А. Аверьянова. Владимир Ульянов видел, как в последние два каникулярных лета старший брат углубленно изучал «Капитал» и другую социально-экономическую литературу.

Важную роль в усилении внимания революционной молодежи к идеям научного социализма сыграл рост пролетарского движения в России. С 1881 по 1886 год в стране произошло более 48 стачек, в которых участвовало 80 тысяч рабочих. Крупнейшей из них была Морозовская стачка ткачей, о которой много говорилось в печати. О ней, конечно, знали и в семье Ульяновых.

Анна Ильинична считала, что «определенных политических взглядов у Володи в то время не было». Однако стремление «подражать брату, искание путей, конечно, было».

Эти напряженные поиски ознаменовались весной 1887 года заявлением, ставшим историческим: «Мы пойдем не таким путем».

ОТЪЕЗД ИЗ СИМБИРСКА

Еще два года назад Марии Александровне казалось, что в Симбирске она осела навсегда. Ей, как и детям, у которых здесь прошли детство и юность, нравился этот сравнительно тихий и уютный городок с умеренным климатом. Она очень привыкла к своему дому, ей дорог был с таким трудом выращенный сад.

Скоропостижная кончина Ильи Николаевича заставила пересмотреть перспективу дальнейшей жизни. Выдающиеся успехи Саши в учебе и научной работе не оставляли сомнений, что он станет крупным ученым и, следовательно, жить будет в университетском городе. В Петербург или Казань после выпуска из гимназии должны ехать Владимир и Ольга.

О намерениях Марии Александровны, разделявшихся и ее детьми, знали близкие знакомые. Это видно, например, из письма инспектора народных училищ Симбирской губернии А. А. Красева к бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому от 17 октября 1886 года.

«Наши симбирские знакомые,— делился новостями Красев,— живут большею частью по-старому и в старых местах. Марья Александровна Ульянова думает продавать, впрочем, свой дом; но решится ли и когда именно — ничего неизвестно. Анна Ильинична все еще продолжает курсы в Петербурге и живет там вместе с Сашей Ульяновым, отличным студентом Петербургского университета» [1].

Трагическая гибель старшего сына и назначение Ане местом пятилетней ссылки отдаленные районы Восточной Сибири вынудили Марию Александровну принять решение о незамедлительном отъезде из Симбирска.

Добившись с большим трудом разрешения отбывать Анне гласный надзор в Кокушкино, Мария Александровна решает переехать в Казань, потому что при таком исходе дела Владимиру не оставалось ничего другого, как учиться в здешнем университете. Обо всем этом она подробно говорила с дочерью во время двухдневной поездки в поезде из Петербурга, а затем в каюте парохода на пути от Нижнего Новгорода до Симбирска.

Именно в связи с предстоящим переездом и был выбран маршрут через Нижний и Казань, хотя он был дороже и длительнее, чем Петербург — Москва — Сызрань — Симбирск. В период стоянки парохода в Казани Мария Александровна имела возможность встретиться и обсудить со своими сестрами детали устройства в Кокушкино, а также вопрос о подыскании квартиры в городе, когда у Володи начнутся занятия в университете.

Конечно, отношение некоторой части «общества», которая стала «не узнавать» членов семьи Александра Ульянова, сыграло определенную роль в ускорении подготовки к отъезду.

Уже через несколько дней после приезда Мария Александровна сдала в редакцию «Симбирских губернских ведомостей» объявление, которое было помещено в газете 30 мая. В нем сообщалось: «По случаю отъезда

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 51, л. 17 об.

продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой». 3 и 10 июня это объявление вновь появлялось в «Ведомостях», и только после этого нашелся покупатель[1]. Рояль, правда, не был продан и перевезен в Казань.

В литературе о семье Ульяновых указывается лишь приблизительное время их отъезда из Симбирска: конец июня 1887 года. По-разному описывается и сам отъезд.

Так, Н. Нечволодова и Л. Резниченко утверждают, что Владимир Ильич уехал в Казань один[2]. Ю. Яковлев и Е. Драбкина пишут, что туда раньше всех, и притом одна, отправилась Анна Ильинична[3]. И. Попов считал, что Владимир Ильич отправил Дмитрия и Маняшу в Кокушкино до приезда матери из Петербурга[4].

На самом же деле Ульяновы покидали город иначе. В выяснении истинной картины помогает секретное «Дело по сообщению департамента полиции об учреждении за дочерью действительного статского советника Анной Ульяновой полицейского надзора во время пребывания ее в гор. Симбирске», заведенное в канцелярии симбирского губернатора 25 мая 1887 года.

Из него видно, что, руководствуясь указаниями из Петербурга, губернатор предписал городскому полицмейстеру «учредить за Ульяновой на время пребывания ее в Симбирске самый бдительный надзор полиции». Одновременно он проинформировал о прибытии важной поднадзорной и начальника губернского жандармского управления[5].

Вот этот-то сугубо официальный источник свидетельствует, что Анна Ильинична выехала из Симбирска «20-го июня в 9 часов вечера на Меркурьевском пароходе в г. Казань». В тот же день симбирский губернатор проинформировал об этом департамент полиции и казанского губернатора.

Из завязавшейся переписки между полицейскими чинами видно, Анна Ильинична «прибыла в Кокушкино,

---

[1] Им был полицмейстер Минин А. Н.

[2] Н. Нечволодова, Л. Резниченко. Юность Ленина. М., 1969, стр. 187.

[3] Ю. Яковлев. Первая бастилия. М., 1965, стр. 4—6; Е. Драбкина. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1970, стр. 44.

[4] И. Попов. Семья. М., 1952, стр. 63.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, лл. 5, 24.

в имение тетки своей г. Пономаревой, 23-го числа сего июня в 1-м часу утра... При ней находятся прибывшие с ней же брат Дмитрий, 13 лет, воспитанник Симбирской гимназии 4 класса и сестра Мария 9 лет».

Расписание движения почтово-пассажирских пароходов, публиковавшееся в «Симбирских губернских ведомостях», подтверждает правильность рапорта симбирского полицмейстера. Действительно, 20 июня 1887 года из Симбирска отправлялись пароходы американского типа общества «Кавказ и Меркурий», один в восемь утра, другой — в девять часов вечера.

Нетрудно понять, почему именно часть семьи Ульяновых выехала не утром, а вечером. Последний рейс позволял Анне Ильиничне пробыть лишний день в Симбирске и помочь матери в упаковке, распродаже имущества и других хлопотах. А их было немало, ибо даже документы Дмитрия Владимир Ильич сумел получить в гимназии только 24 июня.

Был еще один немаловажный довод для поездки вечерним рейсом: билеты на него продавались «по уменьшенной таксе».

В архивах не сохранились документы, которые указывали бы точное время отъезда из Симбирска Владимира Ильича с матерью и Ольгой. Однако из рапорта пристава второго стана Лаишевского уезда Казанской губернии теперь стала известна дата прибытия Ульяновых в Кокушкино — 29 июня 1887 года[1].

Путь из Симбирска до Кокушкино Анна Ильинична проделала за 52 часа (с небольшой остановкой в Казани). Следовательно, ее родные покинули Симбирск 26 или 27 числа. Если они выехали в пятницу, то в восемь утра на почтово-пассажирском пароходе общества «Самолет». В субботу 27 июня на Казань шли два парохода общества «Кавказ и Меркурий»: в восемь утра и девять вечера.

Думается, что Ульяновы уехали на последнем. К приведенным выше доводам, объясняющим выбор Анной Ильиничной этого рейса, можно добавить еще один: Мария Александровна и ее дети могли решиться на ночевку в осиротевшем доме лишь с тем, чтобы использовать для отъезда дневное время.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, д. 13, лл. 6—9, 21.

Как 26, так и 27 июня погода была ясной и жаркой. Днем воздух прогревался в тени до 31 градуса по Цельсию, и даже к вечеру термометр показывал 26—27 градусов тепла.

В эти самые продолжительные дни года темнело поздно, и отъезд Ульяновых происходил на глазах как соседей, так и всех любопытных обывателей. Некоторые сочувствовали Марии Александровне и с жалостью говорили о «роке, нависшем над ее семьей».

Неизвестно, кто именно из близких знакомых провожал до пристани семью покойного директора народных училищ. Но весьма вероятно, что в числе их был и просветитель чувашского народа Иван Яковлевич Яковлев с женой, народная учительница Вера Васильевна Кашкадамова, акушерка Анна Дмитриевна Ильина, принимавшая в Симбирске, начиная с Володи, всех детей Марии Александровны, учитель чувашской школы Никифор Михайлович Охотников, гимназическая подруга Ольги Ильиничны Александра Феодосьевна Щербо, врачи Александр Александрович Кадьян и Иван Сидорович Покровский.

Тягостным, конечно, было состояние Марии Александровны, когда от пристани отчалил пароход и стал удаляться от города, где она прожила почти 18 лет, где покоился прах Ильи Николаевича. Переживали прощание с родным Симбирском Ольга и Владимир, но они, полные сил и энергии, уже больше думали о завтрашнем дне.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ КРЕЩЕНИЕ

Около месяца побыл Владимир Ильич с родными в Кокушкино. 29 июля он снял копии с метрического свидетельства о рождении, аттестата зрелости, свидетельства о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности и с формулярного списка о службе Ильи Николаевича [1].

В этот же день он по строго установленной форме написал прошение на имя ректора Казанского универси-

---

[1] В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., Политиздат, 1970, стр. 28.

тета с просьбой о зачислении его на первый курс юридического факультета. При этом были приложены копии указанных выше документов и два фотографических портрета, изготовленных весной в Симбирске.

Вначале на прошении появилась резолюция: «Отсрочить до получения характеристики». Через две недели, когда наконец поступила характеристика, ректор Н. А. Кремлев дал указание: «Принять». Двадцать пятого августа начались занятия в университете, а 2 сентября Владимир Ульянов, как и все первокурсники, подписал в канцелярии типографски отпечатанное «Обязательство». В нем давалось обещание «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства»[1].

Такое обещание в свое время дали и старшекурсники, но нелегальный студенческий суд специальным постановлением освобождал молодежь от выполнения вынужденно данного слова.

Несмотря на исключение и высылку из Казани весной 1887 года активистов симбирского студенческого землячества, оно осенью возобновило свою деятельность. Более того, как это видно из ноябрьской информации, присланной ректору начальником Казанского губернского жандармского управления, в последнее время деятельность его «заметно усилилась присоединением студентов бывшего самарского землячества»[2].

Студенты-симбиряне, знавшие Владимира Ульянова по гимназии, вскоре избрали его, выделявшегося смелостью, принципиальностью и большой начитанностью, своим представителем в общеуниверситетский союзный совет землячеств.

В работе симбирско-самарского землячества, как установил профессор Р. И. Нафигов, активное участие принимали высланные из столицы А. Амбарова и Ю. Белова — члены социал-демократической организации П. В. Точисского. Первая из них, имея «большое соприкосновение с симбирским землячеством, побуждала членов

---

[1] Н. Зильберштейн. Молодой Ленин.— «Москва», 1958, № 4, стр. 7.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 92, д. 17329, л. 28.

этого землячества к действиям, имеющим характер протеста против существующего порядка» [1].

Деятельность Владимира Ильича протекала не только в землячестве. Осенью он вступил также в революционный кружок Л. Богораза — А. Скворцова и вследствие этого обратил на себя особое внимание жандармерии. «Департамент полиции,— говорилось в одном из документов,— придает особое значение отношениям Богораза и Скворцова с Воскресенским, Константином Выгорницким и Владимиром Ульяновым, в особенности же с последними двумя» [2].

В этом кружке, состоявшем по преимуществу из «близких товарищей их по месту родины и образованию», то есть по Таганрогу и Симбирску, изучали произведения Маркса, Чернышевского, Писарева, Щапова, оживленно обсуждали злободневные вопросы общественно-политической жизни страны. Кружковцы вели конспиративную переписку с товарищами Александра Ульянова, налаживали связи с рабочими казанских заводов и фабрик, и, по словам Н. Е. Федосеева, лишь по недоразумению его кружок не объединился с богоразовским. Оба кружка предпринимали усилия для создания централизованной революционной организации.

Студенческие волнения, вспыхнувшие 22 ноября 1887 года в Москве, а затем и в других университетах, нашли живой отклик в Казани. В этот же день симбирско-самарское землячество устроило вечер, на котором присутствовали слушательницы повивального института и фельдшерских курсов. Здесь особенно ярко прозвучали стихи Е. Чирикова, отличавшиеся, по словам шпиков, «крайне вредным направлением». Сотни экземпляров стихов были разосланы по почте [3].

Двадцать девятого ноября это землячество устроило новое собрание, продолжавшееся «с 10 часов вечера до 4-х часов утра; гостей было человек 70». И на сей раз разговоры велись, по данным инспектора студентов университета, в «антиправительственном духе».

---

[1] Р. И. Нафигов. Первый шаг в революцию. В. И. Ульянов и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970, стр. 88.

[2] Г. Е. Хант. В казанском кружке. — «Новый мир», 1958, № 4, стр. 190.

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, д. 17329, л. 13. См. также: Ж. Трофимов. Революционное крещение.— «Неделя», 1969, № 16, стр. 4—5.

В этом же месяце по инициативе симбирян состоялся нелегальный общестуденческий суд над выпускником Симбирской гимназии К. Милоновым. Суд обвинил его в доносе инспектору о существовании симбирского землячества, а также в присвоении денег, присланных из Симбирска для нуждающихся студентов-земляков. Листовка с приговором над доносчиком была размножена на гектографе, широко распространена и сыграла важную роль в сплочении демократически настроенной молодежи.

Как только стало известно, что правительство жестоко расправилось с участниками студенческих волнений в Москве, представители землячеств Казани собрались на конспиративное совещание. Здесь при участии Владимира Ильича было принято решение провести 4 декабря общегородскую сходку-демонстрацию с тем, чтобы выразить свой протест правительству против «разыгравшейся во всю ширь реакции» [1].

Активную роль Владимира Ильича в подготовке этого выступления заметил инспектор студентов, который отметил в специальном донесении, что Ульянов «еще за два дня до сходки подал повод подозревать его в приготовлении чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с наиболее **подозрительными студентами; уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вел себя очень странно»** [2].

Тщательно готовились к сходке и власти: совершали обыски, инструктировали своих осведомителей, приводили в боевую готовность войска и полицию. Но ничто не остановило студентов, 4 декабря в 12 часов дня около 250 из них, прекратив занятия, устремились в актовый зал. В первой партии туда с криком пронесся Владимир Ульянов, «махая руками, как бы желая этим воодушевить других» [3].

Одновременно со студентами университета выступили слушатели ветеринарного института. Ветеринары, возглавляемые К. Выгорницким, Н. Мотовиловым и А. Скворцовым — товарищами В. Ульянова по революционному кружку, предъявили свои требования дирек-

---

[1] «Красный архив», т. 62. М., 1934, стр. 59.
[2] «Москва», 1958, № 4, стр. 46.
[3] «Красная летопись», 1924, № 1, стр. 55.

тору, а затем около 70 из них направились в университет и прорвались в актовый зал.

На объединенной сходке студенты одобрили текст петиции, который вручили прибывшему по их требованию ректору. Собрало нас сюда не что иное, говорилось в ней, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и представить правительству нижеследующие требования: уничтожение сословности, всякого рода препятствий для поступления в учебные заведения, расширение университетской автономии, свобода деятельности студенческих организаций, право на сходки, возвращение исключенных студентов и наказание виновников расправы с московскими учащимися [1]. Таковы основные положения этого документа.

Только угроза губернатора применить стоявшие у стен университета войска вынудили студентов окончить продолжавшуюся около четырех часов сходку. В знак протеста против насилия 99 человек, и в их числе Владимир Ульянов, бросили на стол свои входные билеты.

Вечером того же дня Владимир Ильич написал на имя ректора прошение, в котором заявил, что «при настоящих условиях университетской жизни» не признает возможным продолжать образование и просит исключить из числа студентов [2].

В ночь с 4 на 5 декабря Владимир Ильич был арестован, а на следующий день в числе 39 наиболее активных участников сходки исключен из университета. 7 декабря началась его первая, кокушкинская, ссылка.

...Выступление казанского студенчества явилось крупным политическим событием в жизни страны, вызвавшим сочувственные отклики во многих городах России и даже во Франции. Власти скрупулезно анализировали подготовку и ход студенческих волнений. Вскрыты были и новые факты видной роли в них симбирского землячества.

Соученик Александра Ульянова по гимназии Сергей Полянский, бежавший вместе с Владимиром Ильичем в актовый зал, писал 3 декабря другу в Москву: «Жду от вас описания, как московские студенты бунтовали.

---

[1] Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., 1956, стр. 56.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 551.

Я с своей стороны пришлю вам описание бунта казанцев, у сих последних на днях тоже будет сходка»[1].

Питомцы Симбирской гимназии Сергей Ферапонтов и Алексей Тургеневский-Захаров были также признаны одними из «главнейших подстрекателей к беспорядкам». Роль Л. Троицкого, М. Листова и других студентов-симбирян — всего участвовало в волнениях 20 земляков — была менее видной, но они тоже были исключены из университета и арестованы.

Увлеченные примером Владимира Ульянова приняли участие в сходке его товарищи по гимназии юристы Константин Глядков и Владимир Разумов, медики Алексей Дардальонов и Федор Стратонов. О поведении К. Глядкова в официальном донесении инспектора говорилось так: «Глядков пошел на сходку 4 декабря в первой партии, а также был в той части студентов, которая ушла из зала после моего ухода и намеревалась пробраться снова в зал со стороны геологического кабинета. В это время Глядков кричал: «Куда вы, братцы, назад идите, в зал!»[2]

Между чиновниками министерства внутренних дел и министерства народного просвещения развернулась полемика по поводу истоков антиправительственных настроений у первокурсников вообще и симбирян, в частности. Первые винили гимназию, а вторые все сваливали на влияние революционного подполья в университетских городах.

Но в конце концов инспектор Казанского учебного округа А. В. Тимофеев, дважды в 1887 году ревизовавший Симбирскую гимназию, пришел к выводу, что, «если окончившие курс в гимназии, тотчас по выходе из нее, оказываются нравственно несостоятельными, это значит, что гимназия не достигла своей цели в деле воспитания их».

А ведь почти все они, докладывал Тимофеев попечителю округа, «получают аттестат зрелости, и отзывы гимназии о нравственном направлении их вполне одобрительные, а между тем опыт указывает, что некоторые

---

[1] ЦГАОР, ф. 102, 7 сд-во, 1890, д. 105, л. 116.

[2] К. Глядков в 1905 году был одним из руководителей забастовки самарских железнодорожников, отбывал за это ссылку в Архангельске. Умер в 1935 году в Куйбышеве.

воспитанники Симбирской гимназии, едва переступившие за порог этого учебного заведения, проявляют крайнюю несостоятельность. Нельзя объяснить причины этого печального явления дурными влияниями со стороны, по выходе учеников из гимназии; если бы гимназия давала прочные нравственные начала своим ученикам, то едва ли могли бы так скоро и легко пошатнуться эти начала, и нельзя не прийти к заключению, что эти начала были слабы и шатки — вследствие слабого воздействия педагогической корпорации на учащихся»[1].

Некогда либеральный окружной инспектор в данном случае рассуждал логично. Но он ошибался, думая, что классицизм в союзе с религией мог в умелых руках задушить свободолюбивую мысль даже у лучшей части учащейся молодежи.

Ф. М. Керенский категорически отверг обвинения в адрес гимназии, заявив в объяснительной записке, что не видит «хотя бы малейшего повода к ответственности за то безрассудство, с каким ошалелые юноши, бессильные для отпора гибельных внушений, попали в «Панургово стадо»[2]. Резонно утверждая, что университетская молодежь мечется «повсюду по причинам, далеким от гимназий», он вместе с тем заявил, что Владимир Ульянов «мог впасть в умоисступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу»[3].

Эту версию развивают в наши дни на Западе буржуазные историки, специализирующиеся на фальсификации биографии В. И. Ленина. Для них аксиомой является тезис ренегата Н. Валентинова, что, если бы не случилось ареста и казни Александра Ильича, «Владимир Ульянов, вероятно, никогда бы не стал Лениным»[4].

Решительно отвергая уловки наших противников, отрицающих в своих корыстных целях объективный характер формирования марксистско-ленинской идеологии и

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 17112, л. 84.

[2] Керенский употребил выражение для характеристики молодежи, слепо следующей за «злонамеренными личностями», из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

[3] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 9804, л. 194.

[4] З. А. Левина. Против извращения биографии В. И. Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4, стр. 61.

неизбежность социалистического переустройства общества, мы помним слова Н. К. Крупской, которая говорила: «Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе,— продолжала Надежда Константиновна,— судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или в лучшем случае вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, уменье глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам» [1].

Российская действительность с ее симбирскими иллюстрациями тягостных остатков крепостничества и отвратительных пороков развивающегося капитализма рождала у каждого мыслящего честного человека ненависть к строю, основанному на эксплуатации громадного большинства населения своей родины. Замечательная семья Ульяновых, вобравшая в себя лучшие традиции русской культуры, подготовила Владимира к поиску ответов на животрепещущие вопросы, которые ставила сама жизнь. Вот почему, как образно выразился Леонид Ильич Брежнев, дух революции витал в доме Ульяновых [2]. И в этом главные причины того, что семнадцатилетний юноша решил посвятить все свои силы и знания борьбе за светлое будущее своего народа, всего человечества.

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 14.

[2] Л. И. Брежнев. Речь на открытии Ленинского мемориального комплекса в Ульяновске 16 апреля 1970 года.— «Правда», 1970, 17 апреля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Трофимов Жорес Александрович

ГИМНАЗИСТ ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

(Документальные очерки)

Редактор *П. Ф. Максяшев*. Художник *А. В. Учаев*. Художественный редактор *В. К. Иванов*. Технический редактор *Л. В. Андронова*. Корректоры *И. Д. Дудуева, Р. Н. Подосян*.

Сдано в набор 26/VI 1975 г. Подписано в печать 30/XII 1975 г. ФЛ30473. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Усл.-печ. л. 10,4 (6,25)+ +0,84 л. вкл. Уч.-изд. л. 10,78+0,68 л. вклейки. Тираж 20 000. Цена 60 коп. Заказ 1570.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15. Производственное объединение «Полиграфист». Саратов, пр. Кирова, 27.

60 коп.

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ · 1976